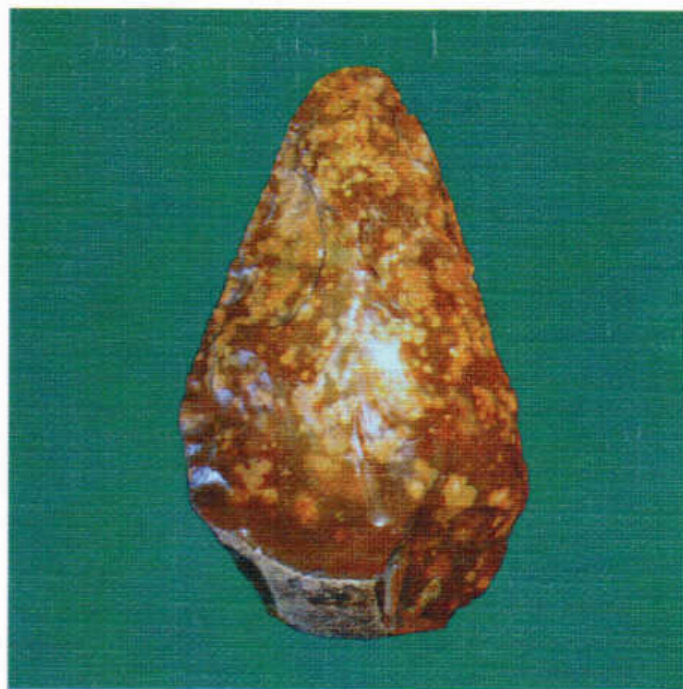

**В. П. ЛЮБИН
Е. В. БЕЛЯЕВА**

**СТРАНИЦЫ
РАННЕЙ
ПРЕИСТОРИИ
АБХАЗИИ**

ARCHAEOLOGICA

PETROPOLITANA

**Russian Academy of sciences
Institute for the history of material culture
Proceedings. Volume XXXVIII
Academy of sciences of Abkhazia
The D. A. Gulia abkhazian institute for humanitarian studies**

V. P. Lyubin, E. V. Belyaeva

PAGES OF THE EARLY PREHISTORY OF ABKHASIA

**St. Petersburg
2011**

Российская Академия наук
Институт истории материальной культуры
Труды. Том XXXVIII
Академия наук Абхазии
Институт гуманитарных исследований им. Д. А. Гулиа

В. П. Любин, Е. В. Беляева

СТРАНИЦЫ РАННЕЙ ПРЕИСТОРИИ АБХАЗИИ

Санкт-Петербург
2011

УДК 930.26
ББК Т4(2)221

*Книга написана при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 29,
проект «Ашельские рубила Кавказа: развитие технологий и протодизайна»*

Книга издана при финансовой поддержке Кабинета Министров Республики Абхазия

Научный редактор: Н. Е. Полякова

В. П. Любин, Е. В. Беляева. Страницы ранней преистории Абхазии. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. — 120 с. (Archaeologia Petropolitana).

В книге обобщены данные по ранней преистории Абхазии и всего Кавказского Причерноморья с опорой на основной раннепалеолитический памятник региона — уникальное Яштухское местонахождение, открытое в 30-х гг. XX в. к северу от г. Сухум, критически рассматриваются подходы разных исследователей к изучению и интерпретации материалов этого крупнейшего на всем Кавказе местонахождения. Ревизия опубликованных раннепалеолитических (ашельских) изделий наряду с авторским анализом яштухских ашельских коллекций позволяет сделать выводы о специфике местной раннепалеолитической культуры. Охарактеризованы другие ашельские памятники Абхазии и сопредельных районов Причерноморья. На основе синтеза данных по раннему палеолиту и палеогеографии предлагается сценарий вероятных этапов и маршрутов заселения территории Абхазии древнейшими людьми.

Издание рассчитано на археологов, историков, геологов, палеогеографов, а также краеведов и всех любителей истории Абхазии.

На первой странице обложки: ручное рубило, найденное Г. А. Амичба в районе Кялясур близ г. Сухума, Абхазия.

ISBN 978-5-85803-444-5

© В. П. Любин, Е. В. Беляева, 2011
© Институт истории материальной культуры РАН, 2011
© Петербургское Востоковедение, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография «Страницы ранней преистории Абхазии» В. П. Любина и Е. В. Беляевой является первым наброском ранней преистории Абхазии. Обложку этой книги украшает ручное рубило, недавно найденное Г. А. Амичба в окрестностях г. Сухума и являющее собой яркий образец ашельской каменной индустрии Абхазии. Предмет исследований авторов — раннепалеолитические (ашельские) памятники Сочинско-Абхазского Причерноморья и, в первую очередь, открытое С. Н. Замятниным в 1933 г. недалеко от Сухума уникальное Яштухское местонахождение — скопление памятников с разнообразными каменными индустриями. Это чрезвычайно значимое открытие дало толчок археологическим и геологическим исследованиям палеолита на всем Кавказе, а богатые и разнообразные материалы Яштухского местонахождения до сих пор являются главным источником знаний о преистории абхазской части Кавказского Причерноморья.

В предлагаемой монографии авторы собрали и обобщили все возможные материалы по археологии и геологии Яштухского местонахождения, дали собственную характеристику его каменных индустрий, определили возможные пути и этапы заселения человеком территории Абхазии. Полнота и разнообразие приведенных данных, их глубокий и всесторонний анализ, высокий профессионализм авторов, их совершенное владение понятийным аппаратом делают данную книгу фундаментом для дальнейших исследований преистории Абхазии. В книге не просто собраны и проанализированы имеющиеся данные, но использованы современные методы и приемы научных исследований, даны образцы мастерской идентификации непротых форм ашельского инструментария. Авторский подход к характеристике каменных индустрий Яштухского местонахождения является эталоном для исследований любых каменных индустрий.

При всей глубине специализации данной монографии на каждой ее странице мы ощущаем эмоциональное отношение к предмету исследования, что связано прежде всего с личностью одного из авторов. Имя доктора исторических наук Василия Прокофьевича Любина не только знакомо любому человеку, интересующемуся археологией Кавказа, оно для всех значимо и знаково. Мы все учимся у профессора В. П. Любина методам и приемам научной работы, поражаюсь при этом его внимательному и бережному отношению

как к предмету исследования, так и к природе и людям тех стран, в которых ему довелось работать. Его труды помогают понять и полюбить мир Кавказа, древнюю культуру и историю его народов.

Вся жизнь Василия Прокофьевича связана с Кавказом. Сюда он пришел капитаном-артиллеристом с фронтовых дорог Великой Отечественной войны, здесь сделал много открытий, исследовал огромное количество памятников палеолита, проанализировал многочисленный и разнообразный материал каменных индустрий, воспитал десятки исследователей. Глубоко и искренне переживает бывший фронтовик военные события последних десятилетий на Кавказе и продолжает здесь свои изыскания. Поездка в военную Южную Осетию, работа в Армении, подготовка материалов по Яштухскому местонахождению в Абхазии свидетельствуют о высокой гражданственности и человечности В. П. Любина, дают пример молодым исследователям Кавказа.

Второй автор данной монографии — кандидат исторических наук Елена Владимировна Беляева, опытный исследователь с большим творческим потенциалом. Она многие годы участвовала в палеолитических экспедициях, проводимых В. П. Любиным в разных районах Кавказа, а также в Средней Азии и в Западной Африке. В последние два десятилетия Е. В. Беляева является соавтором большинства печатных работ В. П. Любина.

Написав эту книгу, авторы создали хорошую основу для будущих изысканий на Яштухском местонахождении, проявив заботу о последующих поколениях ученых и исследователей преистории Абхазии. Главы, в которых излагается история изучения Яштухского местонахождения, демонстрируют, как бережно и уважительно относятся авторы к результатам работ предшественников-археологов С. Н. Замятина, Л. Н. Соловьева, И. И. Коробкова и Н. З. Бердзенишвили. Именно им, а также молодому преисторику М. Х. Хварцкия, героически погибшему в бою под Ткварчелом в 1992 г., и посвящается данная книга. Хочется надеяться, что публикация этой монографии не только вызовет большой интерес у всех, кто интересуется древнейшей историей Абхазии, но и станет предпосылкой для возобновления активных исследований в этой области.

Н. Е. Полякова

Памяти исследователей преистории Абхазии в XX в. Сергея Николаевича Замятина, Льва Николаевича Соловьева, Нины Захаровны Бердзенишвили, Игоря Ильича Коробкова и Муш-ни Хумсаевича Хварцкия

ВВЕДЕНИЕ

Современная Абхазия, занимающая северную часть Колхидской горной провинции, относится к самым теплым и влажным областям Кавказа. Среднегодовая температура воздуха в Сухуме, достигающая $+15^{\circ}\text{C}$, является самой высокой на Кавказе. Данную территорию нередко обособляют под названием Абхазского Кавказа, ибо значительная часть этого региона, расположенная между Главным Кавказским хребтом с севера, Гагринским хребтом с запада и отрогами Кодорского хребта с востока, орографически замкнута (рис. 1). Здесь господствуют горно-лесные ландшафты, в нижнем поясе — субтропические колхидские, реликтовые. Пышный колхидский лес поднимается до высоты 500—600 м над уровнем моря и характеризуется многоярусностью и богатством видового состава. Морские просторы, субтропическая растительность, густые леса, покрывающие до 55 % площади страны, бурные реки и вершины Большого Кавказа придают Абхазии необычайную живописность. А. П. Чехов, посетивший Абхазию более ста лет назад, в одном из своих писем восторженно писал: «Природа удивительна до бешенства и отчаяния».

Природные особенности Абхазии были чрезвычайно благоприятными для людей палеолита (древнекаменного века). Большую часть Абхазии занимают высокие отроги Главного Кавказского хребта — известняковые хребты Гагринский, Бзыбский, Абхазский и Кодорский, изобилующие карстовыми пещерами и гротами. Разведки абхазского археолога М. Х. Хварцкия в 1980—1991 гг. выявили, к примеру, только в Гудаутском и Сухумском районах до 50 скальных убежищ, перспективных для поисков палеолитических стоянок. Абхазия обладает также не менее богатыми выходами кремнёвого сырья, насущно необходимого для изготовления каменных орудий. Благодатный климат, многочисленные природные убежища, превосходное кремнёвое сырьё и пищевые ресурсы субтропических лесов не могли не привлечь в эту область древнейших гоминид. Колебания температуры в ледниковые эпохи не носили в Абхазии катастрофического характера: предгорное оледенение здесь отсутствовало. Люди могли укрываться в естественных пещерных убежищах в глубоких речных каньонах.

Данная книга посвящена начальному этапу преистории Абхазии — раннему палеолиту. Об этом периоде можно судить прежде всего по материалам уникального Яштухского местонахождения. Оно расположено к северу от Сухума и представляет собой скопление многочисленных палеолитических памятников. Открытие этого скопления, доставившего пер-

вые в СССР раннепалеолитические (ашельские) каменные индустрии, возраст которых исчисляется несколькими сотнями тысяч лет тому назад, явилось величайшей сенсацией своего времени. Изучением Яштухского местонахождения занимались многочисленные экспедиции, возглавляемые виднейшими геологами и археологами Москвы, Санкт-Петербурга, Сухума и Тбилиси. Научная ценность яштухских материалов, на основе которых зародилось и начало развиваться отечественное «ашеловедение», сохранилась до сих пор. Значимость этих материалов заключается не только в размерах и богатстве Яштухского местонахождения, но и в том, что они являются главным источником наших знаний о древнейших страницах преистории Центральной (Абхазской) части Кавказского Причерноморья. Особое, интригующее значение Яштухского местонахождения заключается также в том, что в нем переплелись, нашли отражение события как преисторического, так и палеогеографического характера. Район Яштуха представлял собой «арену», на которой, по всей видимости на глазах его древних насельников, происходило образование молодой четвертичной складчатости и шла перестройка речной сети.

Полевые изыскания на Яштухском местонахождении, изучение и публикация его материалов производились на протяжении более полувека (1933—1992). В характеристике геологических и археологических материалов этого памятника, соответственно этапам развития науки в прошлом веке и особенностям взглядов различных ученых, обозначились различные, порой противоречивые трактовки. В данной книге производится достаточно подробное рассмотрение работ геологов (В. И. Громов, Е. В. Шанцер, Б. Л. Соловьев, А. Б. Островский, Н. Е. Полякова) и археологов (С. Н. Замятин, Л. Н. Соловьев, Н. З. Бердзенишвили, И. И. Коробков, В. Е. Щелинский, М. Х. Хварцкия), касающихся ранней преистории района Яштухского местонахождения, а также Абхазского и, отчасти, всего Большекавказского Причерноморья. Главенствующее место при этом занимают ревизия предшествующих исследований ашельских индустрий Яштуха и результаты изучения авторами доступных материалов. В заключение рассматриваются гипотезы о вероятных этапах и маршрутах заселения Абхазии древнейшими гоминидами.

В приложении к книге приводятся неопубликованные тезисы докладов И. И. Коробкова о Яштухском местонахождении, прочитанные им в 1983, 1989, 1992 гг. на заседаниях сектора палеолита и ученого совета Института истории материальной культуры АН СССР в Санкт-Петербурге.

1. ГЕОГРАФИЯ И ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ ЯШТУХСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ

Уникальное скопление многочисленных и разновозрастных палеолитических памятников, известное как Яштухское палеолитическое местонахождение, расположено в Средней Абхазии, на Сухумском участке Северо-Колхидской предгорной полосы (рис. 1), простираясь от реки Гумиста на западе до реки Басла (Беслета) на востоке (рис. 2).

Предгорная полоса, обрамляющая Сухумскую бухту, расширена здесь до 20—22 км, разделяясь на горную известняковую и низменную холмистую приморскую зоны. Горная зона носит четко выраженный тектонический характер: в ее рельефе резко выступают две параллельные береговой линии моря антиклинальные гряды Ахабиюк (А) и Яштух (Яштхва), разделенные субширотными синклинальными котловинами Беслетская и Суходол. Кроме того, обе гряды глубоко рассечены на несколько частей поперечными антецедентными сквозными долинами — каньонами рек Западная Гумиста, Восточная Палео-Гумиста (ныне мертвая долина, по которой в приморской зоне протекает речка Сухумка) и Беслета. Первая гряда включает массивы Большой и Малый Ахабиюк, вторая — массивы Яштух, Бырцх и Гвард. Врезание рек происходило по мере поднятия обеих гряд, в результате чего рельеф Яштухской гряды приобрел оригинальную форму, которая напоминает «...разрезанный ножом хлебный батон» [Гвоздецкий, 1963: 21] (рис. 2).

Поднятие привело также к перестройке речной сети: река Восточная Гумиста перестала течь через первоначально прорезанные ею ущелья и в какую-то пору верхнего плиоцена-плейстоцена была перехвачена в районе сел. Гума более мощной, по всей видимости, рекой Западная Гумиста, превратившись в приток последней [Когошвили, 1966; Астахов, 1971а: 404; Девдариани, 1971: 255—256] (рис. 2). Благодаря этому люди получили возможность заселять бывшую долину реки Восточная Палео-Гумиста — ущелье между Большим и Малым Ахабиюком, ущелье между горами Яштух и Бырцх, урочище Суходол, а также местность у южных склонов Яштухской гряды. Так развивались события в горной зоне Яштухских местонахождений.

Поднятие известняковых гряд и перестройка местной речной системы (рассечение реками этих гряд и перехват одной реки другой), существенно изменявшие ландшафт района, могли происходить на глазах древнейших обитателей этих мест, обуславливая возможности их расселения. Известную роль в этом отношении могли играть и такие особенности рельефа, как уплощенность вершин этих гряд-увалов, асиммет-

ричный характер их склонов (южные склоны более пологие) и наличие на склонах этих гряд удобных для поселения структурных ступеней, образованных легко размываемыми мергелями [Девдариани, 1971: 255].

Что касается примыкающей к морю холмистой южной части Яштухского местонахождения, то современный рельеф ее определяется морским террасообразованием, долинами рек Гумиста и Беслета, а также эрозионным расчленением мелкими ручьями и реками Гнилушка (Джаншкоп), Гариквари и Сухумка, разветвляющейся на Западную (Акришеты) и Восточную (Хакепсы). Мелкие реки создали систему снижающихся к морскому побережью взаимно параллельных холмистых гряд, эрозионных балок и оврагов [Девдариани, 1971: 255—256].

В низменной прибрежной части, судя по находкам, люди расселялись на морских террасах, и здесь возникает проблема сочетания уровней морского плейстоцена с этапами расселения на них древних людей (рис. 3). В террасированном рельефе этой зоны проявились плейстоценовые колебания уровня моря. Размеры и очертания их определялись как тектоникой, так и наступанием или отступанием моря, абразией берегов или, напротив, аллювиальной аккумуляцией речных наносов. Последняя образовала так называемый Сухумский мыс — сильно выступающую в море в виде полуострова дельту реки Гумиста [Астахов, 1971в: 489; Зенкович, 1977: 129—133]. Изучение контакта между аллювиальными отложениями и морскими осадками чрезвычайно важно для установления максимума проникновения морских вод в пределы предгорной аллювиальной равнины, для целей детальной стратиграфии [Кожевников, 1977: 43—50], для уточнения площади, пригодной для обитания человека в разные периоды плейстоцена. Забегая вперед, отметим, что пределы этой площади, варьируя, явно наращивались со временем. Так, наиболее архаичные находки (галечные орудия) были обнаружены весьма далеко от современной береговой линии — в котловине Суходол между двумя известняковыми грядами, а археологические остатки только голоценового времени — на самых низких морских террасах.

Подлинные пределы Яштухского местонахождения, по всей видимости, не вполне еще выяснены. Не исключено, что северные и восточные границы его (к северу от гряды Ахабиюк и к востоку от реки Беслета) могут быть расширены. Основная часть Яштухского местонахождения, по данным И. И. Коробкова, занимает поверхность высокой яштухской террасы, протя-

нувшейся вдоль склонов гор Яштух и Бырцх на абсолютной высоте от 75 м у бровки до 150 м у подножия склона. «В широком же понимании это местонахождение включает в себя всю территорию Яштухской террасы между реками Гумиста и Беслета, горы Яштух и Бырцх, с высоким плато и склонами, пункты Лечкоп (ныне западный пригород г. Сухума севернее Сухумского мыса) и Ахабиюк... и пространство между Яштухом и Бырцхом — всего территорию около 100 га» (Коробков, см. прилож. 3). В пределы местонахождения входят также окрестности г. Сухума (Остроумовское ущелье, горы Чернявского и Трапедия). Отдельные каменные изделия можно встретить и в выносах речек, пересекающих город. Наиболее архаичные на-

ходки приурочены к горной части местонахождения, а также к поверхности пятой (яштухской) террасы и к верховьям рек Западная и Восточная Сухумка.

Таковы основные географические и палеогеографические характеристики района обширного Яштухского местонахождения. На протяжении сотен тысяч лет этот район привлекал древних людей разнообразием природных условий (море, реки, невысокие горы, где могли быть скальные навесы, различные охотничьи уголья и т. д.), но главным фактором притяжения были, безусловно, обильные залежи здесь кремнёвого сырья — наиболее важного ресурса для их жизнеобеспечения.

2. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯШТУХСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ

Первый десяток палеолитических кремнёвых изделий у подошвы горы Яштух был обнаружен летом 1933 г. абхазским краеведом Львом Николаевичем Соловьевым, увлеченно исследовавшим древности Абхазии в течение всей своей жизни [Ефименко, 1963: 168; Соловьев Л. Н., 1971: 5, 22; Воронов, 1994: 14]. Этому успеху предшествовала учеба Л. Н. Соловьева на истафке Харьковского университета и на минералогопетрографическом отделении Института переквалификации при Ленинградском горном институте, работа в археологических музеях Херсонеса и Курска, а также участие в 1927 г. в работах Костенковской экспедиции, возглавляемой П. П. Ефименко [Воронов, 1994: 11—14].

В октябре 1934 г. состоялось знакомство Л. Н. Соловьева с крупнейшим отечественным исследователем палеолита С. Н. Замятниным, которому он передал свою небольшую коллекцию яштухских кремней. Эти предметы — первые ашельские изделия, встреченные на территории СССР, — произвели на С. Н. Замятина настолько сильное впечатление, что в последующие дни он в сопровождении Л. Н. Соловьева и М. М. Иващенко сам обследовал место находок и лично собрал там дополнительные материалы [Замятин, 1937: 3; Воронов, 1994: 15]. Более обстоятельные работы в обеих зонах обширного Яштухского местонахождения (рис. 5, 6) выполнила в 1935 г. возглавляемая С. Н. Замятниным специальная палеолитическая экспедиция Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, в составе которой работали Л. Н. Соловьев, М. З. Паничкина, П. И. Борисковский, А. Н. Каландадзе, В. В. Федоров. Яштухским местонахождением заинтересовались и ведущие геологи страны: в 1935 г. геологическое изучение местонахождений производилось Г. Ф. Мирчинком, В. И. Громовым и Н. О. Ласкорунской, в 1936 г. — специальной экспедицией Геологического института АН под руководством Е. В. Шанцера, работавшего там по поручению советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (INQUA) [Замятин, 1937: 3].

Заслуги Л. Н. Соловьева в исследовании палеолита Абхазии в целом, и в частности Яштухских местонахождений, особенно велики. Лев Николаевич был не только прекрасным археологом-разведчиком, обнаружившим и отчасти исследовавшим основные палеолитические памятники Абхазии (Яштух, Кеп-Богаз, Холодный Грот, Анухва Абхазская и др.), но и геологом, предложившим оригинальную трактовку террасовой стратификации палеолитических местонахождений предгорной зоны Яштухского местонахождения.

Война прервала исследование Яштухского местонахождения на долгие годы, хотя Л. Н. Соловьев, проживая в Сухуме, периодически посещал разные пункты и производил там археологические и геологические изыскания (рис. 4, 7). Более значимые работы возобновились там лишь после более чем 20-летнего перерыва. В 1958—1960 гг. грузинские исследователи археолог Н. З. Бердзенишвили и геологи Д. В. Церетели и И. А. Целишвили провели раскопки на вершине горы Яштух и сборы подъемного материала в приморской зоне, вдоль шоссе, ведущего из Сухума к селению Михайловское (Шрома) (рис. 8). В 1961 г. М. З. Паничкина ознакомила с Яштухским местонахождением молодого археолога И. И. Коробкова из Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) (соврем. Институт истории материальной культуры). В этой поездке принимал участие также геолог П. М. Долуханов. В 1962—1965 гг. И. И. Коробков производил самостоятельные исследования в обеих зонах местонахождения, собрав новую большую коллекцию кремнёвых изделий. Кроме того, в течение нескольких лет во время командировок в Сухум он обстоятельно знакомился с хранящимися там коллекциями Л. Н. Соловьева и С. Н. Замятина, составив при этом их описи и частичные описания.

Летом 1962 г. Л. Н. Соловьев организовал для В. П. Любина, одного из авторов данной книги, экскурсию в центральную часть Яштухского местонахождения и в ущелье между горами Яштух и Ахабиюк. В этом межгорье, в местности Суходол, были обнаружены два новых пункта с палеолитическими изделиями [Воронов, 1994: 52].

В октябре 1964 г. небольшие изыскания на Яштухском местонахождении произвела группа московских геоморфологов (В. М. Муратов и Э. О. Фриденберг) и ленинградских археологов (В. П. Любин, А. К. Филиппов). Осмотру подверглись центральная часть местонахождения на одном из участков пятой яштухской террасы и прилегающий к местонахождению южный склон горы Яштух, а также ущелье между горами Бырцх и Яштух и урочище Суходол. Группа специалистов констатировала обилие на осмотренном участке склона отходов производства (опробованные желваки, нуклеусы, отщепы), что характерно для памятников типа мастерских. В урочище Суходол, примыкающем к мертвой долине реки Восточная Палео-Гумиста, была собрана новая коллекция леваллуа-мустьерских изделий и, совершенно неожиданно, группа необычных

для Яштуха крупных некремнёвых (вулканические породы?) галечных орудий (остроконечные чопперы).

В 1965 г. Яштух посетила группа археологов (П. И. Борисковский, Л. Н. Соловьев, Н. З. Бердзенишвили, А. Н. Каландадзе, М. М. Трапш, В. П. Любин, З. А. Абрамова и др.) и геологов (В. М. Муратов и В. Ф. Петрунь), которые подтвердили возможность предложенного И. И. Коробковым разграничения на местности разновременных палеолитических комплексов.

В последующие годы основная часть предгорной зоны местонахождения бурно застраивалась и, когда в 1981 г. центральную часть местонахождения у подошвы горы Яштух посетили участники Кавказской палео-

литической экспедиции ЛОИА (В. П. Любин, Е. В. Беляева, Д. А. Чистяков, Л. В. Голованова, В. В. Доронищев и др.), доступной для обозрения оставалась лишь небольшая полоса земли вдоль грунтовой дороги в селение Красный Яштух.

В годы абхазско-грузинского конфликта 1992—1993 гг. обширный район местонахождения, окаймляющий город Сухум с севера, сильно пострадал во время военных действий. Новые работы на Яштухе предполагают углубление, в первую очередь, геологических изысканий и расширение границ исследований в горной зоне.

3. ВОПРОСЫ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИЗУЧЕННОСТИ И ДАТИРОВОК ЯШТУХСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ

Проблемы, связанные с условиями залегания и хронологической оценкой различных палеолитических материалов Яштухского местонахождения, чрезвычайно сложны и до сих пор, несмотря на усилия множества специалистов, в полной мере не решены. В этом разделе мы последовательно рассмотрим четыре основных подхода к решению этих проблем.

Первый из них, основанный на датировках морских террас, начал складываться вскоре после открытия Яштухского местонахождения в 1933—1934 гг. Обнаружение на террасах перед Яштухской грядой пунктов с каменными изделиями раннего, среднего и верхнего палеолита и, в особенности, открытие там первых в СССР ашельских памятников произвело ошеломляющее впечатление. В Абхазию незамедлительно отправились ведущие специалисты в области четвертичной геологии (В. И. Громов, Е. В. Шанцер, Г. Ф. Мирчинк) и первобытной археологии (С. Н. Замятнин, П. И. Борисковский, М. З. Паничкина). В. И. Громов привез в своем портфеле выработанную им для палеолита Русской равнины хронологическую схему (мустье: до-рисс и первая половина рисса; верхний палеолит: вторая половина рисса—вюрм) и спроецировал ее на местную пятиступенчатую «стратиграфию террас». Наиболее древние ашельские изделия, по его мнению, залегали *in situ* на пятой (80—100 м) террасе в суглинках аллювиально-делювиального типа или элювиального происхождения; кремни мустьерского типа, как предполагалось, залегали также *in situ* в аллювиальных суглинках третьей (32—40 м) террасы. Менее определенно В. И. Громов высказывался по поводу верхнего палеолита: верхнепалеолитические памятники считались приуроченными к верхам покровных суглинков всех террас и предположительно были отнесены ко времени формирования второй (16—20 м) террасы. Оценка четвертой (60 м) террасы не производилась вовсе [Громов, 1940: 93]. Свою концепцию геологического возраста террас и связываемых с ними палеолитических находок Яштухского местонахождения этот исследователь представил в виде схемы [Громов, 1940: 93, фиг. 1]. Эта схема была повторно опубликована им в книге 1948 г. [1948: 275, фиг. 32], а затем переиздана в работе С. Н. Замятина [1961: 78, рис. 10] (рис. 3).

Вопрос о геологическом возрасте Яштухских террас, время образования которых, как считалось, являлось и временем поселения на них человека, решался В. И. Громовым и поддержавшим его Е. В. Шанцером

однозначно. Возраст первой, современной (5—8 м) террасы определяли временем нахождения в ее галечниках остатков кобанской культуры; возраст второй (15—20 м) сопоставлялся с карангатскими отложениями (рисс-вюрм); третьей (30—40 м) и четвертой (60 м) — с древнеэвксинскими (миндель-рисс), причем низы четвертой террасы относились уже к миндельскому времени. «Таким образом, миндель-рисский и рисский возраст мустье и, в соответствии с этим, рисский и послерисский возраст верхнего палеолита, устанавливаемый в последнее время и на Восточно-Европейской равнине, находил подкрепление в кавказских материалах» [Громов, 1948: 270—271]. Данное заключение, однако, было опровергнуто в ходе дальнейших поисковых изысканий.

Необходимость пересмотра схемы геологического возраста черноморских террас, предложенной В. И. Громовым, возникла уже в 1937 г., когда Л. Н. Соловьев нашел в дислоцированной толще 30—40-метровой третьей террасы на реке Гумиста близ Сухума залегавшие совместно среднепалеолитические (мустьерские) артефакты и карангатскую морскую фауну рисс-вюрмского возраста. Это предполагало не до-рисский и рисский возраст мустьерских памятников, а гораздо более поздний (рисс-вюрмский или вюрмский). Подобные находки привели геологов в замешательство [Громов, 1948: 276], показав, что следование принятой хронологической схеме ведет в явный тупик. Выбраться из этого тупика удалось гораздо позже, когда изучение основных горизонтов морского плейстоцена Кавказского Причерноморья продвинулось вперед, несмотря на то что не удалось прийти к однозначному мнению в отношении количества, гипсометрии и возраста этих горизонтов. Дело в том, что разные участки побережья испытывали неотектонические движения различной направленности и амплитуды, в результате чего на них было представлено неодинаковое количество террас и одинаковые по возрасту террасы располагались на разных гипсометрических уровнях [Астахов, 1970б: 460].

Новые исследования подтвердили несостоятельность схемы В. И. Громова. Они показали распространение на большей части Черноморского побережья Кавказа семи фаунистически датированных плейстоценовых террас — чаудинской, древнеэвксинской, узунларской (пшадской), ашейской, карангатской, сурожской и древнечерноморской (голоценовой). Выяснилось также, что карангатская терраса характеризует-

ся очень большим гипсометрическим диапазоном (14—40 м) [Астахов, 1970б: 460]. А. Б. Островский (1968) выделяет три уровня этой террасы: древнекарангатский (ашейский), собственно карангатский (именно он был выявлен Л. Н. Соловьевым на реке Гумиста) и сурожский (позднекарангатский). Морские отложения первого из них в районе Сочи и Туапсе прерываются красноцветным шлейфом теплого ресс-вюрмского межледниковья [Лилиенберг и др., 1977: 149—150].

Большой интерес представили данные об абсолютном возрасте некоторых из этих террас. Так, по результатам палеомагнитных исследований, отложения чаудинского времени на разных участках Черноморского побережья варьируют от завершающих стадий плиоцена до начала плейстоцена. Анализ образца суглинка из покровных отложений пятой террасы в районе Яштухского местонахождения доставил TL — дату, указывающую на диапазон 358—330 тысяч лет назад [Долуханов, 1979]. Согласно П. М. Долуханову (1979), она фиксирует миндель-рисское межледниковье. Более точные даты были получены для карангатских уровней. Ураново-иониевые датировки раковин ашейского горизонта из разреза в устье реки Аше показали абсолютный возраст $139\,000 \pm 5000$ лет назад, а в устье реки Макопсе — $124\,000 \pm 3500$ лет назад. Абсолютный ураново-иониевый возраст раковин из отложений основного карангатского горизонта в районе Адлера составляет $74\,060 \pm 3000$ лет назад, а из сурожских отложений в районе мыса Тузла — $33\,100 \pm 2800$ лет [Островский и др., 1977: 61—67]. Даты эти впервые ориентируют относительно вероятного возраста карангатских террас Яштухского местонахождения.

Данные о находках палеолита в морских террасах более северных участков Черноморского побережья свидетельствуют, в общем, что с отложениями пятой узунларской и более древних террас связаны местонахождения ашельских индустрий. Соответственно, к четвертой, ашейской, и к третьей, собственно карангатской, террасам, а также к соотносимым с ними континентальным образованиям приурочены находки среднепалеолитических орудий, а к отложениям второй сурожской террасы — остатки верхнепалеолитических культур [Островский, Щелинский, 1969; Щелинский, Островский, 1970; Островский и др., 1977: 67—68].

Итак, концепция В. И. Громова оказалась неверной, тем более что он стремился, к сожалению, «вмонтировать» яштухские стоянки в предвзятую хронологическую схему, не предприняв никаких земляных работ или зондажей, которые могли бы уточнить литолого-стратиграфические позиции каменных изделий в различных пунктах Яштухского местонахождения. Встает, однако, вопрос, возможно ли применение новой хронологической схемы черноморских террас при датировании разновозрастных палеолитических материалов Яштухского местонахождения. Ответ зависит от того, прослежена ли приуроченность каменных изделий, относящихся к разным этапам палеолита, к определенным террасовым уровням. В. И. Громов в свое время указывал на это [Громов, 1948: 268], опираясь, видимо, на данные С. Н. Замятнина, отмечавше-

го, в частности, залегание древнейших находок раннепалеолитического типа в галечниках [Замятнин, 1937: 12, 19]. В то же время Л. Н. Соловьев и И. И. Коробков не подтверждают эти наблюдения. Последний пишет, что «...высотное расположение одинаковых комплексов колебалось в значительной степени, а разнородные памятники иногда локализовались на поверхности одной и той же террасы. Это поставило под сомнение приемлемость террасовой системы геологической датировки» [Коробков, 1967: 196].

На наш взгляд, данный подход, основанный на датировании террас, все же остается в той или иной мере важным для изучения гипсометрического расположения памятников и выяснения связи разных этапов палеолитического заселения террасированной прибрежной зоны с уровнями морского плейстоцена. Разумеется, данные о возрасте морских террас не могут служить реперами для установления хронологии всех яштухских палеолитических материалов. Часть каменных изделий были сильно переотложены, а часть происходят из разрушенных памятников, располагавшихся вне террас, например в горной зоне. Палеолитические люди могли селиться ближе к выходам сырья, на удобных речных мысах речных берегов или у родников. К тому же морские террасы фиксировали лишь трансгрессивные уровни Черного моря. Следы регрессий, когда уровень моря опускался значительно ниже современного, известны меньше [Лилиенберг и др., 1977: 151].

Вторая модель, стремившаяся объяснить структуру залегания палеолитических материалов на Яштухском местонахождении, исходила из мнения о приуроченности палеолитических орудий к покровным суглинкам, плащеобразно перекрывающим террасовые уровни. Впервые эта идея была высказана геологом Е. В. Шанцером. Яштухские террасы, по его мнению, были сложены аллювием, состоящим из толщи галечников, которая перекрывается маломощным слоем покровных суглинков также аллювиального происхождения. В этих суглинках, отвечающих последним стадиям формирования террас, и были заключены палеолитические орудия. Залегали они *in situ*, и в распределении их по уровням исследователь видит определенную закономерность: верхнепалеолитические остатки были приурочены ко времени формирования второй террасы, мустьерские — к третьей и четвертой террасам, ашельские — к пятой. В оценке геологического возраста этих террас Шанцер разделял точку зрения В. И. Громова [Шанцер, 1940: 97—100]. Одновременно с Шанцером модель «залегания в покровных суглинках» была в несколько гипертрофированном виде принята Л. Н. Соловьевым [Соловьев, 1940: 101—105] и в таком же виде воспринята И. И. Коробковым ([Коробков, 1967: 195—196], см. также прилож. 3).

В работе 1940 г. Л. Н. Соловьев отмечает, что покровные суглинки перекрывают все террасы, разделяясь на ряд литологических горизонтов: верхний представлен подзолистыми отложениями, средний — желто-бурыми суглинками, нижний — красноземами. В верхнем горизонте с характерными марганцево-желе-

зистыми стяжениями встречаются верхнепалеолитические изделия. Средний горизонт, содержащий мустьерские находки, присутствует на всех террасах, кроме двух нижних. Красноземы типичны для верхних террас, начиная с шестой, 50-метровой, и выше, однако иногда встречаются и на нижележащих. Ашельские изделия, как полагает Л. Н. Соловьев, связаны, видимо, именно с красноземами и никогда не встречаются *in situ* ниже 60-метровой террасы. На вопрос, можно ли датировать террасы по археологическим находкам и наоборот, Л. Н. Соловьев отвечает: «...при находке орудий *in situ* часто имеется возможность установления связи с тем или иным горизонтом покровных образований, а затем учитывается терраса, на которой этот покров залегает» [Соловьев, 1940: 105]. Создается, таким образом, впечатление, что стратификация палеолита наблюдается только в обособленно (?) залегающих покровных суглинках. Более того, на схеме геологических условий залегания палеолита на Яштухском местонахождении, предложенной этим исследователем позднее, указан только обширный шлейф покровных суглинков без каких-либо признаков перекрываемых ими уступов террас [Соловьев, 1971: табл. 1] (рис. 4).

В капитальной работе 1971 г. Л. Н. Соловьев подробно разрабатывает свое видение геологии Яштуха. В верхах покровных суглинков, ниже перепаханного слоя, он отмечает две разновидности субтропической подзолистой почвы с марганцево-железистыми стяжениями в верхах нижней из них. Подзол последовательно подстилают суглинок интенсивно желтой окраски без железистых стяжений и — уровнем ниже — полосатый краснозем (тигровая окраска), который прохватывает верхи залегающего глубже сильно разложившегося галечника (гнилой камень) [Соловьев, 1971: 23—25]. Более обстоятельно Л. Н. Соловьев рассматривает стратиграфию отложений и палеолитических находок, выявленную им в пунктах 7г, 6б и 2а (рис. 7), где им *in situ* были встречены изделия, определенные как «прешелльские» и «шелльские» (т. е., в современной терминологии, раннеашельские). Здесь эта стратиграфия несколько отличается и варьирует: в пункте 7г на контакте «подзола» с желтоземом отмечен тонкий слой галечника, а марганцево-железистые стяжения были прослежены то в низах краснозема (пункт 7г), то в низах подзола (пункт 6б), то в желтоземе (пункт 2а). В общем, однако, схема напластований сходна (снизу вверх):

1. Верхняя часть галечников высокой яштухской террасы с «прешелльскими» орудиями.

2. Красноцветный суглинок 1-й генерации древней яштухской террасы с «шелльскими» орудиями шоколадного цвета.

3. Суглинок желтого цвета с красными пятнами 2-й генерации более молодой сухумской террасы с «шелльскими» и ашельскими орудиями с окраской оранжевого цвета.

4. Оподзоленный суглинок палево-серого цвета 3-й генерации с мустьерскими орудиями кремового цвета [Соловьев, 1971: 26—28].

«Шелль», как полагает исследователь, следует отнести не только к гурийскому, но и к чаудинскому времени, а ашель «...соответствует времени покровных отложений не яштухской, а более низкой „сухумской террасы“, характеризуемой фауной средиземноморского типа» [Соловьев, 1971: 289].

Третий подход к установлению хронологии палеолитических материалов Яштухского местонахождения заключается в оценке возраста артефактов в «...зависимости от внешних признаков залегания их в хронологически различной древности геологических условиях» (Коробков, см. прилож. 3], что выражалось в степени их заглаженности, патинизации, ожелезненности, наличии железистых и карбонатных натечков. Впервые к такой оценке возраста орудий пришел Л. Н. Соловьев, заявив, что «орудия легко сортируются по характеру патины; последняя имеет стратиграфическое значение» [Соловьев, 1971: 41]. Он отличал поверхностную патину от сплошной метаморфизации кремня, перехода его в кахалонг, который он определял как камень, изменивший структуру, вес, цвет и излом под влиянием латеритообразования, происходящего в условиях тропического или субтропического климата при смене дождливых и сухих сезонов. Но для Л. Н. Соловьева «патинизация» не является универсальным критерием возраста артефакта, ибо «...один и тот же кремль датского яруса имеет разную патину в зависимости от того, по какому типу развивается почвообразование в той или иной части стоянки» [Соловьев, 1971: 32]. Что же касается кахалонга и метаморфизации камня, то здесь, видимо, им допущены неточности. Метаморфизация свидетельствует о «...процессах, приводящих к минеральным, структурным, текстурным преобразованиям пород в твердом состоянии в глубоких слоях земной коры» [Рыка и Малишевская, 1989: 279], а кахалонг является ярко-белым халцедоном или молочно-белым опалом, который образуется в поверхностных или приповерхностных условиях в результате биохимических процессов или процессов осаднения из растворов при обычных температурах и давлениях. «Кяхалонг», описываемый Л. Н. Соловьевым, является конечным продуктом выветривания кремня, происходящего уже ко времени мустье [Соловьев, 1971: 31].

Подчеркнем, что Л. Н. Соловьев не рассматривал «патинизацию» артефактов как единственный критерий их возрастных изменений. И. И. Коробков, напротив, первоначально всецело приняв идею Соловьева об оценке возраста находок в зависимости от залегания их в том или ином литолого-стратиграфическом горизонте (= почве одной из генераций) толщи покровных суглинков, затем склонился к мысли о первоочередной роли «патинизации». Так, в работах 1967 и 1971 гг. он еще писал «...о связи залегания орудий древнего человека с покровными суглинками, плащеобразно налегающими на поверхность одного или ряда террасовых уровней. Внутри подобного плаща иногда можно было наблюдать различные по окраске (и, видимо, по условиям и времени образования) горизонты покровных суглинков. С разными горизонтами удалось в некото-

рых случаях связать находки разновременного археологического материала» [Коробков, 1967: 196]. Однако в тезисах его доклада в 1989 г. (Коробков, см. прилож. 2) главный акцент в оценке возраста переносится уже на «ожелезнение» и «патинизацию». Более того, вопреки изложенному выше и без должных оснований, Коробков пишет, что «...ни в одном пункте изученных Соловьевым разновременных разновидностей покровных отложений им не было обнаружено палеолитических изделий; все найденные артефакты содержались либо в делювиальных шлейфах, либо в галечном аллювии, то есть в переотложенном состоянии». «По нашему мнению, — подчеркивает он, — этот факт закономерен: он отражает сам характер стоянок, к настоящему времени полностью разрушенных, с переотложением вмещающих артефактов суглинков и почв...» «В настоящий момент, — заключает Коробков, — единственным выходом является оценка палеолитических коллекций в зависимости от внешних признаков залегания в разнофациальных и хронологически различной древности геологических условиях» (Коробков, см. прилож. 3]. К «внешним признакам залегания», как отмечалось, Коробков относит различные варианты «патинизации» (собственно патину, ожелезнение, натеки, изменение окраски и т. п.).

Резкий отказ И. И. Коробкова от оценки возраста кремневых изделий по их позиции в толще вмещающих слоев озадачивает, тем более что за годы работ на Яштукском местонахождении он, судя по его работам, не предпринял ни одной попытки зачистить и изучить встречавшиеся обнажения или заложить шурфы в пунктах, наиболее перспективных для получения исковой информации. «Стратегию методов исследования» палеолита Яштуха И. И. Коробков предлагает строить, исходя только из «внешних признаков артефактов», полагая, что только она позволит произвести раскладку материалов по сериям, в которых объединены близкие по возрасту комплексы изделий (Коробков, см. прилож. 3]. С помощью этого возведенного в абсолют метода Коробков предлагает, в частности, выделять следующие хронологические группы ашеля:

1. Архаичный ашель: гюнц — миндель, миндель.

Серии: а) с черной патиной — ранний миндель (с заглаженностью);

б) с интенсивной белой патиной и выщелоченностью.

2. Древний ашель: вторая половина минделя.

Серии: а) с красноватой окраской по белому фону — показатель залегания в красноземах;

б) сильное красно-бурое ожелезнение — показатель залегания в условиях максимального тепла и влажности в интер-минделе.

3. Ранний ашель: миндель-рисс.

Серии: а) с интенсивной белой окраской поверхности;

б) с интенсивной буро-крапчатой окраской по желтому фону;

в) с интенсивной коричнево-бурой окраской и железистыми прикипевшими частицами породы. Показа-

тель залегания в культурном слое в условиях максимума тепла.

4. Средний ашель: рисс I; рисс I/II.

Серии: а) интенсивная белая патина без желтизны;

б) такая же патина с сильным желтым фоном;

в) белая патина с железистыми желто-коричневыми участками приставшей породы;

г) с железистыми примазками и люстражем — свидетельство размывания.

5. Поздний ашель: рисс II и рисс II/III. Патина серая, средней интенсивности.

Серии: а) серия с марганцовистыми примазками;

б) с кремевой заглаженностью: с железистыми желтыми примазками и без них. Свидетельство переотложенности в холодный период рисс II (кремевая заглаженность) и рисс II/III с железистыми примазками.

6. Финальный ашель: рисс III и рисс-вюрм. Патина голубовато-белая типа „снятого молока“ и просвечивающая через ожелезнение и люстраж патина с голубыми крапинками».

Подобная разбивка ашельских материалов на ашель архаичный, древний, ранний, средний, поздний и финальный, исходя только из нюансов «окрасок» и «примазок», является, на наш взгляд, сугубо декларативной и даже фантазийной, поскольку ашельские коллекции, собранные И. И. Коробковым на Яштухе, остались, исключая нуклеусы, практически неизданными. Дробные датировки (рисс I, II, III, рисс I/II, рисс II/III и т. д.) ашельских, тейяжских и прочих материалов также в высшей степени сомнительны и неосновательны. В то же время наблюдения И. И. Коробкова все же не следует полностью отвергать. Не исключено, что в будущем, при постановке на Яштухе планомерных раскопок, они, возможно, могут оказаться полезными.

Четвертая модель геологической истории и хронологии палеолита Яштукского местонахождения предложена грузинскими исследователями. Согласно этой модели, все палеолитические материалы, расположенные в приморской зоне местонахождения, находятся во вторичном, переотложенном положении. Сохранившиеся же фрагменты культурных слоев залегают лишь на вершине горы Яштух. Остальная часть их, как предполагается, была смыта эрозионными процессами на южный склон горы и на примыкающие к горе террасы. Изначальная история заселения человеком яштукского района, таким образом, связывается этими исследователями с горной, а не с приморской зоной местонахождения, что вносит «...существенный корректив в предложенную схему хронологического соответствия археологических памятников с четвертичными террасами Причерноморья» [Бердзенишвили, 1979: 39—40].

В большинстве раскопок и шурфов, поставленных грузинскими исследователями на вершине горы Яштух (рис. 8), культурные остатки были «потревожены», но на участках IV и VII они «сохранились лучше». На первом из них каменные изделия, по мнению исследователей, имели раннемустьерский облик, на втором — «весьма древний, возможно древнеашельский» [Бердзе-

нишвили, 1929: 40]. Иной точки зрения придерживается И. И. Коробков, указавший, что в раскопах на вершине горы Яштух не были обнаружены «наиболее древние формы инвентаря» [Коробков, 1965: 93].

В разных раскопах на горе Яштух были обнаружены единичные уровни залегания остатков. Примечательно, что мощность вскрытых отложений, судя по единичному опубликованному схематическому разрезу, не превышала 1 м, а толщина «культурного слоя» — 8—19 см [Бердзенишвили, 1979: 40, табл. VI]. Л. Н. Соловьев, ознакомившийся с этими раскопами на горе, пишет, что почвенный профиль в них «совершенно другой», нежели на террасах приморской зоны [Соловьев Л. Н., 1971: 26]. Сверху вниз он наблюдал:

1) гумус (30 см);

2) мелкокомковатый коричневато-бурый суглинок (разновидность бурозема), содержащий мустьерские и ашельские орудия;

3) красно-бурый суглинок (terra-росса) — продукт выветривания коренных известняков.

«Возможно, — пишет Л. Н. Соловьев, — что это часть древнейшего покровного чехла, начавшего образовываться еще до глубокого эрозионного расчленения когда-то здесь существовавшего неогенового известнякового плато» [Соловьев Л. Н., 1971: 26]. Terra-росса и перекрывавший его бурозем, безусловно, были разделены огромным временным интервалом.

В целом, как нам представляется, нет достаточных оснований утверждать, что все разновременные материалы Яштухского местонахождения, встречающиеся на обширной территории, порой в виде гомогенных концентраций, происходят из маломощных культурных слоев на вершине горы. Кроме того, даже так называемые «древнеашельские» изделия из раскопов на горе Яштух не выглядят столь архаично, чтобы видеть в них указание на первоистоки яштухских индустрий в целом и индустрий приморской зоны в частности. Эти находки совершенно недостаточны для суждений о первоначальном заселении горной зоны. Что касается последнего, то, возможно, в дальнейшем следует обратить особое внимание на упоминавшиеся выше находки архаичных галечных орудий в местности Суходол (котловина между горами Яштух и Ахабиук).

Таково довольно неоднозначное и фрагментарное состояние изученности обширного Яштухского местонахождения на настоящий момент, когда прошло без малого 80 лет со дня его открытия. Главной причиной такого положения является, на наш взгляд, отсутствие

единой программы полевых исследований и комплексного междисциплинарного подхода. Геологи явно потеряли интерес к Яштуху после нестыковки выработанной ими для всей Русской равнины схемы весьма древнего геологического возраста палеолита с хронологической схемой уровней морского плейстоцена на Сухумском побережье. Археологи работали здесь в разные сроки, разрозненно, оставив после себя лишь немногочисленные и порой тенденциозные публикации. Собираение коллекций абсолютно доминировало над раскопками, что выразилось в практическом отсутствии стратифицированных материалов. Коллекции каменных изделий изданы лишь частично, с явным преобладанием в них обобщений и интерпретаций над насытно необходимым анализом артефактов разных эпох.

Таким образом, назрела необходимость возобновить геологическое и археологическое изучение Яштухских местонахождений как в приморской, так и в горной зоне на уровне требований современной методики ведения полевых работ. Изыскания такого рода могут быть выполнены только усилиями многолетней комплексной экспедиции, укомплектованной опытными преисториками и представителями естественных наук. В исследованиях современного уровня, как можно надеяться, исчезнут такие анахронизмы, как «дошелль» («прешелль») и «шелль», и такие парадоксы, как приоритет окрасок и примазок в определении возраста артефактов или зарождение «яштухской преистории» на вершине горы Яштух и т. п. При установлении хронологии артефактов необходимо опираться на все применяемые методы абсолютной и относительной датировки, не исключая, разумеется, в качестве дополнительного источника, сведений о различиях внешних признаков предметов. Однако следует учитывать, что формирование этих признаков зависело от исходного сырья и многих локальных обстоятельств пребывания каждого предмета как на дневной поверхности, так и — в том или ином субстрате — в погребенном состоянии.

Итак, мы полагаем, что только новый цикл исследований позволит максимально полно использовать информативный потенциал уникального Яштухского местонахождения для воссоздания ранних этапов преистории Абхазии. Необходимо, тем не менее, в полной мере рассмотреть и учесть результаты всех полевых работ, производившихся на этом памятнике в разные годы.

4. ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ НА ЯШТУХСКОМ МЕСТОНАХОЖДЕНИИ

Полевые работы на Яштухском местонахождении проводились в течение десяти сезонов археологическими экспедициями С. Н. Замятина (1934—1935), Н. З. Бердзенишвили (1958—1960) и И. И. Коробкова (1961—1965). Помимо этого, в период с 1933 по 1972 г. там эпизодически работал сухумский археолог Л. Н. Соловьев. Наряду с археологическими работами время от времени вели свои изыскания и геологи.

Методика археологических исследований этого обширного местонахождения сводилась в основном к сбору подъемного материала и наблюдениям над условиями залегания оббитых кремней в искусственных и естественных обнажениях разного рода (обрывы оврагов, промоины, карстовые воронки, дорожные выемки, глубокая вспашка и т. п.). Небольшие специальные вскрытия (раскопы, шурфы) выполнялись только на вершине горы Яштух экспедицией Н. З. Бердзенишвили [1979: 38—40]. Л. Н. Соловьев также иногда делал зачистки различных обнажений. Места находок фиксировались на топографических картах [Замятин, 1937, рис. 1; Бердзенишвили, 1979, табл. П], а участки находок — на примитивных кроках (рис. 5—9), на которых обозначались только реки, горы и дороги [Замятин, 1961, рис. 9; Соловьев, 1971, рис. 2]. В обоих случаях картировалась только основная восточная часть приморской и горной зон местонахождения (бассейн речек Восточной и Западной Сухумок, гор Яштух и Бырцх, ущелье между ними, урочище Суходол и гора Ахабиюк) (рис. 2). Планиграфическая фиксация участков находок предполагала возможность разграничения на местности разновременных палеолитических комплексов, что частично было осуществлено И. И. Коробковым [1971: 71—80] и Л. Н. Соловьевым [1971: 26—28].

Охарактеризуем вкратце полевые работы каждого из четырех исследователей Яштуха.

Работы С. Н. Замятина

Сведения об исследованиях С. Н. Замятина на Яштухском местонахождении изложены в его брошюре 1937 г. и посмертной публикации 1961 г. Согласно карте, опубликованной в первой из них (рис. 5), экспедиция 1934—1935 гг. сосредоточила свои работы в полосе дороги, ведущей из Сухума в горную зону местонахождения, то есть на водоразделе между реками Западная и Восточная Сухумка, и в ущелье между горами Яштух и Бырцх. В тексте работы 1937 г. указа-

но, что экспедиция обследовала также горы Яштух, Бырцх и Апианча, подножие Яштуха и водораздел западнее реки Западная Сухумка. В полосе дороги, по наблюдениям Замятина, оббитые кремни были приурочены к вскрытым при прокладке дороги галечникам, слагающим четвертую террасу, и перекрывающим их делювиальным суглинкам. Кремнёвые изделия *in situ* были обнаружены в таких же отложениях, вскрытых канавой «против школы в селении Нижний Яштух». Принадлежность обработанных кремней к этим суглинкам документировалась наличием на них и других частиц железисто-марганцевых стяжений.

Весьма важные находки были сделаны на плоских вершинах гор Яштух, Бырцх, Гвард и Апианча. «По условиям своего нахождения, — отмечает С. Н. Замятин, — исключая возможность сколько-нибудь значительного перемещения водой, они выделяются оглаженностью граней, интенсивной патиной и блестящей поверхностью. Им по габитусу отвечает одна группа яштухских кремней... они указывают на возможность выделения в будущем части материала более древней, чем основная масса находок» [Замятин, 1937: 15]. «Яштухское местонахождение, — заключает С. Н. Замятин, — представляет собой сложный памятник. Рассеянные на значительной площади находки не везде лежат в одинаковых условиях и не везде дают однородный материал. Помимо архаичных кремней, составляющих основную массу находок, имеются многочисленные находки мустьерской эпохи и в двух пунктах — верхнепалеолитические кремни» [Замятин, 1937: 19]. Мустьерские орудия в поверхностных условиях нахождения чаще сливаются с ашельскими, в залегании же *in situ* лежат в нижней части суглинка, но не встречаются в галечнике [Замятин, 1937: 20].

Публикация материалов Яштухского местонахождения С. Н. Замятиным в 1937 г. была весьма оперативной, но все же предварительной, с ограниченным описанием каменного инвентаря. Более развернутые данные представлены в посмертном издании их в 1961 г., подготовленном к печати М. З. Паничкиной. В этой работе изложены результаты работ экспедиции С. Н. Замятина не только на Яштухе, но и на всем Черноморском побережье Кавказа от г. Туапсе до реки Ингур. Автор описывает обширную сухумскую группу местонахождений, раздельно излагая материалы Яштухского местонахождения, Лечкопа, Ахабиюка и Гварда. Гора Бырцх включалась в пределы собственно Яштухского местонахождения. Иначе говоря, обследованная им территория ограничивалась восточной ча-

стью приморской и горной зон. Таким образом, западная часть Яштухского местонахождения, к западу от реки Гнилушка, не была обследована должным образом. Исключением являлся лишь Лечкоп — возвышенность к северу от Сухумского мыса [Замятнин, 1961: 83—88]. В настоящее время Лечкоп, ставший пригородом Сухума, недоступен для изучения.

Обследованная территория отражена на опубликованной в данной работе схеме расположения участков, на которых производились основные сборы кремневых орудий [Замятнин, 1961, рис. 9] (рис. 6). Главной осью района сборов на этой схеме, как и на более лаконичной карте 1937 г. (рис. 5), являлась дорога из Сухума в село Михайловское, проходящая по водоразделу рек Западная и Восточная Сухумка и ущелью между горами Яштух и Бырцх. Все 14 обозначенных на этой схеме участков примыкают к этой дороге или соседствуют с ней, причем участки 1—6 находятся в пределах сел. Нижний Яштух, участки 7—8 — у склонов горы Яштух, 9—11 — у склонов горы Бырцх, 12 — на останце 5-й террасы у верховья реки Западная Сухумка, 13—14 — в Остроумовском ущелье. Пункты находок в пределах каждого из этих участков лишены стабильных привязок (для сел. Н. Яштух, например, указано: «против школы», «позади кооператива», «у гончарного круга», «на распаханном поле» и т. п.) [Замятнин, 1961: 76—78]. В трех случаях, правда, отмечено залегание кремневых изделий либо в галечнике, либо в желтом суглинке. Находки из всех этих пунктов описаны общо, суммарно и разделены только по технико-типологическим признакам. Ни одно скопление однородного материала не было представлено в качестве вероятного локального обособленного комплекса.

Что касается распространения находок разного возраста, то в обеих публикациях [Замятнин, 1937; 1961] приводятся в основном одни и те же сведения. Известный интерес представляют беглые упоминания о приуроченности наиболее архаичных кремней к такой же горной зоне, как на Яштухском местонахождении, и к другим местностям Абхазии (гора Апианча; выход из ущелья на высоте 180 м в Кюрдере; участок древней пятой террасы в Чубурисхинджи) [Замятнин, 1961: 90—92]. Напомним, что именно в горной зоне Яштухского местонахождения (местность Суходол) нами в 1964 г. были обнаружены архаичные галечные орудия.

Работы Л. Н. Соловьева

Геолог и археолог-краевед Л. Н. Соловьев был самым неутомимым исследователем Яштуха. Он проводил там «массированные разведки на всей территории и исходил его вдоль и поперек», собирая кремни и изучая условия их залегания [Воронов, 1994: 19, 20, 23, 25, 27 и т. д.]. Как геолог он произвел там зачистки плейстоценовых отложений, обнаружил на реке Западная Гумиста важное для понимания возраста террасовых отложений месторождение морской фауны, выдвинул идею о залегании палеолитических кремней на

разных уровнях плаща покровных образований. Как ученый-естественник он собирал и исследовал материалы о древних моренах, торфяниках, соляных промыслах и т. д. [Воронов, 1994]. Университетское образование, самообразование, исключительное трудолюбие и увлеченность позволили ему стать также блестящим краеведом, собирателем древностей Абхазии на всем протяжении ее истории — от палеолита до позднего средневековья. Однако как археолог, несмотря на тесное общение и переписку с такими знатоками древнего камня, как П. П. Ефименко, П. И. Борисковский, О. Н. Бадер, Л. Н. Соловьев, он все же не обладал достаточными профессиональными знаниями в области палеолита. Обработанные кремни он собирал со знанием дела, но в атрибуции их, вопреки общепринятой номенклатуре, допускал неточности или использовал свою, не всегда ясную, упрощенную терминологию. Рисунки же каменных изделий в его публикациях были не только неумелыми, но и мало «читабельными».

Л. Н. Соловьев воспринял методику фиксации находок по участкам от С. Н. Замятнина, опубликовав свой вариант схемы расположения этих участков (рис. 7). На его схеме площади сборов каменных орудий значится уже 18 обследованных участков (добавились горы Ахабиюк и Бырцх), которые размещены на большей площади, что отражает, по всей видимости, большие масштабы его поисковых маршрутов. Номера и очертания этих участков, к сожалению, не совпадают с таковыми у С. Н. Замятнина, что весьма затрудняет корреляцию этих не имеющих масштабов схем. Затруднения возникают из-за понятного только самому автору дополнительного деления большинства участков на сектора с неясными границами, имеющими буквенные обозначения (участок 6, к примеру, разделен на сектора а, б, в, ж). Кроме того, указанный в тексте участок 14 на карте отсутствует, а обозначенные на карте горы Бырцх, Ахабиюк и поселок Красный Яштух лишены номеров вовсе [Соловьев, 1971: 26, рис. 2]. Известную ценность, однако, представляют такие указания в легенде, как «останец куальницкой террасы» (участки 7 и 8), «днище мертвой долины между горами Бырцх и Яштух» (участок 16), «вершина горы Яштух» (участок 15), «балка между горами Яштух и Ахабиюк» (участок 14) и другие, которые дают привязку того или иного участка сборов к определенному элементу рельефа.

Большое внимание Л. Н. Соловьев уделял изучению естественных обнажений. Ему удалось обнаружить несколько природных вскрытий разного рода, в которых, как он полагает, «прешелльские», «шелльские», ашельские и мустьерские кремни находились в коренном залегании в разноуровневых стратиграфических позициях [Соловьев, 1971: 23, 26—28]. Л. Н. Соловьев был одержим идеей существования на Яштухе пунктов, в которых в ненарушенных стратиграфических условиях сохранились остатки «прешелля», «шелля», ашеля и мустье (7г, 6б, 2а). «Прешелль», по его данным, был связан с верхней частью галечников яштухской террасы, «шелль» — с перекрывающими их

красноземными суглинками, шелль и ашель — с залегающими выше яркоокрашенными суглинками, мустье — с расположенными еще выше желтовато-серыми оподзоленными суглинками [Соловьев, 1971: 26—28] (рис. 4). Л. Н. Соловьев пытался обосновать «прешелль» и «шелль» на Яштухе как в работе 1971 г., так и в последних двух посмертно вышедших публикациях [Соловьев, 1974; 1987]. Он утверждает, что «прешелльские» и «шелльские» находки встречаются в отложениях самой высокой на Яштухе 75—100-метровой куальницкой (акчагыл) террасы [Соловьев, 1971: 15, 18, 19; 1974: 11—13, 15—17; 1987: 4].

В 1972 г. в верховьях реки Джаншкоп (Гнилушка) Л. Н. Соловьев обнаружил новый пункт с архаичными, «шелльскими», как он считает, орудиями, который можно рассматривать, как изначальное «место возникновения стоянки» [Соловьев, 1974: 11, 15]. К сожалению, в публикации не представлена надлежащая графическая документация и фотодокументация, удостоверяющая заключения исследователя (координаты данного пункта, разрез отложений с фиксацией уровней залегания культурных остатков, планы находок и т. п.). Утверждение о том, что исходный кремль «шелльских» орудий, в отличие от более поздних ашельских, подвергся «глубокой метаморфизации, придавшей всей массе орудия несвойственную кремню структуру и вызвавшей ощутимую потерю в весе» [Соловьев, 1971: 12], не нашло подтверждения при просмотре нами коллекций Яштуха, хранимых в Сухуме и Петербурге. Такие признаки, как отсутствие ручных рубил, наличие развитых форм чопперов и изготовление орудий главным образом на обломках, которые Л. Н. Соловьев считал характерными чертами древнейших «шелльских» индустрий [Соловьев, 1974: 17], не являются на самом деле таковыми. Зарисовки «шелльских» орудий [Соловьев, 1974: 2, 3; 1987: 1—18], нареченных необычными наименованиями (косарь, рогатый скобель, пилонож и т. п.), также вызывают сомнение в глубочайшей древности этих находок.

Несмотря на критические замечания по поводу работ Л. Н. Соловьева, подчеркнем, что все его наблюдения и заключения должны быть приняты, конечно, во внимание и проверены в ходе дальнейших полевых изысканий.

Работы Н. З. Бердзенишвили

В 1958—1960 гг. экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР в составе Н. З. Бердзенишвили (руководитель) и геологов И. А. Гзелишвили и Д. В. Цертели провела обширные разведки палеолита во всей приморской полосе Абхазии от реки Псоу на севере до реки Ингур на юге. Работы велись как на морских террасах, так и в горной зоне на высотах до 500 м.

На Яштухском местонахождении особое внимание было уделено возвышенностям его горной зоны — горам Яштух, Бырцх и Ахабиюк. На плоской вершине

горы Яштух и на ее южном склоне было поставлено семь раскопов размером 5×5 м каждый, вскрывших отложения глубиной до 1 м. В большинстве случаев, по свидетельству исследователей, культурные остатки были потревожены, но в раскопах IV и VII они сохранились «сравнительно лучше». В первом из них культурные остатки носили раннемустьеерский облик, во втором — «возможно древнеашельский». Исследователи пришли к выводу, что «фактически на горе Яштух сохранились фрагменты культурных слоев» [Бердзенишвили, 1979: 18—19, 26—27, 39—40]. На основной же площади вершины Яштуха, по их мнению, эти слои были разрушены эрозией и смыты на южный склон горы и на примыкающие к ним террасы. Сходство находок, собранных в раскопах, с находками из сборов на террасах подтверждает, на их взгляд, это заключение. Что касается сборов на террасах, то они были произведены лишь на нескольких участках, расположенных между реками Западная и Восточная Сухумка, у входа в ущелье между горами Яштух и Бырцх и в трех пунктах западнее нижнего течения реки Западная Сухумка. Места раскопов на горе, сборов на террасах и пунктов находок ручных рубил обозначены на приводимой Н. З. Бердзенишвили топографической карте района работ экспедиции на Яштухском местонахождении [Бердзенишвили, Гзелишвили, 1961: 120—121; Бердзенишвили, 1979: 13—40, табл. II] (рис. 8).

Утверждение Н. З. Бердзенишвили об обнаружении на вершине горы Яштух непо потревоженных участков культурных слоев не было подкреплено, однако, надлежащей графической документацией и фотодокументацией и не подтверждается другими исследователями [Соловьев, 1971: 26]. Не подтверждается, в частности, утверждение о нахождении орудий с неоглаженными гранями, т. е. без признаков переотложения, только на верхнем плато горы Яштух. «Разновозрастные палеолитические предметы как на верхнем плато, так и на склонах террас, — отмечает И. И. Коробков, — находятся в одинаковых условиях небольшого переотложения в массе делювиальных наносов». Следовательно, «верхнее плато не являлось единственным местом, откуда мог вымываться разновременный палеолитический материал» [Коробков, 1965: 93]. Существенно и упоминавшееся ранее замечание И. И. Коробкова о том, что в раскопах, поставленных грузинскими исследователями на вершине горы Яштух, не были обнаружены «наиболее древние формы инвентаря, и условия их первоначального залегания остались неясными» [Коробков, 1965: 93].

Работы И. И. Коробкова

Осенью 1961 г. И. И. Коробков в сопровождении М. З. Паничкиной и геолога П. М. Долуханова произвел свой первый рекогносцировочный осмотр Яштухского местонахождения. Осмотру подверглись русла рек Западная и Восточная Сухумка, верхнее плато гор Яштух и Бырцх, а также Яштухская (80—100 м) терраса, «давшая весь комплекс разновременного материала» [Коробков, 1965: 93].

ла». Орудия, найденные на верхнем плато Яштуха и на табачных полях, имели наиболее острые, неокатанные края [Коробков, 1965: 93]. В 1962—1965 гг. И. И. Коробков произвел более обширные полевые работы как в приморской, так и в горной зонах основной (восточной) части местонахождения. Сохранившийся неизданный набросок карты с участками, где он проводил сборы, является в основном сколком подобной карты Л. Н. Соловьева (рис. 9). Наиболее значимым изменением на ней является перенос пункта 3 с подножия горы Бырцх на левый берег реки Гнилушка.

Проведенные полевые работы позволили И. И. Коробкову сделать ряд важных выводов:

1. «Высотное расположение одинаковых комплексов колебалось в значительной степени, а разнородные памятники располагались иногда на поверхности одной и той же террасы» [Коробков, 1967: 196]. Это наблюдение ставит под сомнение приемлемость террасовой системы геологической датировки и побуждает обратиться к ранее высказывавшейся Е. В. Шанцером и Л. Н. Соловьевым гипотезе о связи орудий древнего человека с различными горизонтами покровных суглинков, плащеобразно налегающими на поверхность одного или ряда террасовых уровней. Предполагается, что на некоторых участках в этих суглинках можно обнаружить почти не смешанные палеолитические комплексы.

2. Методика точных планиграфических сборов позволяет различать разновременные материалы и локализовать индустриально единые комплексы.

3. Данные локализованные индустриальные комплексы часто содержат разновозрастный, судя по патине и вторичному использованию орудий, но индустриально единый кремнёвый материал. Это говорит о его эволюции в пределах конкретного пункта, который, видимо, в силу традиции в течение длительного времени использовался создателями определенной индустрии.

4. Индустриальные комплексы в целом отмечены в трех вариантах: первый содержит комплексы, относящиеся к мустье, второй — к ашелью, третий представлен смешанными коллекциями, которые, однако, можно разграничить по характеру ожелезненности или окраски, удостоверяющих первоначальное залегание их в различных горизонтах покровных суглинков [Коробков, 1967: 197].

Эти выводы, по всей видимости, основывались на визуальных наблюдениях исследователя над отложениями в природных или искусственных вскрытиях разного рода, на опыте сборов палеолитических материалов на местности, а также на изучении внешнего облика найденных артефактов. Упоминания о литолого-стратиграфических наблюдениях автора, полученных благодаря зачисткам или постановке шурфов, отсутствуют.

В 1971 г. вышла в свет основная посвященная Яштухскому местонахождению публикация И. И. Коробкова «К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем». Специальное рассмотрение пунктов с ашельскими индустриями, к сожалению, не входило в

задачу данной статьи. Тем не менее эта работа интересна тем, что в ней автор наиболее полно формулирует свои окончательные взгляды на полевые исследования Яштухского местонахождения. После публикации 1971 г. И. И. Коробков возвращался к теме Яштухского местонахождения только в нескольких докладах (см. тезисы этих докладов в приложении), в которых излагал те же подходы.

В работе 1971 г. И. И. Коробков утверждает, что при исследовании местонахождений приоритет должен быть отдан археологическому, а не геологическому аспекту. При этом автор считает, что можно разграничивать полностью смешанные комплексы, исходя только из внешних признаков предметов, среди которых особое внимание он обращает на патину, подразумевая под ней такие признаки, как окатанность предметов, выветренность (ноздреватость) их поверхности, ожелезненность (воздействие на их поверхность солей марганца, окислов железа) и отложение солей извести. Напомним, что общепринятый смысл данного термина строго ограничен явлением выщелачивания кремнезема с поверхности [Оллиер, 1987: 310]. Таким образом, И. И. Коробков по-своему толкует понятие «патина», произвольно объединяя в нем результаты различных изменений и разрушения горных пород под воздействием физических, химических и органических факторов.

И. И. Коробков признает, что изучение процесса «патинизации недоступно в настоящее время при визуальном определении, ибо» происходит наслаивание результатов воздействия разных факторов [Коробков, 1971: 91]. Тем не менее он настаивает на том, что патинизация «обладает наибольшей хронологической емкостью». Особый акцент сделан на ожелезнении, степень которого, по его мнению, свидетельствует о хронологических различиях ожелезненных комплексов [Коробков, 1971: 88, 93]. Исходя из внешних признаков предметов, исследователь производит выделение разных компонентов полностью смешанных коллекций. Так, например, в весьма разнородной и смешанной коллекции пункта 2е на реке Западная Сухумка он вычленяет «две индустрии ожелезненного облика (ашело-леваллуазскую пластинчатую и мустьерскую типа 3д), различающиеся по степени ожелезненности, и два комплекса без ожелезненности, разделяемые нами на основе патины и метрического изучения» [Коробков, 1971: 94]. Наряду с такими пунктами И. И. Коробков устанавливает пункты, где четко локализируются относительно чистые комплексы с одной индустриальной традицией (например, Ахабиюк I и пункт 3) [Коробков, 1971: 71—76].

Возможность локализации подобных индустриально единых памятников на Яштухском местонахождении была подтверждена работами «Комиссии по осмотру Яштухских местонахождений», созданной в связи с пожеланиями палеолитической секции Археологического пленума, проводившегося в 1965 г. в г. Баку. Комиссия проводила работу на местонахождении совместно с И. И. Коробковым в апреле 1965 г. [Коробков, 1967: 197]. «Одноиндустриальность» каждого из

продемонстрированных комиссии комплексов выразилась, однако, не характером внешних признаков предметов, а их специфическим типологическим обликом.

В целом можно заключить, что в методических подходах И. И. Коробкова к изучению Яштухского местонахождения явный приоритет отдавался не столько «археологическому аспекту изучения камней», к чему первоначально призывал сам исследователь, сколько оценке и датировке этих кремней в зависимости от их внешних признаков. Значение возрастных критериев, получаемых в результате технолого-морфологического анализа артефактов (собственно «археологический аспект!»), принижалось, как и значение немаловажных

наблюдений других исследователей этого местонахождения над стратификацией находок, залеганием их в различных литологических горизонтах.

Подытоживая этот раздел, вновь подчеркнем, что полевые работы на Яштухском местонахождении велись нерегулярно и несогласованно экспедициями и отдельными исследователями из Петербурга, Москвы, Тбилиси и Сухума. Методические подходы каждого из этих исследователей имели немало слабых мест, а порой даже являлись некорректными. Одновременно, однако, эти полевые работы доставили немало ценных наблюдений, которые следует учитывать при дальнейших исследованиях данного памятника.

5. ОБЗОР ДАННЫХ О ДОМУСТЬЕРСКОЙ (АШЕЛЬСКОЙ) КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ЯШТУХСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ

Материалы обширного Яштухского местонахождения представлены коллекциями оббитых кремней, которые собрали четыре основных исследователя — С. Н. Замятнин, Л. Н. Соловьев, И. И. Коробков и Н. З. Бердзенишвили. Первая и третья коллекции хранятся в Санкт-Петербурге (фонды Музея антропологии и этнографии и Института истории материальной культуры РАН, соответственно), уцелевшая часть второй — в Абхазском государственном музее в Сухуме, последняя — в Музее Грузии в Тбилиси. Материалы эти исчисляются многими тысячами, но если объемы сборов Замятнина, Коробкова и Бердзенишвили можно оценить визуально, то подлинная величина коллекций Л. Н. Соловьева неизвестна, хотя они явно намного превосходили все прочие. Проживая с 1933 г. в Сухуме, Л. Н. Соловьев многократно посещал различные пункты Яштухского местонахождения. По данным Ю. Н. Воронова, он производил там сборы изделий в течение более чем десяти полевых сезонов (1933—1940; 1944—1945; 1969; 1971—1972) [Воронов, 1994]. Материалы первых сборов (1934—1935) в размере 1435 кремней (коллекция № 3879), судя по довоенной инвентарной книге, были сданы Л. Н. Соловьевым на хранение в Абхазский государственный музей. Археологические и, в том числе, палеолитические коллекции сборов последующих лет, скопившиеся у него на квартире, поступили на склад Абхазского института языка, литературы и истории лишь в 1972 г. [Воронов, 1994: 65]. Материалы эти (коллекции, рукописи, фототека — всего 80 ящиков) погибли в огне во время разгрома Института «гвардейцами Шеварднадзе» 22 октября 1992 г. [Воронов, 1994: 5; Белая книга Абхазии, 1993: 199—201].

В 2004 г. во время нашего знакомства с яштухскими коллекциями, сохранившимися в Абхазском государственном музее, мы констатировали, что из 1900 кремнёвых изделий, поступивших в Музей в довоенные годы, и из вероятных (?) поступлений в послевоенные годы, по данным генеральной описи, составленной И. И. Коробковым в 1982 г., в наличии оказались лишь 1281 предмет. В хранилище, кроме того, обнаружилась коллекция И. И. Коробкова (233 предмета), собранная в 1965 г. на Яштухском местонахождении в пунктах 4а и 4б. Состав этих коллекций, как оказалось, был обеднен, так как многие изделия (ручные рубила, лучшие макроорудия и нуклеусы) в них отсутствовали.

Материалы Яштухского местонахождения публиковались неполно, а иногда, в зависимости от идей, обуревавших каждого автора, — выборочно. Так, Л. Н. Соловьев делает акцент на наиболее ранней, по его мнению, группе орудий («прешелль — шелль»), а И. И. Коробков в основном описывает более поздний материал (тейяк, мустье, леваллуа). С. Н. Замятнин публикует главным образом немногочисленные изделия наиболее древнего облика. На архаичную часть своих сборов обращала особое внимание и Н. З. Бердзенишвили. Восприятие этих публикаций осложняется тем обстоятельством, что номенклатура и типология архаичных изделий в те времена, как отчасти и по сей день, не были должным образом выработаны и общеприняты. Многие формы орудий (нуклеидные скребки, например) не были еще распознаны и идентифицированы. Это порождало произвольные определения некоторых изделий и присвоение им наименований, которые представлялись авторам подходящими или самоочевидными. И. И. Коробков, например, разделял отщепы на ашельские, клетонские, тейякские, мустьерские и леваллуазские. Среди нуклеусов он выделял диски черноморского типа, диски клетонские, нуклеусы протоладьевидные «с ростром»; среди чопперов — чопперы яштухского типа, среди тейякских изделий — тейякские анкоши и скребки ([Коробков, 1965: 98, 104, 109; 1971: 73, 98 и др.], см. также прилож. 1). У Л. Н. Соловьева можно найти наименования еще более необычные, порой малопонятные: косарь, пилонож, топор-резак, рогатые скобели, орудие со слойковым лезвием, скибка и т. п. [Соловьев, 1971: 28—33, 79, табл. II—X; 1974: 14—15; 1987: 4—8]. У С. Н. Замятнина, который представил первый опыт осмысления единственного тогда в стране ашельского материала, встречаются такие определения яштухских изделий, как «грубые орудия» и «грубые рубящие орудия» [Замятнин, 1937: 23, рис. 9, 10; 1961: табл. XI, XVIII]. Судя по рисункам, эти названия присваивались то скрёблам или крупным зубчатым орудиям, то нуклеидным формам.

Мы попытаемся изложить и критически проанализировать описания наиболее архаичных, т. е. домустьерских, яштухских коллекций, предложенные всеми названными исследователями. В современном понимании все они являются ашельскими, однако, приводя их описания в работах названных исследователей, мы вынуждены сохранять их оригинальную, хотя и устаревшую ныне терминологию («шелль», «прешелль»).

Сырье

Исходным сырьевым материалом для изготовления каменных орудий на Яштухском местонахождении являлся почти исключительно кремь, что, казалось бы, позволяет причислить местные палеолитические индустрии к моносырьевым [Любин, Беляева, 2009: 71]. Однако в индустриях разных эпох, представленных на данном памятнике (ашель, мустье, верхний палеолит), использовался разный кремь. Так, наиболее архаичные изделия, согласно С. Н. Замятнину, изготовлены из кремня датского яруса. Поверхность их имела ровный желтовато-белый цвет, она выветрена и патинизирована. Для изготовления мустьерских изделий использовался сенонский и туронский кремь серого и темно-розового цвета. Поверхность этих изделий покрыта пятнами желтовато-белой патины. Материалом для изготовления позднепалеолитических орудий служил туронский кремь розовато-красного и серого цвета. Он имел хорошую сохранность и отличался патиной в виде белого налета [Замятнин, 1961: 86—87].

Строго моносырьевой является только ашельская индустрия, базирующаяся на местном источнике сырья, выходы которого имеются в толщах известняков гор Яштух, Бырцх, Гвард и др. Все прочие индустрии базируются на кремне, выходы которого в данном районе неизвестны. Источники этого сырья могли быть разными. Они, вероятно, находились в южных районах Абхазии.

Обстоятельные сведения о сырье — о его источниках, габаритах и качествах — представлены Л. Н. Соловьевым. На вершине и южном склоне горы Яштух, по его данным, выходят пласты известняков датского яруса палеогена, богатые кремневыми желваками. При выветривании известняки эти разрушаются и вследствие влажности климата легко разлагаются химически. Потоки кремневых желваков и щебня постепенно ползут к подошве склона, образуя элювиальные россыпи, издавна привлекавшие внимание человека [Соловьев, 1971: 23]. Известнякам датского яруса, испытавшим значительную тектоническую деформацию, свойственна трещиноватость и сланцеватость, которые нередко характеризуют и содержащиеся в них кремни. Встречаются желваки, разбитые явными и скрытыми трещинами, обычно параллельными друг другу. Выпадая из известняков, такие желваки легко распадаются на кубовидные и кирпичеобразные отдельности, на противоположных сторонах которых сохраняются участки корки. Боковые же поверхности иногда довольно ровные. Это обстоятельство позволяло древнейшим обитателям Яштуха не тратить много времени на получение первичных отщеповых заготовок для орудий. Они просто выбирали подходящие, главным образом плоские, обломки и приспособляли их для употребления немногими ударами [Соловьев, 1971: 28].

Л. Н. Соловьев обратил также внимание на наличие среди датских кремней «естественно рассланцованных» предметов, имеющих «вторичную мелко-слоистую структуру» [1971: 33]. Возможно, что и плоские плитчатые отдельности, и тонко «рассланцован-

ные» образцы явились результатом так называемого кливажа — слоистости, образовавшейся «под влиянием механических сил при горообразовательных процессах» [Левинсон-Лессинг, Струве, 1963: 151].

Наше ознакомление с яштухскими коллекциями С. Н. Замятнина и И. И. Коробкова удостоверяло тщательность и точность наблюдений Л. Н. Соловьева. Яштухский датский кремь в большинстве своем действительно грубый, недостаточно пластичный материал, часто дающий при оббивке резкие заломы, ступени. Использование заготовок в виде плитчатых обломков, возникших в результате кливажа (?), прослеживается благодаря наличию у некоторых изделий естественных плоских поверхностей, покрытых складками и бороздками. Низкосортность значительной части яштухского кремневого сырья, безусловно, огрубляла облик изготавливаемых из него орудий.

Как в большинстве моносырьевых индустрий, в ашельских материалах Яштухского местонахождения имеются редкие изделия из иного, нежели основная порода, сырья. Эти изделия представлены главным образом макроорудиями. Среди них выделяется крупный кливер, изготовленный из необычного, хотя, вероятно, местного сырья [Любин, Беляева, 2004а: 231, рис. 126]. Он сделан из породы, напоминающей опоку — легкую микропористую породу, сложенную аморфным кремнеземом, которая могла быть морским химическим образованием, широко распространенным среди палеогеновых отложений [Паффенгольц и др., 1978, т. 2: 33], к которым относятся и образования датского яруса.

Большой интерес представляет наличие в архаичных яштухских коллекциях предметов, изготовленных не из кремня, а из других пород — как местных, так и «чужеродных» (?). Так, например, среди немногочисленных яштухских ручных рубил встречены экземпляры, изготовленные из сланцевой гальки [Замятнин, 1961, табл. XIV: 2; Любин, Беляева, 2004а: рис. 122, 2] и вулканической породы [Бердзенишвили, 1979: 37, табл. XXX: 1]. Из сланца, как отмечают С. Н. Замятнин и Л. Н. Соловьев, сделаны также немногочисленные отщепы и единичные остроконечники [Замятнин, 1961: 81; Соловьев, 1971: 28]. Вулканическое сырье, помимо упомянутого ручного рубила, было использовано для изготовления нескольких чопперов, встреченных в горной части Яштухского месторождения. Сланцевое сырье в виде галек могло добываться на морских пляжах. Вулканическое же сырье происходит, видимо, из глубины гор [Рейнгард, 1926: 15, 17; Соловьев Б. Л., 1967: 67]. Возможно, что его первичные источники находятся в верховьях рек Зима, Амткел, Кумбчара, Келасури, Восточная и Западная Гумиста, которые дренируют расположенный к югу от Чхалтского (Абхазского) хребта крупный горный массив, сложенный интрузивными магматическими породами типа гранитоидов [Астахов, 1971а: 388]. Петрографический анализ призван уточнить источник вулканического сырья, использованного для изготовления наиболее архаичных яштухских изделий. Последние, кстати сказать, представлены только законченными орудиями.

Техника расщепления

Рассматривая данные, которые приводятся в работах разных исследователей Яштухского местонахождения в отношении техники расщепления камня в различных коллекциях, и прежде всего в ашельских, мы исходим, конечно, из реалий современности. Соответственно, этот анализ не может не быть критическим, что необходимо, как представляется, для успеха дальнейших разработок.

Зачинатель исследований Яштухского местонахождения С. Н. Замятнин не только собрал там первые ашельские коллекции, но и первый, не имея в нашей стране предшественников, «с чистого листа» начал изучение раннего палеолита Кавказа. Публикации его были краткими и в общем предварительными [Замятнин, 1937; 1961], но принципиально важными, наметившими, по существу, как методику сборов подъемных материалов, так и подходы к анализу и классификации собранных кремней.

По характеру каменного инвентаря все пункты Яштухского местонахождения, согласно С. Н. Замятнину [1937: 14], распадаются на три большие группы: ашельские, мустьерские и верхнепалеолитические. Большую часть находок на местонахождениях первой группы составляли массивные отщепы широких и неправильных очертаний, подтреугольной и неправильно прямоугольной формы, сколотые с дисковидного нуклеуса. Отщепы обладали чрезвычайно выпуклым бугорком, который нередко занимал более половины нижней плоскости отщепа. Соответственно, крупные размеры имели негативы чешуек «изъянца» на бугорке [Замятнин, 1937: 14, 20]. Ударные площадки — очень широкие, находятся под тупым углом к нижней плоскости отщепа и обычно гладкие, нефасетированные. Если же имелась предварительная подправка на нуклеусе, то фасетки ее крупные и немногочисленные [Замятнин, 1961: 79]. С. Н. Замятнин обращал на ударные площадки сколов особое внимание, поскольку их различные типы (гладкие, извилистые, грубо и тонко подправленные) имеют, по его мнению, существенное датировочное значение [Замятнин, 1937: 21, рис. 4].

Что касается нуклеусов, С. Н. Замятнин обращал особое внимание на дисковидные и кубовидные ядрища, относя к ашелю более массивные и грубые формы. Такие же, но более развитые нуклеусы он считал мустьерскими. Хорошую серию на местонахождении составляют также леваллуазские нуклеусы. Им соответствуют тонкие отщепы и пластины, представленные на Яштухе в значительном количестве [Замятнин, 1961: 80]. Эти леваллуазские продукты расщепления относятся, скорее всего, к мустье, хотя, как показывают данные по ашелю других областей Южного Кавказа, прежде всего Армении, могут быть и позднеашельскими.

Если С. Н. Замятнин располагал для характеристики техники расщепления лишь материалами своих сборов, то И. И. Коробков прибавил к ним находки трех первых лет своих полевых работ. Однако сколы (отщепы и пластины) он детально характеризует толь-

ко на основании сборов одного 1961 г., доставивших 122 отщепа и орудия на отщепах. Подобно С. Н. Замятнину, И. И. Коробков особо останавливается на характере ударных площадок этих сколов как главном, с его точки зрения, техническом и хронологическом показателе. Площадки, по его мнению, демонстрируют три типа скальвания: клектонский (угол наклона площадок 125° и более), тейякский (угол наклона $100\text{—}110^\circ$) и леваллуазский, или мустьерский ($90\text{—}100^\circ$). Площадки первого типа — широкие, сильно скошенные, гладкие или двугранные. Площадки второго типа — неширокие, более горизонтальные, неподправленные или подправленные одним сколом, двугранные или же точечные. Площадки третьего типа — тонкие, нефасетированные двугранные и фасетированные, нередко в форме летящей птицы. Наименьшие по размерам в плане площадки принадлежат в основном пластинам и пластинчатым отщепам. Сколы первого типа скальвания имеют массивные ударные бугорки и широкие конусы удара. Сколы тейякского типа — меньше и правильнее по форме [Коробков, 1965а: 94—95]. Для каждого типа скальвания, выделяемого по углу наклона ударных площадок и иным признакам, И. И. Коробков предлагает, таким образом, особое наименование. В действительности столь строгого разграничения наклона площадок не существует и предложенные наименования сколов признания не получили.

Для оценки расщепления камня на основании нуклеусов И. И. Коробков использовал многочисленную коллекцию ядрищ С. Н. Замятнина (326 экз.) и находки из своих сборов 1961—1963 гг. (60 экз.). Анализу, к сожалению, подверглись только 208 предметов, которые исследователь посчитал диагностичными «с типологической и технической точки зрения» [Коробков, 1965: 79]. В числе «выбракованных» им форм, помимо заведомо очень поздних, могли быть опробованные куски кремня, облупни и преформы, представляющие, на наш взгляд, немалый интерес. Полагая, что «именно в нуклеусах нашли свое наиболее яркое выражение технические навыки, которыми обладал древний человек» [Коробков, 1963: 11], он посвятил анализу ядрищ две специальные статьи: «О методике определения нуклеусов» [1963: 10—19] и «Нуклеусы Яштуха» [1965: 76—110]. В обеих статьях излагаются взгляды «раннего Коробкова» (60-е гг.). В первой сформулированы его взгляды на методические принципы типологической классификации нуклеусов и унификации их наименований. Во второй эти принципы и рекомендации реализуются на примере нуклеусов Яштуха.

При классификации нуклеусов разными авторами, констатирует И. И. Коробков, использовались три принципа: «формальный» (подразделение по формам), «технический» (подразделение по характеру подготовки ударных площадок и количеству их на нуклеусе) и «целевой» (подразделение по снятию скола задуманной формы). При детальном изучении любого палеолитического памятника следует, по мнению этого исследователя, учитывать все три принципа, а также использовать единую для всех археологов систему типологических определений [Коробков, 1963: 11]. Первый

постулат вполне справедлив, однако учет всех трех принципов не означает, на наш взгляд, их одновременного использования в классификации, которая становится в таком случае крайне эклектичной. Абсолютно правилен призыв автора к соблюдению обязательной типологической номенклатуры, которая, несмотря на наличие известных разночтений, в целом разработана (см.: [Bordes, 1961; Brezillon, 1971; Debenath, Dibble, 1991; Васильев и др., 2007] и др.) и общепринята. Беда в том, однако, что сам И. И. Коробков, как мы увидим ниже, на практике часто отступал от этого принципа.

Новацией автора стало предложение применить к изучению нуклеусов принятый в биологических науках «метод сопоставления филогенетических рядов». Это должно было позволить создавать ряды постепенно срабатывающихся форм нуклеусов, а также ряды форм, отражающих разные хронологические стадии технического развития определенных типов ядрищ. Сама по себе данная идея интересна, но попытка И. И. Коробкова представить динамику форм нуклеусов в виде филогенетических рядов явно ошибочна. Неправомерно переносить закономерности развития живых организмов на продукты человеческого труда, которые не заключают в себе никакой наследственной информации. Каменные изделия расщепляются и обрабатываются человеком в связи с поставленной им целью и в зависимости от качеств сырья. Разумеется, конкретные формы нуклеусов, поскольку речь идет о них, должны отражать отдельные стадии разных технологий получения сколов. Однако установить однозначную связь между этими нуклеусами в виде филогенетических рядов невозможно, поскольку, несмотря на определенные физические закономерности, процесс расщепления не был жестко детерминирован. Он носил творческий характер и варьировал в зависимости от разных субъективных и объективных причин (изменения намерений мастера, заломы сколов и их исправление и т. п.).

Идея проследить «филогенетические ряды» хронологического развития определенных типов ядрищ несостоятельна и по той причине, что яштухские нуклеусы не отражают технологического развития внутри единой индустрии. Яштухские материалы являются в основном смешанными, одновременными, накопившимися здесь в течение многих сотен тысяч лет в результате жизнедеятельности различных популяций гоминид. Вспомним в связи с этим совершенно справедливое замечание И. И. Коробкова о том, что Яштухское местонахождение надо воспринимать «в качестве конгломерата разновременных палеолитических поселений, производственных мастерских и охотничьих лагерей» [Коробков, 1971: 71]. В свете этого кажется парадоксальной предпринимаемая им попытка реконструкции на примере яштухских нуклеусов «возможного пути развития веерообразного принципа скалывания от клеттона до верхнего палеолита» [Коробков, 1963: 16, рис. 1]. Эта реконструкция представлена в виде цепочки форм, которые происходят не из бесспорно единой индустрии, а извлечены из пунктов с

явно различными и разновозрастными индустриями. Разнородность отдельных звеньев этой цепочки, их несовместимость видны невооруженным глазом.

Результаты анализа яштухских нуклеусов, предпринятого И. И. Коробковым, отражены в сводном тип-листе, состоящем из 29 наименований. В этом перечне видна склонность автора к не всегда оправданным новшествам и поиску «нетривиальных» решений. Вместо общепринятой типологической лексики он порой, на наш взгляд, без надобности вводит новые, не всегда понятные термины и определения, выискивает новые вариации форм, чрезмерно дробит их и т. п. В данном тип-листе значатся, к примеру, такие сугубо авторские термины, как «многогранники с чертами поисков леваллуазской техники», «клеттонские диски», «древние диски с двойным использованием», «нуклеусы со скалыванием от лезвия», «нуклеусы с круговой подправкой», «диски причерноморского типа», «мустьерские многогранники» и др. К типичным дисковидным нуклеусам исследователь отнес лишь двусторонние («биконические») диски, встреченные здесь в единичных экземплярах, а многочисленные односторонние дисковидные ядрища зачислил в разряд «нуклеусов с круговой подправкой». Подобная, не разделявшаяся С. Н. Замятниным и Л. Н. Соловьевым, трактовка дисковидных ядрищ привела к тому, что характеристики техники расщепления камня в яштухской «шелльско-ашельской» индустрии стали выглядеть отличными от других разновозрастных индустрий Кавказа [Коробков, 1965: 109].

И. И. Коробков подразделил нуклеусы на древнейшие «долеваллуазские» формы (шелльские, клеттонские и ашельские), а также «леваллуазские» (ашель — мустье). Первые в его выборке (206 экз.) представлены 38 образцами, вторые — 63. Среди «долеваллуазских» ядрищ отмечены различные многогранники (17), чопперовидные нуклеусы (4), клеттонские (?) диски (4), ашельские пирамидальные и конусовидные нуклеусы (6), нуклеусы со скалыванием от «лезвия» (4) и др. Среди различных леваллуазских ядрищ И. И. Коробков выделял исходные «раннеашельские» (многогранники с леваллуазскими чертами, веерообразные, односторонние конусовидные и др.), которые, по его мнению, совершенно отсутствуют в других районах Кавказа. Отсюда следовал вывод: яштухская ашельская традиция как в своей древней нелеваллуазской фации, так и в леваллуазской имеет глубокие местные корни, «она сравнительно длительное время существовала в условиях строгой локализации и оторванности от центральных районов Кавказа» [Коробков, 1965: 109].

Эти ответственные выводы не могут быть приняты безоговорочно в отношении технологий как, видимо, более древних нелеваллуазских, так и леваллуазских. Палеолит этого района Абхазии и Черноморского побережья Кавказа в целом, по нашему мнению, никогда не пребывал в полном отрыве от ашеля других регионов Кавказа. Чопперы, различные дисковидные и леваллуазские ядрища находят параллели в других кавказских ашело-мустьерских индустриях (Кударо I,

Азых, Джрабер). Заметим, кстати, что избыточные на местонахождении массивные «клектонские» отщепы (вероятная связь их с «клектонскими дисками» осталась без разъяснений) не являются бесспорным индикатором глубокой древности. Такие отщепы могли быть «первыми отщепами, получаемыми при расщеплении крупных желваков, которые не использовались или редко использовались в таком виде» [Bordes, 1979: 69—70]. Что касается изначальных простейших леваллуазских форм, И. И. Коробков усматривал их в галечных орудиях типа чопперов, у которых сколы были параллельными, а негативы носили пластинчатый характер [Коробков, 1965: рис. 1], а также в чопперовидных нуклеусах, с обширных ровных площадок которых производилось одностороннее веерообразное скалывание под острым углом правильных пластинчатых заготовок [Коробков, 1965: рис. 1]. Свообразное по исходным формам и независимое по срокам (ранней ашель) зарождение леваллуазской техники на Яштухском местонахождении вызывает серьезные сомнения. Техника леваллуа могла быть занесена туда и со стороны. Наряду с месторождениями Имеретии (бассейн реки Квирила) и Прикубанья (Белореченско-Лабинский район) Яштухское месторождение кремня относится к крупнейшим на Кавказе [Любин, Беляева, 2005: 58—59; 2009: 61—67, 71—72]. В разные времена оно могло привлекать различные популяции древних людей, носителей разных культурных традиций.

Рассмотрим, наконец, наблюдения по технике расщепления на Яштухском местонахождении, сделанные его первооткрывателем сухумским краеведом Л. Н. Соловьевым. Он занимался краеведением Абхазии глубоко и увлеченно, изучая не только геологию и историю края, но и природу, экономику, фольклор, быт и др. В 1948 г. он организовал даже выставку надгробий со средневековыми мусульманскими надписями, чем вызвал гнев местного начальства и за что был изгнан из республики на 10 лет. Возвратясь в Абхазию, Л. Н. Соловьев стал уделять больше внимания палеолиту. Пребывая в известной изоляции в Сухуме, он оказался в стороне от новых разработок в области как периодизации палеолита, так и морфологических и типологических изысканий и номенклатурных нормативов, результатом чего явилась его попытка создать свою лексику, свой набор понятий и терминов, необходимый для характеристики яштухских каменных изделий.

Изначально над Л. Н. Соловьевым довлело убеждение о существовании на Яштухском местонахождении остатков «дошелля» и «шелля». В «шелльское» время, считает он, нуклеусов не существовало. «В подавляющем большинстве случаев, — пишет Соловьев, — шелльские орудия Яштухской стоянки — это желваки и продукты их естественного распада, разнообразные по форме, с немногочисленными ударами приспособления для работы» [Соловьев, 1971: 32]. Расщепление желвака, поставленного на плоский камень, производилось путем удара и напоминало раздавливание его по скрытым трещинам на плоские массивные отдельные. Подобным образом некоторые

удлиненные желваки рядом последовательных ударов делились на массивные куски, форма которых занимала промежуточное положение между обломком и отщепом. Эти заготовки Л. Н. Соловьев называл «скибками». Со временем такие «скибки» получались уже от специально подготовленного нуклеуса [Соловьев, 1971: 32]. «Очень массивные отщепы — „скибки“, — пишет он в другом месте, — получались путем расщепления желвака продолговатой формы на „доли“, или „скибки“, подобно тому как режут колбасу или хлеб» [Соловьев, 1971: 45]. Л. Н. Соловьев предлагал ввести название «скибочная палеолитическая культура» или «скибочно-зубцовая» фацция палеолита, потому что именно «скибочный» характер заготовки определял, по его мнению, все главные особенности этой традиции, отличая ее от производственных традиций, в основе которых лежала пластинчатая заготовка [Соловьев, 1971: 48].

«На Яштухской стоянке, — заключает Л. Н. Соловьев, — можно проследить, как общая эволюционная направленность осложнялась расхождением от единого шелльского ствола различных производственных линий: ашело-леваллуазской, леваллуазско-мустьерской и тейяко-скибочно-зубцового палеолита» [Соловьев, 1971: 67]. «Скибочно-зубцовая» фацция существовала и в среднем палеолите Абхазии, выделяясь формами кремнёвого инвентаря.

Таковы самобытные взгляды Л. Н. Соловьева относительно древнейших индустрий Яштухского местонахождения, и прежде всего — изначально местной «дошелльско-шелльской» технологии расщепления камня. К сожалению, объективно оценить его наблюдения затруднительно, так как большинство сборов Соловьева погибли, а в оставшихся коллекциях соответствующие материалы не представлены. Кроме того — и это главное, — в его публикациях отсутствуют надлежащие иллюстрации и доказательства. Очевидно также, что терминология Л. Н. Соловьева («скибочно-зубцовая» фацция палеолита) не вписывается в общепринятую номенклатуру. Материалы, обозначенные им таким образом, могут соотноситься, по-видимому, с зубчатыми и тейякскими индустриями, выделяемыми И. И. Коробковым.

Типологическая характеристика

Первый краткий обзор типологических особенностей орудий Яштухских местонахождений произвел С. Н. Замятнин в своих публикациях 1937 и 1961 гг. На основе морфологических признаков он распределил и сжато охарактеризовал материал в соответствии с принятой в те годы шкалой культурно-хронологических этапов («шелль», ашель, мустье, верхний палеолит), не выделяя при этом ни одного локально обособленного комплекса. Судя по этим публикациям, набор орудий, который он отнес к интересующей нас архаичной части инвентаря («шелль» — ашель), был довольно ограниченным. С. Н. Замятнин отметил наличие в ней ручных рубил, скребел, массивных остроко-

нечников, грубых рубящих орудий и мелких орудий двусторонней обработки. В подписях к рисункам указаны еще комбинированные орудия («двойной инструмент — скребок-проколка») и зубчато-выемчатое орудие [Замятнин, 1937: рис. 7: 3].

Необходимо напомнить еще раз, что яштухские кремнёвые изделия ашельского типа были первыми нижнепалеолитическими материалами, ставшими доступными советским ученым и что С. Н. Замятнин идентифицировал все основные формы орудий весьма оперативно и профессионально. Спорно лишь выделение остроконечников [Замятнин, 1937: рис. 7: 1—2; 8: 1—5, 7] и, в известной мере, «грубых рубящих орудий, функционально близких к ручным рубилам», к которым были отнесены «чоперы», нуклеидные формы и массивные зубчатые предметы [Замятнин, 1937: рис. 10; 1961: табл. IX, X: 3, XI: 2]. Отдельные ручные рубила [Замятнин, 1961: табл. XII, XVII, XVIII] также не вполне отвечают общепринятым представлениям об этом типе орудий. Что касается тех ручных рубил, идентификация которых бесспорна, то они, судя по их размерам, отделке и прямым продольным лезвиям, имеют, на наш взгляд, не «позднешелльско-ашельский», а верхнеашельский облик.

Более значительные исследования яштухских материалов, как отмечалось, производил И. И. Коробков. Помимо пятилетних полевых наблюдений на Яштухе и изучения своих сборов он проштудировал коллекции С. Н. Замятнина и Л. Н. Соловьева, уделив при этом основное внимание поиску возможностей разграничения смешанных комплексов и установлению на местности локально обособленных несмешанных индустрий. В результате многолетних полевых изысканий, как уже упоминалось, он вначале пришел к выводу, что Яштух является «конгломератом разновременных палеолитических поселений, производственных мастерских и охотничьих лагерей» [Коробков, 1971: 71]. Что касается «ашельского культурно-исторического этапа», И. И. Коробков зафиксировал у подножия горы Яштух и на склоне горы Бырцх четыре относящихся к нему разнородных, но локализованных комплекса. Первый, обозначенный как «комплекс с ручными рубилами», находился у подножия горы Яштух и был рассмотрен как остатки стоянки-мастерской (много пластинчатых заготовок и орудий). Второй, так называемый «комплекс склона» на горе Бырцх («Бырцх I»), был охарактеризован как мастерская (много отходов производства и мало орудий). Третий («Бырцх II») и четвертый («Бырцх III») комплексы, выявленные в пунктах у подножия и на площадке середины склона горы, были, соответственно составу находок, трактованы как поселения. Эти комплексы, согласно И. И. Коробкову, отличаются лишь процентным составом одних и тех же форм изделий, то есть являются различными производственными комплексами (стоянки и мастерские) внутри единой ашельской индустрии Яштуха. Такие же различия, по мнению автора, характерны и для более поздних индустрий финального ашеля, отличающихся только несколько большей утонченностью форм [Коробков, 1967: 198]. Другими словами,

речь идет о рассредоточенных на местности «бытовом» и «производственном» комплексах одной и той же индустрии [Коробков, 1971: 88].

На позднем этапе ашельского времени, как считал этот исследователь, единая «причерноморская древнепалеолитическая культура» разветвляется на две сосуществующие и параллельно развивающиеся мустьерские индустрии (явление «дивергенции», по И. И. Коробкову) — тейякско-зубчатую и раннелеваллуазскую, которые, восприняв разные черты от предшествовавшей им единой ашельской индустрии, различались как по технике, так и по типам орудий. За этими индустриями, как он пишет, «можно видеть не генетически различное население, мигрировавшее в данную область из различных регионов, а разветвление под влиянием законов эволюции генетически единого населения Черноморского региона Кавказа на хозяйственно различные производственные коллективы (например, «охотники» и «собиратели», «добытчики пищи» и «потребители пищи») [Коробков, 1967: 206]. «Происходит как бы специализация отдельных частей единой общности (племена, группы племен?) на самостоятельные производственные коллективы» [Коробков, 1967].

Такова ранняя концепция И. И. Коробкова, объясняющая разнородность индустрий как в ашеле, так и в мустье. И в том и в другом случае речь идет о различных сторонах жизни одних и тех же человеческих коллективов, о различных фациях их жизнедеятельности. Однако анализ этих построений, выказанных автором без тени сомнения, показывает, что они не могут быть приняты. Недоказуема, прежде всего, совершенно обязательная в предлагаемой интерпретации синхронность различных индустрий в мустьерское время и синхронность различных типов памятников (стоянки, мастерские) единой индустрии — в ашельское. При отсутствии датируемого стратиграфического контекста настаивать на этом невозможно. Кроме того, хотя большинство исследователей соглашались в том, что среди пунктов Яштухского местонахождения могут быть локализованные комплексы с однородными индустриями, их выделение каждый раз требует подробных обоснований. Так, в отношении пунктов на склонах горы Бырцх утверждение о несмешанности их материалов кажется довольно рискованным. Первоначальная нетронутость «локально обособленных индустрий» в данной местности, изрезанной долинами ряда молодых рек, поздними оврагами и различными искусственными выемками, вызывает большие сомнения. Другие «комплексы», на которые опирался в своих построениях И. И. Коробков, скомпонованы в основном самим исследователем на основании внешних признаков кремнёвых изделий (технично-морфологические признаки, патина и пр.).

Явная разнородность домустьерских материалов Яштухского местонахождения, которые И. И. Коробков вначале объединял в рамках «причерноморской древнепалеолитической культуры» [Коробков, 1967], видимо, заставила его впоследствии шаг за шагом двинуться в сторону их дифференциации. Через не-

сколько лет он осторожно высказался о том, что технические и типологические прототипы тейяка и леваллуа, выраженные в морфологически примитивной и нерасчлененной форме, наблюдались уже «в самой древней на Яштухе среднеашельской индустрии» [Коробков, 1971: 80]. Мысль о существовании в среднем ашеле разнофациальных индустрий высказывалась И. И. Коробковым и в тезисах доклада, прочитанного им на заседании сектора палеолита Института истории материальной культуры РАН 28 марта 1983 г. (Коробков, см. прилож. 1). В посмертно изданных тезисах последнего доклада И. И. Коробкова [Коробков, 1995: 313—335] развитие данной идеи достигло своего апогея, причем утверждения автора стали настолько же беспепелляционными, насколько бездоказательными и сбивчивыми. В отличие от более ранних наблюдений, опубликованных как им самим, так и другими исследователями, в этих тезисах он настаивает на том, что все стоянки на Яштухе полностью разрушены и все изделия находятся в переотложенном состоянии — в аллювии и в делювиальных шлейфах. Главным способом оценки культурно-хронологической принадлежности артефактов признается сопоставление их по внешним признакам залегания (патины, ожелезненность).

Исходя именно из этих признаков, И. И. Коробков предлагает строить «стратегию методов исследования Яштуха». За скобками, однако, читается явный учет автором типолого-морфологических особенностей находок. Именно этот учет, как представляется, позволил ему расширить рамки дивергенции (расхождения) индустрий, начиная с древнего ашеля (минделя), и выделить три «разнохронологические», как он пишет, группы: ашельскую, тейякскую и «пластинчато-леваллуазскую» [Коробков, 1995: 313—335]. Хронологически, как отмечалось выше, первая из них состоит из семи этапов развития, вторая — из шести, третья — из трех. Эти группы индустрий, по мнению автора, отчасти существуют: ранний ашель, древнейший тейяк и раннее леваллуа относятся к миндель-риссу; поздний ашель, тейяк II и среднее леваллуа — к риссу II и риссу III/IV и т. д. Умозрительность этих построений очевидна. Поражает прежде всего визуальная разбивка смешанных находок по группам и хронологическим подразделениям и утверждение о возникновении техники леваллуа на Яштухском местонахождении уже в раннем ашеле. Удивляет, что «внешние признаки» описаны только для артефактов ашельской группы и для «тейяка I», а для остальных групп не указаны вовсе. Более того, артефакты тейяка разделены не по «внешним признакам»: «тейяк 0» характеризуется как «фракция крупнокалиберная», «тейяк I» — как «серия нормальных (?) для тейяка пропорций».

Выделение особой тейякской индустрии, хронологически соответствующей всему ашелю и мустье, и деление ее на шесть возрастных подразделений, включая небывалые «тейяк крупнокалиберный» и «тейяк нормальных пропорций», весьма озадачивают. И. И. Коробков нигде не приводит дефиниций, объясняющих его понимание тейяка в целом и его подразделений в

частности. Подчеркнем также, что «тейяки» Яштухского местонахождения, в отличие от зарубежных тейякских индустрий (Кон дель Араго и Бон Бом во Франции, Яримбургаз и Караин в Турции, Умм Катафа, Табун и Ябруд IV в Леванте и др.), выявленных в хорошо установленном стратиграфическом контексте, извлекались здесь из смешанных сборов. Критерии, по которым производился отбор «тейякских» форм, остались непонятными. Ни одна «тейякская» индустрия ашельского времени («тейяки 0, I, II, III») не была опубликована, как не опубликованы, кстати сказать, и орудийные наборы всех подразделений ашельских и ранних пластинчато-леваллуазских индустрий. В разных статьях И. И. Коробкова можно найти лишь изображения немногочисленных ашельских орудий [Коробков, 1964: рис. 22; 1965: рис. 1; 1967: рис. 1].

Задержку с анализом и публикацией ашельских материалов Яштухского местонахождения, по меньшей мере на 20 лет, И. И. Коробков не без основания объясняет «неработанностью вопросов морфологической оценки палеолитических артефактов, существовавшей до внедрения в практику археологической системы Ф. Борда» (Коробков, см. прилож. 1). Яштухские ашельские материалы в самом деле, при сравнительно небольшом количестве макроорудий типа бифасов и чопперов, были переполнены зубчатыми, зубчато-выемчатыми, клювовидными и комбинированными орудиями на отщепках, которые широко варьировали и с трудом поддавались определению. Морфологические признаки многих таких форм очень усложнены наличием на них разнофункциональных рабочих элементов, оформленных, по мнению И. И. Коробкова, не только ретушью, но и отеской и другими приемами отделки, предназначенными прежде всего для оформления основного рабочего элемента. Автор полагает, что «для выделения локальных особенностей ашельских и мустьерских индустрий такого рода требуется не столько описание целых форм и орудий и поиски признаков группировки их... сколько типологизация рабочих элементов и выявление специфики их оформления и сочетаний в комбинированных формах орудий» (Коробков, см. прилож. 1).

Таково кредо И. И. Коробкова в отношении принципов изучения яштухских каменных изделий, которое, однако, не привело к разработке конкретной методики анализа. Исследователь ограничился лишь рекомендацией создать некий атлас в виде «открытой системы определения и подсчета форм и разновидностей орудий на основе сочетаний приемов оформления основных работающих элементов и сочетаний самих работающих элементов в комбинированных формах» (Коробков, см. прилож. 1). Система эта, как полагает ее автор, должна состоять из двенадцати групп орудий и четырех уровней их оценки. При такой системе любое орудие, каким бы сложным и многосоставным оно ни было, может быть записано в виде формулы.

Нам, однако, она представляется надуманной и нереализуемой. Во-первых, И. И. Коробков обрисовал свою систему лишь в общих чертах, не обосновав подробно ни принципы ее построения, ни критерии выбора при-

знаков для каждого из уровней. Почему и каким образом выделено, например, именно двенадцать групп орудий, остается загадкой. Весьма произволен, а также эклектичен набор четырех признаков, предлагаемый для оценки изделий на втором уровне. Еще менее понятна процедура характеристики орудий на других уровнях. На третьем уровне предлагается типологизация приемов обработки основных рабочих элементов, однако автор не дает четких разъяснений, как выделять такой элемент в случае комбинированных орудий (Коробков, см. прилож. 1). Заметим, кстати, что в более ранних работах И. И. Коробков предлагал описание комбинированных орудий через совокупность рабочих элементов [Коробков, Мансуров, 1972], что тоже вызывает возражения, поскольку в том подходе не учитывались взаиморасположение этих элементов, их композиция. Четвертый уровень предполагает элементарную характеристику формы рабочего края в плане (выпуклый, вогнутый, прямой, фигурный), без учета его протяженности и угла лезвия.

Резюмируя, подчеркнем, что рекомендации И. И. Коробкова по внедрению данной системы не подкреплены реальными результатами ее использования. Только анализ фактического материала мог бы продемонстрировать механизм реализации и эффективность применения предлагаемой системы. На наш взгляд, весьма шаткая конструкция этой системы и крайне туманное описание способа ее применения не оставляют сомнений в том, что она не может обеспечить желаемой ее автором «формализации». Заметим также, что сама эта «формализация» едва ли приложима к раннепалеолитическим материалам. Даже если бы удалось выполнить намеченную И. И. Коробковым процедуру, ее результатом стали бы громоздкие, состоящие для каждого орудия из нескольких цифр и букв, индексы, которые неизбежно упрощают характеристики изделий и не могут отразить всех нюансов их технико-морфологической вариативности.

Несмотря на то что И. И. Коробков так и не произвел подробный анализ ашельских материалов Яштухского местонахождения, он использовал их для ряда обобщений относительно ашеля всего Черноморского побережья Кавказа. Ашель этого района, по мнению И. И. Коробкова, имеет ряд морфологических и типологических особенностей, отличающих его от ашельских индустрий других регионов Кавказа. Приведем перечень этих особенностей ашеля Черноморского побережья Кавказа дословно, как сформулировал их автор в своих тезисах (Коробков, см. прилож. 1):

1. Сходство по ряду черт оформления ручных рубил (широкое совковидное лезвие, «рыльце» тернифинско-латамнского облика) и по наличию форм, близких к кливеру, с рядом памятников Ближнего Востока (Джуб-Джаннин, Латамна).

2. Характерна немногочисленность бифасных форм в ашеле Черноморского побережья и малая вариативность форм. Представлены: подпрямоугольные бифасы с плоской пяткой, ладьевидный бифас, бифасы с поперечным совковидным лезвием, миндалевидные формы и специфическая форма узкого бифаса с же-

лобчатым лезвием, повторяющаяся в более позднем мустьерском бифасе. Архаичный вид представлен рубилом тернифинско-латамнского вида.

3. Рубила функционально, по-видимому, заменяются здесь специфической формой рубяще-режущего орудия на отщепе с прямыми или заостренными рабочими лезвиями, иногда разного назначения — т. н. «чопперами» яштухского типа. Имеются чоппинги с прямым поперечным или заостренным краем, а также многочисленные орудия с приостренными и вогнуто-зубчатыми и заостренными краями на плитчатых заготовках.

4. Для вторичной обработки нехарактерна правильная отеска или разноразмерная ретушь. Их заменяет отеска крупными глубокими, часто разноразмерными сколами, создающими зубчатость лезвий; такие же сколы часто выделяют заостренный рабочий элемент орудия.

5. Чрезвычайно обильны и по-разному оформлены клвовидные орудия с упором на угол, ножи и ножи-скрѐбла с диагональной фаской.

6. Среди скребущих орудий преобладают скребки самых разнообразных типов (с прямым, секирообразным, выпуклым лезвием, скребки с «мордочкой»), в т. ч. и на крупных пластинах, скребковые выступы и узкие тронкированные участки. Скрѐбла с правильной протяженной ретушью — немногочисленны, как и остро-конечники.

7. Стамески, приближающиеся к скребкам по типу элементов вторичной обработки, но отличающиеся более острым пологим лезвием.

8. Примечательным является частое сочетание на одном изделии рабочих краев различного назначения. Усложненность комбинированных форм, являющаяся примечательной чертой ашеля Яштуха, еще более возрастает в местном мустье тейякско-зубчатого облика — что, несомненно, показывает происхождение этого специфического варианта неместного ашельского субстрата» (Коробков, см. прилож. 1).

Эта изложенная почти телеграфным стилем характеристика ашеля Черноморского побережья Кавказа отражает прежде всего особенности ашельских индустрий собственно Яштухского местонахождения. Характеристика эта является единственным и крайне лаконичным, к сожалению, изложением взглядов И. И. Коробкова на морфолого-типологические черты яштухского ашеля. Она содержательна и во многом справедлива, но не подкреплена иллюстративным материалом, а также надлежащими комментариями, что вызывает некоторые вопросы. Остается неясным, к примеру, какие формы специфических рубяще-режущих макроорудий отнесены к «чопперам яштухского типа», к «бифасам с поперечным совковидным лезвием», выделенным помимо рубила «тернифинско-латамнского вида», к «узкому бифасу с желобчатым лезвием», к «формам, близким к кливерам Ближнего Востока».

Что касается происхождения ашеля Яштуха, то в большинстве работ И. И. Коробкова утверждается, что специфические черты данной индустрии позволяют говорить о наличии у нее местных корней [Коробков,

1967: 199]. «Древняя ашельская индустрия Яштуха эволюционирует тут же от древнего до финального ашеля» [Коробков, 1965]. Позднее, продолжая отмечать типологическую уникальность ашеля Черноморского побережья в пределах Кавказа, исследователь, однако, уже не настаивает на автохтонности его происхождения (Коробков, см. прилож. 2; см. также: [Коробков, 1995]). Рассматривая истоки и корни причерноморского ашеля Яштуха, он находит несомненные параллели ему в комплексах средиземноморского ашеля Сирии, Ливии, Палестины и Магриба. Сходство выражается, на его взгляд, в одинаковости типологических форм рубил «тернифинского типа», орудий типа кливеров, орудий рубяще-тесловидного характера, высоких скребущих форм, коротких острий, многоставных орудий. Автору кажется несомненным, что подобное сходство может быть обусловлено не только генетически единой культурной традицией, но также и экологическим фактором [Коробков, 1995: 315].

Заключения И. И. Коробкова о морфолого-типологических чертах яштухского и всего причерноморского ашеля изложены им с большой убежденностью, но в весьма конспективной и декларативной форме. Суждения эти, на наш взгляд, можно принимать только на веру, так как большинство выделяемых автором характерных форм (бифас «тернифинского типа», «чоперы яштухского типа», высокие скребущие формы, орудия с приостренными и вогнуто-зубчатыми краями, орудия рубяще-тесловидного характера и др.) им не описаны и об их облике можно только догадываться. Лишены должного обоснования и высказывания И. И. Коробкова об отличии яштухского ашеля от ашеля других регионов Кавказа и о несомненном (?) сходстве его с ашельскими комплексами удаленных районов Средиземноморья.

Что касается других исследователей ранних индустрий Яштуха, то их суждения о типологических особенностях яштухского ашеля менее значимы. Л. Н. Соловьев, обладатель наиболее крупных коллекций, в частности, всю жизнь вынашивал идею исконности существования на Яштухе «прешелля» и «шелля». Две из трех своих главных работ [Соловьев Л. Н., 1974; 1987] он посвятил исключительно описанию своих «шелльских» находок. Третья монография [Соловьев Л. Н., 1971] уделяет главное внимание «шеллю». Описание «шелльских» орудий и рисунки их представлены в этих работах в полной мере, но непрофессионализм автора в области морфолого-типологического анализа древних каменных изделий, что отражено, в частности, в его «самодельных» названиях орудий, совершенно очевиден. Для описания зубчато-выемчатых форм, как уже упоминалось, Л. Н. Соловьев использует, например, такие термины, как «косари», «рогатые

скобели», «пилоножи», «зубцовые орудия», «резаки» и др. [1971: 30—32, табл. II—XI; 1974: 11—17, рис. 1—2; 1987: 4—8, рис. 1—18]. Во многих случаях сделанная им атрибуция орудий вызывает сомнения или же является совершенно неправильной. Среди семи найденных им на Яштухе якобы «шелльских» ручных рубил, которые он описал и воспроизвел в весьма плохих, кстати, рисунках [Соловьев Л. Н., 1971: табл. III—VI], нет ни одного орудия, которое хотя бы отдаленно напоминало подлинные ручные рубила. Описание инвентаря является, к сожалению, наиболее слабой стороной работ Л. Н. Соловьева, в которых в то же время можно найти немало важных наблюдений и мыслей.

Материалы, добытые на Яштухском местонахождении экспедицией Н. З. Бердзенишвили, к сожалению, в настоящее время недоступны для ознакомления. В статье, опубликованной на грузинском языке (с русским резюме), часть этих материалов, определенная как «возможно древнеашельская», представлена рисунками 14 изделий, среди которых интересны чоппер [Бердзенишвили, 1979: табл. XVI], три двусторонне оббитых предмета, напоминающих нуклевидные скребки или полиэдры [Там же: табл. XVIII], и три ручных рубила [Там же: табл. XXVIII—XXX]. Одно из рубил было найдено на склоне горы Яштух, второе — у южного входа в ущелье между горами Яштух и Бырцх, третье — на правом берегу Остроумовского ущелья [Бердзенишвили, 1979: карта на табл. II].

В целом все исследователи ашельских орудий Яштухского местонахождения обращали внимание на то, что они отличаются прежде всего малым количеством ручных рубил и обилием зубчато-выемчатых форм на отщепках. Приведем не лишние интереса мнения о причинах специфики яштухского инвентаря, высказанные М. З. Паничкиной и Л. Н. Соловьевым. По общему мнению этих исследователей, состав инвентаря мог отражать особенности хозяйственной деятельности, которая, в свою очередь, могла быть обусловлена географическим положением и характером природных ресурсов этой области. «Первобытное население прибрежной части Закавказья, — пишет М. З. Паничкина, — могло широко заниматься, наряду с охотой за крупными животными, собиранием мелких обитателей моря, выбрасываемых во время отливов на берег...» [Паничкина, 1953: 36]. «Абхазская природа, — отмечает Л. Н. Соловьев, — во все века предоставляла человеку замечательный поделочный материал — древесину самшита, твердую настолько, что она с трудом режется стальным ножом... Для ее обработки не годились тонкие режущие края пластин, а только ретушированные пилообразные лезвия массивных отщепов» [Соловьев Л. Н., 1971: 73].

6. АВТОРСКИЙ ПОДХОД К ХАРАКТЕРИСТИКЕ АШЕЛЬСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЯШТУХСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ

При исследовании ашельских материалов Яштухского местонахождения С. Н. Замятнин, Л. Н. Соловьев и Н. З. Бердзенишвили опирались только на свои сборы. Авторы же данной книги, как и И. И. Коробков, имели возможность ознакомиться со всеми коллекциями, исключая сравнительно небольшую коллекцию Н. З. Бердзенишвили и крупную коллекцию Л. Н. Соловьева, погибшую при разграблении и сожжении грузинскими гвардейцами здания Абхазского института языка, литературы и истории в октябре 1992 г. [Воронцов, 1994: 5]. Авторы также имели известное преимущество перед И. И. Коробковым, поскольку к 2011 г., ко времени написания данной работы, появились новые разработки в направлении уточнения понятийного аппарата и идентификации некоторых сложных форм ашельского инструментария. К последним на Яштухском местонахождении, как представляется, следует отнести нуклеидные скребки, многообразные крупные полифункциональные зубчато-выемчатые артефакты, короткие своеобразные массивные острия и некоторые формы чопперов.

Предлагаемая нами характеристика яштухских ашельских изделий не может быть, конечно, исчерпывающей, поскольку большая, очевидно, часть собранных материалов утрачена или недоступна (Тбилиси), а знакомство с коллекциями С. Н. Замятнина и И. И. Коробкова нельзя считать завершенным: слишком велики и сложны эти, безусловно, смешанные материалы. Отдавая должное своим предшественникам, авторы предлагают лишь усиленную, назревшую, как представляется, ревизию ранее изданных работ, а также свои взгляды и размышления по ряду вопросов.

Как и предшествующие исследователи, авторы изучали яштухские ашельские изделия суммарно, не разделяя их по разноречивым пунктам находок и рассматривая свои ограниченные разработки лишь как задел для будущих более детальных изысканий, опирающихся на стратифицированные свидетельства. Авторы производили главным образом типолого-морфологические наблюдения и почти не касались техники расщепления, поскольку не удалось обнаружить большую коллекцию нуклеусов из сборов С. Н. Замятнина, которую изучал в свое время И. И. Коробков [Коробков, 1965].

Что касается заготовок, можно отметить лишь, что специфика основных яштухских ашельских форм отчасти связана, видимо, с изготовлением орудий преимущественно на массивных отщепах или брусковид-

ных плитчатых отдельностях, образовавшихся в результате расслоения (квиважа) местного кремнистого известняка или кремня. Толщина таких уплощенных заготовок чаще всего колебалась в пределах 2,5—5,0 см. На цельных гальках или желваках оформлялись лишь немногочисленные ручные рубила, чопперы или чоппинги.

Основные особенности вторичной обработки

Вторичная обработка ашельских орудий осуществлялась ретушью, в основном краевой или слабо распространенной чешуйчатой полукрутой или крутой и, особенно, зубчатой. Зубчатая ретушь, как правило, была крупной, нанесенной явно намеренно, и представляла собой цепочку смежных более или менее разновеликих или близких по размеру выемок, на стыках которых находились шипы-зубцы или выступы округлой формы (фестоны) (рис. 33—39). На орудиях типа коротких массивных острий и ряда комбинированных форм широкие симметрично расположенные анкоши клетонского или ретушированного типов выделяли главный острый рабочий элемент (рис. 40—44). Иногда таким же образом выделялись угловые или боковые шипы (рис. 38) или скребки (рис. 84). В отдельных случаях анкоши ограничивают дистальные лишенные ретуши лезвия (рис. 47). Крупная зубчато-выемчатая ретушь и аккомодационные выемки вообще являлись здесь одним из главенствующих видов вторичной отделки. Собственно же анкоши были немногочисленны (рис. 45). Двусторонняя обработка, если исключить немногочисленные ручные рубила и чоппинги (рис. 16: 2; 17; 18; 20—27), применялась редко. Яштухским ашельцам был знаком также способ изготовления острийных орудий типа резцевидных клювов (*bec burinante alterne*) путем пересечения фасеток противоположащей ретуши (рис. 41: 3), ретуши и анкошей (рис. 41: 4; 44: 2), ретуши и резцовых сколов (рис. 37: 1; 44: 1). Широко распространенным являлось изготовление комбинированных орудий: совмещение на одних и тех же изделиях различных видов вторичной отделки (выемок и скребковой ретуши, зубчатых участков и анкошей и т. д.) (рис. 46—48). Немногочисленные орудия типа скребел на отщепах оформлялись краевой пологой или полукрутой ретушью (рис. 49). Более многочисленны и многообразны скребковые

элементы (рис. 48). Как скрёбла, так и скребки нередко являлись одним из элементов комбинированных орудий. Что касается оформления рабочих элементов яштухских галечных орудий, то большинство их, в отличие от классических форм, изготавливаемых с помощью небольшого количества грубых и крупных снятий, оформлялись с помощью более разнообразных приемов вторичной обработки. Такова прежде всего ретушь разного рода — краевая, распространенная и даже сплошная, чаще всего пологая и полукрутая. Занимает такая ретушная оббивка от 50 до 100 % поверхности одной из сторон орудия.

Морфолого-типологическая характеристика

Чопперы и чоппинги. Чопперы и чоппинги, изготавливаемые на гальках, небольших валунах и массивных отщепах, довольно вариабельны. Лезвия и острия их оформлялись несколькими сколами (рис. 10) либо крупными чешуйчатыми стесами, срезающими иногда — частично или полностью — обрабатываемую сторону орудия (рис. 11—14; 15: 2; 16: 1). В отдельных случаях рабочие края таких предметов выравнивались ретушью (рис. 15: 2; 16: 2). По крутизне и отделке лезвий некоторые чопперовидные формы граничат с нуклеидными скребками (рис. 12: 2), массивными остриями или, в случае оформления на отщепах или довольно тонких гальках, с крупными массивными скрёблами (рис. 65). Именно эти, по всей видимости, формы С. Н. Замятнин именовал грубыми рубящими орудиями [Замятнин, 1937: 47; 1961: табл. IX]. Классификация таких «пограничных» форм вызывает серьезные затруднения.

В соответствии с ранее описанным подходом авторов к классификации чопперов и чоппингов [Любин, Беляева, 2004а] эти орудия подразделяются вначале на одно- и двулезвийные. Среди однолезвийных вычленяются боковые и концевые, включая некоторые специфические формы (например, узкие долотовидные или с дополнительными рабочими элементами). Двулезвийные делятся на формы с различными сочетаниями продольных и поперечных лезвий, а также на формы со сходящимися лезвиями и острием. Среди последних выделяются варианты по углу схождения лезвий. Далее учитываются особенности обработки лезвий и аккомодационных участков, а также другие детали.

Рассмотрим теперь яштухские чопперы и чоппинги более подробно.

Чопперы и чоппинги с остриями. Среди остроконечных чопперов и чоппингов можно выделить орудия с двумя лезвиями, сходящимися под острым углом (a pointe), с лезвиями, сходящимися под тупым углом (chopper convergent), и орудия со слабо выступающими остриями (chopper a pointe peu degage) [Tixier, 1985—1986]. Орудия первой разновидности с колющим концом в яштухских материалах единичны. К ним можно отнести чоппер с местонахождения Суходол (рис. 10:

2), оформленный несколькими крупными сколами на массивной (12,2×11,3×5,4) вулканической гальке, и еще более массивный (10,3×9,6×6,4) чоппинг, поднятый И. И. Коробковым в пункте 10б близ места слияния рек Западная и Восточная Сухумка. Последний оббит с двух сторон: с плоской — пологими снятиями, с выпуклой — многочисленными полукрутыми снятиями и ретушью по кромке одного из лезвий (рис. 11: 2). Мощное трехгранное острие этого предмета в комбинации с такими же боковыми лезвиями предполагает использование его для различного рода ударных и рубящих функций.

Вдвое больше орудий (4 экз.) относятся к конвергентным формам с тупым углом схождения лезвий. Первое — крайне массивный чоппер укороченных пропорций (8,5×11,0×6,8) из сборов С. Н. Замятнина в 1935 г. — тяготеет к орудиям типа массивных острий (рис. 11: 1). Несмотря на схождение лезвий под тупым углом, оно имеет резко выраженное колющее острие. Продольные же лезвия имеют зубчатую оббивку.

Остальные три чопперовидных орудия из наших сборов на местонахождении Ахабиюк в 1964 г., помимо асимметричных острий, обладают смежными с ними скошенными лезвиями на дистальных концах, что позволяет рассматривать их как комбинированные формы. В деталях они, однако, разнятся. Первое, более крупное (16,1×11,1×7,0), имеет удлиненные подпрямоугольные очертания, сплошную оббивку одной из сторон пологими приостряющими снятиями в привершинной части и плоскими радиальными — в остальной. Снятия эти, как представляется, были наложены на плоскость раскола исходной гальки. Посредством их было оформлено два лезвия и на пересечении их — угловое широкоугольное асимметричное острие. Одно лезвие простиралось по правому краю предмета, второе — более короткое и скошенное — по его поперечному дистальному концу. Массивное же основание и левый продольный край орудия остались необработанными, образовав удобные пятку и обушок (рис. 12). Второе, несколько меньшее, но такое же массивное (14,5×11,5×7,2) чопперовидное орудие было сработано приблизительно по той же схеме, но правый продольный край его был не приострен, а притуплен крутой ретушью, четко вычленявшей дистальные рабочие элементы: асимметричное острие и узкое скошенное поперечное лезвие (рис. 13). Примечательно, что оба этих своеобразных чоппера изготовлены из одинаковой зеленовато-серой (вулканической?) породы, были найдены рядом и имеют одинаково сильно выветрелые поверхности. Толщина выветрелой корки, судя по выбоинам, сделанным, вероятно, при распашке, достигает 2 мм.

Третий, более явственный чоппер из группы находок на горе Ахабиюк лишен оббивки по продольному краю и по одной из сторон, но близок к двум последним наличием на его конце скошенного лезвия, примыкающего к острию. Лезвие и острие выделены здесь широкими выемчатыми снятиями. Орудие это, судя по небольшому свежему сколу, также изготовлено из местной лавовой породы. Размеры его 11,8×10,1×

5,2 см (рис. 10: 1). Еще один небольшой чоппер такого рода (рис. 19: 1) найден на местонахождении Джаншкоп в южном подножии горы Ахабиюк [Соловьев Л. Н., 1987: табл. III].

Среди чопперовидных орудий со слабо выступающими остриями (6—7 экз.) наиболее интересны два боковых чоппера, у которых одна из сторон исходных галек, подобно своеобразным чопперовидным орудиям, встреченным на местонахождении Ахабиюк, полностью или почти полностью срезана широкими и плоскими чешуйчатыми снятиями. Размеры снятий уменьшаются в направлении от пяток орудий к их рабочим лезвиям, приостренным кое-где ретушью. Оба эти предмета встречены в горной зоне Яштухского местонахождения: на юго-восточном склоне горы Яштух недалеко от местонахождения Ахабиюк. Наиболее массивный из них (9,8×14,3×6,6), так же как и ахабиюкские чопперы, оформлен на лавовой гальке. В плане острие на нем выступает незначительно, но в профиль — весьма отчетливо (рис. 14: 1). Второй чоппер этого типа заметно тоньше (9,3×14,0×3,6) и функционально мог быть использован как скребло (рис. 15: 2). К орудиям такого типа тяготеет и предмет, изображенный на рис. 14: 2, имеющий выпуклый зубчатый рабочий край. Размеры его 7,0×4,2×3,5 см. Форма со слабо выступающим в плане, но резко обозначенным в профиль клиновидным острием представлена также небольшим чоппингом размером 10,0×9,8×4,6 см (рис. 17: 1).

Боковые и концевые чопперы и чоппинги с прямыми или выпуклыми лезвиями. Наиболее выразительны два боковых образца с прямыми хорошо выровненными лезвиями из сборов С. Н. Замятина (рис. 16: 1) и И. И. Коробкова (рис. 16: 2), размеры которых составляют, соответственно, 8,7×6,9×5,3 и 8,4×8,6×7,2 см. Оба орудия имеют четырехугольные очертания, массивные пятки, покрытые галечной коркой, и клиновидное поперечное сечение. Первое, изготовленное на базальтовой (?) гальке, имеет односторонне оформленное лезвие, выровненное и приостренное длинными плоскими стесами, второе, оформленное по краю одноплощадочного ядрища, отличается бифасиальной ретушной подправкой лезвия. В коллекции С. Н. Замятина встречены два образца концевых чоппингов: меньший (7,2×7,0×4,0) оформлен на небольшой гальке (рис. 17: 2), больший (9,8×7,9×4,2) — на массивном отщепе (рис. 17: 3). В профильном ракурсе оба имеют клиновидное завершение. Место находки первого из них неясно, второй же происходит из местности Ахабиюк. В публикациях Н. З. Бердзенишвили имеются изображения еще трех орудий рассматриваемого типа. Все они происходят с вершины горы Яштух [Бердзенишвили, 1979: табл. XI, 4; XII, 3; XVI, 1]. Среди них два концевых чоппера (рис. 18: 2, 3) и один своеобразный чоппинг с выделенным шиповидным острием на дистальном конце (рис. 18: 1). Еще один концевой чоппинг найден Л. Н. Соловьевым в пункте Джаншкоп (рис. 19: 2).

Подытоживая описание яштухских чопперов и чоппингов, следует прежде всего еще раз отметить

привязку абсолютного их большинства к горной зоне, несмотря на то что этой зоне, из-за ее удаленности, уделялось меньше внимания. С. Н. Замятин, например, обследовал ее только в 1935 г., а экспедиция Н. З. Бердзенишвили не посещала район межгорья Яштух/Ахабиюк вовсе. Изготовление этих галечных орудий в подавляющем большинстве случаев из некремневого сырья и, отчасти, из неместных вулкаников, а также явная локализация этих архаичных форм вне прибрежной зоны допускают гипотезу о более раннем заселении человеком горной части рассматриваемой территории. Об этом свидетельствует и совпадение результатов сборов разных исследователей, работавших на протяжении многих лет. Возможность случайной выборки находок, на наш взгляд, здесь исключена. Сравнительно небольшое количество находок чопперов и чоппингов на Яштухском местонахождении отчасти объясняется, на наш взгляд, недостаточностью в те давние годы представлений об архаичных галечных орудиях и запрограммированностью зрения сборщиков на поиск кремней определенных расцветок. С другой стороны, за этим могут стоять и объективные факторы, среди которых особенно важен сырьевой.

Распространение грубых рубящих орудий типа чопперов и чоппингов в древнепалеолитических индустриях Кавказа лимитировалось размерами и формой исходного сырья и его качеством. Мелкогабаритное сырье и вулканические породы типа хрупкого обсидиана и стекловидного дацита были непригодны для этой цели. Использовались более прочные вулканические породы (базальты, риолиты и др.), метаморфические типа ороговикованного известняка, песчаников и осадочные типа кремня, различных окремненных пород. Предпочитались гальки или желваки плосковыпуклой или двоякопослойной формы и массивные плитчатые отдельности.

В кремненосных районах Кавказа рассматриваемые орудия встречаются сравнительно редко: немногочисленные находки на Яштухском местонахождении и грубые образцы в доашельских индустриях Дагестана [Амирханов, 2007: рис. 15, 16, 18—20, 33 и др.]. Чопперы и чоппинги из метаморфизованной породы обнаружены в среднеашельской (?) стоянке на островной горе Кинжал в Пятигорье [Любин, Беляева, 2004б: 104—111, рис. 3]. Наибольшее же количество этих орудий представлено в ашельских комплексах пещер Кударо I в Южной Осетии [Любин, Беляева, 2004а: рис. 20, 21, 45, 46, 73 и др.] и Азых в Карабахе [Гусейнов, 1985: рис. 8—12], а также в древнеашельских и доашельских комплексах Южной Грузии (Дманиси) [Lumley de et al., 2005: pl. 2—5, 12, 13, 23, 24, 26, 28, 30] и Армении (Нурнус, Мурадово, Курган, Карахач) [Любин, Беляева, 2008: 83—84, рис. 1; Любин, Беляева, Саблин, 2010: 36—59]. В пещерных стоянках для их изготовления использовались главным образом песчаники и кремнистые сланцы, в памятниках Армении и Грузии — различные вулканики.

Ручные рубила. В разных пунктах найдено десять ручных рубил [Замятин, 1937: рис. 6; 1961: табл. XII:

1, XIII: 1, XIV, XV: 1; Коробков, 1964: 77—78; Бердзенишвили, 1979: табл. XXVIII—XXX; Любин, 1998: рис. 9б: 2]. Сырьем для них служили местный кремний и — в единичных случаях — сланец и лавовая порода. Восемь рубил имеют верхнеашельский облик, два — явно более архаичны.

Архаичные рубила. Эти два рубила выделяются крупными размерами, массивностью, более примитивной оббивкой и очень выветрелой и заглаженной поверхностью. Большее из них (24,4×12,0×5,7) было найдено Л. Н. Соловьёвым на горе Трапезия на юго-восточной периферии Яштухского местонахождения. Меньшее (22,0×12,0), изготовленное из явно импортной вулканической породы, было поднято близ русла реки Восточная Сухумка [Бердзенишвили, 1979: 37, табл. XXX: 1]. Оба эти рубила необычны для Яштухского местонахождения и всего побережья, а поэтому заслуживают особого внимания. Первое, более крупное, судя по двоякоплоскому поперечному сечению, длине и прямоосности, было изготовлено на удлинённой плитчатой заготовке (рис. 20). Поверхность его оглажена, покрыта глубокой коричневато-ржавой патиной и местами с обеих сторон намертво прикипевшей коркой ожелезнённого песчаникового припая. Кое-где он маскирует детали отделки поверхности и лезвий орудия. Тем не менее очевидно, что отделка выполнена небольшим количеством крупных и мелких снятий. Мелкие нанесены только на противоположных краях дистальной половины предмета. Узкий, «совковидный», по определению И. И. Коробкова, поперечный конец орудия приострён одним снятием с одной стороны и несколькими мелкими — с другой. Продольные лезвия бифаса в плане выпуклые, в профиль — слабоволнистые. Пятка дуговидно закруглена и массивна в меру толщины корпуса.

Данный бифас стал для И. И. Коробкова краеугольным камнем для развития идеи о средиземноморских корнях яштухского ашеля. Прямую аналогию этому бифасу он видел в таком же крупном бифасе, найденном на ашельском местонахождении Джуб-Джаннин II в Сирии [Besançon et al., 1970: fig. 1]. Одними из главных признаков ряда бифасов, происходящих из ашельского ансамбля этого сирийского памятника и других генетически близких ему ашельских ансамблей Средиземноморья, являлись их ланцетовидно удлинённые пропорции и «совковидные» завершения дистальных концов.

Заметим, что яштухский бифас, который И. И. Коробков рассматривает как «двойник» рубила из Джуб-Джаннина II, имеет, в отличие от последнего, выпуклые, а не субпараллельные края, более прямые в профиль продольные лезвия, толстую пятку, а также более интенсивную подретушёвку дистального конца. В целом, однако, данная параллель кажется достаточно правомерной: размеры, грубая лаконичная оббивка краёв, очертания орудия и оформление совковидного дистального конца делают эти рубила достаточно схожими. Но можно ли по единичному орудю судить о генезисе яштухской ашельской индустрии, тем более что остальные яштухские и причерноморские рубила

не дают оснований для параллелей с Левантом? Да и весь орудийный контекст Яштухского местонахождения, как будет показано ниже, резко отличается от так называемых левантийских индустрий «убейдийско-латамнской традиции». В последних, кстати сказать, совершенно отсутствовала леваллуазская техника расщепления камня, и датируются они более ранним временем.

Второе, меньшее по длине, но ещё более массивное (толщина превышает 6,0 см) ручное рубило архаичного облика изготовлено из вулканической породы, выходы которой известны в среднем течении реки Кодор, в Цебельде, в районе так называемой центральной абхазской интрузии [Рейнгард, 1925; Б. Л. Соловьёв, 1968: 67]. Согласно описанию Н. З. Бердзенишвили, это орудие обработано крупными сколами, имеет очень плоское рабочее остриё и очень стёртые, ввиду, вероятно, сильной выветрелости, следы обработки [Бердзенишвили, 1979: 37, рис. XXX: 1]. Судя по не очень чёткому рисунку, орудие было оформлено на очень крупном удлинённом отщепе, продольные края которого грубо подправлены несколькими широкими поперечными снятиями. Ударная площадка исходного отщепе как будто сохранилась, образовав пятку орудия. Следы ретушной подправки лезвий и дистального конца отсутствуют (рис. 21: 1).

Что касается остальных восьми яштухских ручных рубил, то они существенно отличаются от рассмотренных архаичных образцов. Они имеют иные размеры, очертания и отделку. Некоторые общие черты этой небольшой серии обусловлены, на наш взгляд, прежде всего особенностями местного кремнёвого сырья. Это сырьё, если судить по габаритам макроорудий, было в основном не крупноразмерным, трещиноватым и сланцеватым, не позволявшим при его расщеплении получать необходимые для изготовления бифасов достаточно крупные сколы-заготовки. Последние заменялись здесь сравнительно небольшими уплощёнными (двоякоплоскими или плоско-выпуклыми) гальками подходящих очертаний, которые подвергались почти сплошной бифасиальной оббивке. Фрагменты галечной корки при этом сохранялись порой лишь на пятках или сторонах орудий. Получаемые таким образом бифасы, как правило, были лишены также обушков, которые нередки на бифасах, оформляемых на отщепах. Следует отметить, что если половина этих бифасов оббиты с помощью интенсивной попеременной оббивки от краёв (рис. 25: 1; 26: 1; 27), то прочие демонстрируют поперечное или продольное уплощение корпуса крупными плоскими сколами (рис. 21: 2; 22: 1; 23: 1). Снятие серии таких крупных тонких сколов, достигающих иногда почти до противоположного края орудия, должно было производиться со специально подготовленных временных площадок. Сущность этого приема ядрищного утончения и уплощения корпусов бифасов состоит в контролируемом скалывании в одной плоскости, что является характерной чертой леваллуазской техники расщепления.

Морфологические черты рассматриваемых рубил позволяют разделить их на две группы: рубила под-

прямоугольных очертаний (4 экз.) и рубила с хорошо выраженным конвергентным схождением лезвий в дистальной части (pointed) (4 экз.). Они происходят из разных пунктов местонахождения.

Рубила подпрямоугольных очертаний. Все эти рубила имеют повреждение либо дистального конца (2 экз.) (рис. 22: 1), либо обоих концов (1 экз.) (рис. 23: 1). Четвертый бифас — узкий, листовидный — представлен лишь медиальным фрагментом, и атрибуция его как рубила носит условный характер (рис. 24: 3). Длина трёх наиболее хорошо сохранившихся образцов колеблется в пределах 9,3—9,7 см. Все бифасы этой группы являются массивными, сплошь обработанными и двояковыпуклыми. Те, что сохранили базальные части, имеют толстые, прямые или слабо закруглённые пятки. Поверхности рубил обработаны небольшим количеством достаточно крупных снятий; ретушная подправка более или менее волнистых лезвий незначительна. Наиболее важным признаком этих орудий является параллельность или субпараллельность их продольных краёв, подпрямоугольность общих очертаний, прямизна или слабая дугообразность дистальных концов.

Подобные подпрямоугольные бифасы неизвестны в Леванте (N. Gogen-Inbar: личное сообщение), но встречаются в разных районах Кавказа. Более архаичные образцы их обнаружены в ашельских культурных слоях пещеры Кударо I [Любин, 1998: рис. 28: 2; Любин, Беляева, 2004а: 29], на ашельских местонахождениях Гористави [Любин, 1998: рис. 95: 2] и Чикиани [Любин, 1998: рис. 88: 2]. Более развитые их формы, подобные причерноморским, известны на Кубани [Паничкина, 1961: рис. 11: 6] и в Армении [Любин, 1965: рис. 11: 2]. Бифасиальные формы такого рода в их развитии от ашеля до мустье не прослежены ни в одном регионе Восточного и Южного Средиземноморья.

Рубила с хорошо выраженным конвергентным схождением лезвий (5 экз.). Три из них оформлены на гальках. Они имеют, в соответствии с характером обработки, плоско-выпуклое (рис. 25: 1) или двояковыпуклое поперечное сечение и хорошо выровненные прямые или слабеволнистые продольные лезвия (рис. 21: 2; 26: 1; 27). Дистальные концы их были приострены или слабо закруглены. Все эти орудия отличаются небольшим размером, три из них относятся к массивным бифасам, что объяснимо использованием галек. По форме выделяются миндалевидное (рис. 26: 1), ланцетовидное (рис. 25: 1), сердцевидное (рис. 21: 2), подсердцевидное удлинённое (рис. 27: 1) и овальное (рис. 27: 2) рубила.

Следует отметить, что в публикациях первых исследователей Яштухского местонахождения С. Н. Замятнина и Л. Н. Соловьёва указывается и описывается, по меньшей мере, вдвое большее количество находок ручных рубил, встреченных на Яштухе и относимых ими к «шеллю» или ашелю. С. Н. Замятнин, судя по рисункам, ошибочно относил к ним некоторые нуклеусы и крупные отщепы с ретушной подправкой [Замятнин, 1961, табл. XI: 1, 2; XIII: 3, 5; XVI: 2; XVII: 1, 2; XVIII: 1, 2, 3]. Небрежные же рисунки на таблицах в

книге Л. Н. Соловьёва [1971: табл. III: 1, 2; IV: 1, 2; V: 2] далеко не всегда позволяют оценить характер изображаемого орудия. Изображения рубил в нашей работе приводятся в том виде, в каком они были извлечены из доступных публикаций. Они, конечно, недостаточно информативны и не всегда понятны: кое-где, например, отсутствуют продольные разрезы и линии продольных лезвий.

Кливеры (1 экз.) Одна из сторон этого орудия с поперечным лезвием представляет собой, по всей видимости, спинку скола, а вторая, почти полностью обработанная, сохранила участок предполагаемой брюшковой поверхности. Соответственно, это орудие следует отнести к настоящим четырехугольным кливерам. Основание его сильно повреждено плантажной вспашкой. Максимальные размеры сохранившейся части 15,2×9,8×5,6 см. (рис. 28). По классификации Ж. Шевайона орудие относится к разряду массивных (*hache-gaoux epais*) — отношение ширины к толщине равно 1,75. Брюшковая сторона его сплошь оббита встречными уплощающими снятиями. Вторая сторона, более выпуклая, оббита более крупными, но крутыми сколами только в основании и по обоим продольным краям орудия. Продольный профиль кливера имеет вид массивного клина, плавно расширяющегося к толстой пятчатой части. Небольшие выщербины на дистальном рабочем лезвии являются, возможно, следами утилизации. Известные параллели данному кливеру можно найти в разных ашельских памятниках Кавказа — в пещере Цона, на местонахождениях Сатани-дар в Армении и Лаше-Балта в Южной Осетии [Любин, 1998: рис. 51: 2; 77: 1; 91: 1].

Нуклевидные скребки (*grattoir nucleiforme = rabet; core-scrapers = heavy-duty scrapers*) — крупные скребки, предназначенные «для тяжёлой или грубой работы» (*heavy-duty*), на Яштухе обычны и весьма вариабельны, морфологически гранича иногда с формами, близкими к чопперам или к крупным клювовидным формам. Эти скребки представляют собой массивные орудия, одна сторона которых была плоской (плоскость кливажа или вентральная сторона отщепы), вторая — высокой, крутос выпуклой (*high backed*). Поперечный рабочий край этих орудий оформлялся отвесной или крутой ретушью в направлении от плоской стороны к выпуклой. Крутизна рабочего края колебалась в пределах 80—90°, редко 60—70°. Порой, в случаях заметной сработанности, выкрошенности, ретушный край становился нависающим (*en surplomb*) [Любин, Беляева, 2004в: 159—164].

На Яштухском местонахождении отмечены следующие разновидности этих орудий:

1) сравнительно небольшие (в среднем 8—6×5—4 см), удлинённо подчетырёхугольные узкие и толстые концевые скребки с плоским основанием, горбовидным верхом и отвесными (обрубь, естественные обломы, корка) боковыми краями. В профиль рабочий край крутой, отвесный или нависающий, поперечное рабочее лезвие в плане — слабос выпуклое или зубчатое (рис. 29: 1—4);

2) такие же формы, но с крутой ретушной отделкой одного из продольных краёв (рис. 29: 5—6);

3) более крупные концевые скребки (размеры изобразяемого образца 7,5×6,5×5,5 см) с более широким и выпуклым лезвием (рис. 30: 1);

4) скребки укороченных пропорций с дуговидным рабочим лезвием, окаймляющим весь предмет, кроме основания. Отдалённо напоминают чопперы со слабо выраженным остриём. Размеры приводимых образцов (рис. 30: 2—3) 6,8×9,9×4,0 и 7,6×9,5×5,2 см.;

5) крупные массивные скребки округлых очертаний с отвесной ретушью на выпуклом концевом лезвии (рис. 31: 3) и также на одном из примыкающих к нему боковых краёв (рис. 32: 2). Размеры первого 11,1×10,1×6,9, второго и третьего, соответственно, 7,6×7,1×5,3 и 8,4×7,3×3,5 см.

Зубчато-выемчатые изделия. В 30-е гг. эти формы особо под таким наименованием не выделялись. Первый исследователь Яштухского местонахождения С. Н. Замятнин, тем не менее, обратил на них внимание, называя их грубыми орудиями на массивных отщепках, а также остроконечниками и скрёблами, не имеющими правильно выработанной формы [Замятнин, 1937: 23, рис. 8: 1, 5; 9: 1—3]. В одном случае он почти по-современному классифицировал изделие такого рода как «орудие на массивном отщепе с ретушью по всей окружности, образующей поочередно ряд острий и вогнутых скребков» [Замятнин, 1937: рис. 7: 3].

Спустя 25—30 лет, когда зубчато-выемчатые формы получили определённый статус в науке, последующие исследователи Яштухского местонахождения уделяют им надлежащее внимание. И. И. Коробков подчёркивает большой удельный вес этих форм среди яштухских ашельских изделий. «Наряду с обычными клетонскими анкошами, — пишет он, — для ашельской индустрии характерны своеобразные формы орудий с выпукло-выемчатыми рабочими краями и острием между ними» [Коробков, 1967: 199]. В финальном ашеле, полагает он, произошло разветвление прежде единой ашельской индустрии на два параллельно развивающихся индустриальных ствола: 1) тейяско-зубчатый, состоящий из двух последовательно развивающихся индустрий — тейяжской, характеризующейся орудиями с зубчатыми и выемчатыми краями (индекс зубчатости — 71), тейяжскими остроконечниками, мелкими рубящими орудиями и другими изделиями, и зубчато-мустьерской, которая сохраняет основные типы тейяжских орудий; 2) раннелеваллуазский. Их объединяла общность идеи оформления орудий. Идея эта — идея зубчатости [Коробков, 1967: 199—206]. Спустя ещё 20 лет И. И. Коробков, отмечая морфологические и типологические особенности ашеля Яштуха, констатирует, что для вторичной обработки в этой индустрии свойственна отеска крупными, часто разнообразными сколами, создающими зубчатость лезвия; такие же сколы часто выделяют рабочий элемент орудия. Логичным дериватом зубчатой отделки явились обильные и по-разному оформленные клювовидные орудия и усложнённые комбинированные формы. Усложнённость последних возрастает в мустье тейяжско-

зубчатого облика, вырастающего из местного ашельского субстрата (Коробков, см. прилож. 1). В тезисах последнего своего доклада Коробков выделяет в промежутке между миндель-риссом и вюрмом шесть самостоятельных «хронологических подразделений „тейяжа“», не раскрывая, однако, механизм этого выделения (Коробков, см. прилож. 3).

Взгляды Л. Н. Соловьёва близки взглядам И. И. Коробкова. Он определяет палеолит Яштуха как «скибочно-зубцовый» и полагает, что разветвление его началось от единого «шелльского», а не ашельского, как у И. И. Коробкова, ствола и происходило в виде трёх производственных линий: ашело-мустьерской, леваллуазо-мустьерской и тейяжско-скибочно-зубцовой [Соловьёв, 1971: 67]. Пытаясь обосновать свои выводы, он приводит анализ своих находок, в основном «шелльских», посредством создаваемой им номенклатуры древнейших зубчатых орудийных форм (косарь, пилонож, резак, рогатые орудья, зубцовые орудия и др.) [Соловьёв, 1971: 30, табл. II—X; 1987: 4—8, табл. I—XVIII]. Многие изданные Л. Н. Соловьёвым зубчатые орудия не сохранились. Рисунки этих орудий далеки от совершенства, но мы всё же учитываем и воспроизводим изображения наиболее показательных образцов.

Зубчатость разного рода на краях многих поделок действительно имеет широкое распространение в до-мустьерских комплексах Яштуха. Зубчатость эта, создаваемая цепочкой чередующихся зубцов и выемок, чрезвычайно вариабельна. Она разнообразится по размерам, форме, местоположению на заготовках, величине зубцов, глубине и ширине выемок, крутизне создаваемых рабочих краёв, регулярности или беспорядочности отделки. Зубчатость могла носить намеренный, «орудийный» характер или быть результатом утилизации края в процессе работы или повреждения его в результате различных внешних воздействий.

Многообразие природы зубчатости и её разновидностей побудило некоторых авторов говорить о неопределённости самого термина «зубчатость» и отсутствии у разнообразных зубчатых форм «собственной морфологии» [Tixier, 1963: 124; Pradel, 1956: 840]. Другие авторы, напротив, отмечали существование ряда устойчивых зубчатых форм, обладающих надлежащей морфологией и выделяемых в тип-листах особой строкой. Таковы тейяжские остроконечники (*pointés de Tayac*), скребки с шипами (*grattoir denticulé* или *a epines*), ладьевидные скребки (*grattoir carénés*), фронт которых имел зубчатый характер, а также различные зубчатые скрёбла (*racloirs denticulé*) [Heinzelin, 1962: 40; Bordes, 1961: 36].

Мы склонны подразделить зубчатые формы Яштуха на две группы намеренно изготовленных орудий. В первую включаются только собственно зубчатые орудия — самостоятельные целостные зубчато-выемчатые инструменты, все элементы которых являются рабочими и функционально более или менее близкими. Вторая охватывает орудия с зубчато-выемчатой отделкой, состоящей из участков как рабочего, так и аккомодационного назначения (обушки). Наконец, зубчато-выемчатые участки присутствуют на многих орудиях

ях в качестве аккомодационных элементов. В последнем случае эти элементы лишь принимают участие в образовании орудий типа клювовидных, комбинированных, остроконечных и других сложных форм. Многочисленные и разнообразные микрозубчатые изделия мы не рассматриваем, поскольку трудно установить намеренность их формы, имея дело с подъёмным материалом. Подобные мелкие и тонкие изделия могли приобретать зубчатый край в результате повреждений.

Группа собственно зубчатых орудий Яштукского местонахождения состоит из заметно различающихся предметов. Предметы эти, изготовленные на довольно крупных (до 15 см в длину) и массивных отщепках, имеют, как правило, обушки и лицевую ретушную оббивку, но существенно различаются по характеру этой оббивки. Она варьирует от аккуратной, ритмичной, волнисто-фестончатой до менее регулярной, разноразмерной и, в ряде случаев, грубой, глубокой, рваной. Первая представлена на крупном (15,2×8,0×3,2 см) подпрямоугольном отщепе, окаймляя его почти по всему периметру (рис. 33) и еще на нескольких изделиях (рис. 31: 1), вторая — на предметах, найденных Л. Н. Соловьёвым на местонахождении Джаншкоч (р. Гнилушка) при проведении его последних (1972) сборов на Яштукском местонахождении (рис. 34: 1—5; 36: 2), третья — на массивных краевых сколах (рис. 35) и сколах с коркой на обушках (рис. 36: 1). Три предмета оформлены немногочисленными глубокими смежными выемками: один — с брюшка отщепка, по большей части одного из краёв (рис. 37: 4); второй и третий — со спинки (рис. 38: 1, 5), последний — симметричными выемками по всему обводу.

Наиболее выразительным образцом орудий второй группы является изделие внушительных размеров (17,6×10,5×4,2 см), оформленное на отщепе, часть брюшковой плоскости которого сместилась на плоскость кливажа. Зубчатая отделка на продольных краях этого предмета различна: по правому краю орудийная (зубчатое скребло), по левому — аккомодационная (обушок, оформленный крупной ретушью) (рис. 39).

Короткие массивные острия. Наглядным примером орудийных форм, где зубчато-выемчатые элементы играют аккомодационную роль, в ашельском орудийном наборе Яштуха являются прежде всего орудия типа коротких массивных острий, представленных на рис. 40—44; 45: 6, 7; 46: 1, 3, 4. Они встречались во всех коллекциях и, будучи отобраны в количестве 20 экз., составили довольно компактную и в значительной мере стандартизованную серию изделий. Сравнительно небольшие размеры, укороченные пропорции (ширина превышает длину или лишь несколько уступает ей) и, в известной мере, геометризованные (подтреугольные, многоугольные) очертания сообщают им портативность и выразительность. Так, длина половины этих изделий колеблется в пределах 4,0—6,0 см, а шести наиболее крупных — в пределах 8,1—10,9 см. Толщина же этих небольших предметов непропорционально велика: в 13 случаях она равна 1,8—3,2 см, в остальных — превышает 4,0 см, достигая 5,0—5,6 см, что придавало им всем значительную мас-

сивность и прочность. Массивны прежде всего основные рабочие элементы этих орудий — короткие и широкие в подавляющем большинстве острия, выделенные в центре их дистальных краёв или — в трёх случаях — на одном из боковых краёв (42: 2; 43: 1). Выделение острий производилось симметричными клетонскими анкошами или ретушью — как обычной, так и зубчато-выемчатой, а в отдельных случаях — посредством косоретушных резцов (рис. 44: 1). В двух случаях они оформлены противоположающей отделкой, приобретая вид резцевидных клювов (*bec buriante alterne*) (рис. 41: 3; 44: 2). Выделение острий происходило, видимо, на завершающем этапе оконтуривания исходных отщеповых заготовок посредством обрубков, уплощающих снятий или распространённой местами полукрутой ретуши. Острия варьировали от шиповатых в виде коротких проколов (рис. 40: 1—3; 46: 1) до массивных широких колющих выступов, занимавших дистальную треть или половину и более корпуса орудий (рис. 40: 4, 5; 42; 43 и др.) Наиболее крупные из последних (рис. 42: 3; 43: 1) напоминали чопперы с острием.

Различия в размерах, способах вычленения острий, в функциональных возможностях этих орудий не могут заслонить мысль о намеренном моделировании этих форм, имевшем целью создание пластичной связности отдельных частей и вычленение главного (колющего, вспарывающего, режущего) рабочего элемента. Стереотипность этой формы на Яштухе и отсутствие параллелей в ашельских индустриях Кавказа и, насколько известно, других территорий допускает выделение этого орудия под названием «острия типа Яштух».

Выемчатые орудия. Несмотря на то что выемки широко применялись при оформлении орудий в качестве рабочих, так и аккомодационных элементов, собственно выемчатые орудия (*outils á encoches*) на Яштухе немногочисленны. Однако они имеют достаточно выработанный, вполне стандартизованный облик. У двух наиболее крупных орудий они являются клетонскими (рис. 45: 3, 5), у третьего — одинарными ретушированными (рис. 45: 1); у четвертого — двояными, образованными двумя перекрывающимися друг друга выемками (рис. 45: 2); у пятого — двойными (две смежные соприкасающиеся выемки, разделённые зубцом) (рис. 45: 4). Четыре таких орудия оформлены на подчетырёхугольных заготовках, одно — на массивной (8,6×6,4×3,2 см) подтреугольной. Последнее орудие (рис. 45: 3) обычно выделяют под названием «треугольник с выемкой». Наиболее выразительны орудия с клетонскими анкошами. Они выделяются шириной (до 5,0 см), глубиной (0,9—1,0 см), крутизной выемок и наличием на них следов утилизации. Наиболее вероятное их назначение — изготовление деревянных стержней (древков для дротиков, копий).

Комбинированные орудия (*outils composite* французских и *combination tools* английских типологов), в отличие от обычных орудий, характеризующихся одним или несколькими однородными рабочими элементами, совмещают на одной заготовке два или более

разнородных орудийных компонента. Комбинированные формы, как правило, имеют большую интенсивность отделки, т. е. более полное использование «полезной площади» заготовок. Морфология этих орудий неустойчива, но функциональные возможности каждого из них значительнее. В изготовлении этих орудий могли участвовать различные виды ретуши — как регулярной, так и зубчатой, анкоши, обрубыв (отвесные усечения), резцовые сколы и другие приёмы, посредством которых создавались разнообразные комбинации скребковых, выемчатых, остроконечных, лезвийных и других рабочих элементов. Элементы эти могли быть сопряжены друг с другом или разобщены. Разграничение рабочих и аккомодационных компонентов на этих усложнённых формах производить труднее: анкоши, например, могли служить для вычленения шипов-острий и в то же время использоваться самостоятельно.

В раннем палеолите Кавказа комбинированные орудия были отмечены в ашельском инвентаре пещерной стоянки Кударо I в Южной Осетии [Любин, Беляева, 2004а: рис. 80, 86, 87 и др.] и в доашельском инвентаре стоянки Богатыри на Таманском полуострове [Щелинский, Кулаков, 2009: 198]. Наличие их на Яштухском местонахождении констатировал И. И. Коробков: «Усложнённость комбинированных форм, — подчёркивал он в тезисах доклада 1983 г., — является примечательной чертой ашеля Яштуха» (Коробков, см. прилож. 1). При просмотре коллекций С. Н. Замятина, И. И. Коробкова и Л. Н. Соловьёва нами было обнаружено несколько десятков таких форм. Приведём наиболее характерные образцы, обратив особое внимание прежде всего на наиболее интересные сходные изделия:

1) два сработанных по одинаковой, как кажется, модели предмета, дистальное поперечное лезвие на которых, как у кливеров, выделено интенсивной отделкой боковых продольных краёв (анкоши + зубцы + полукрутая ретушь) (рис. 47: 1, 2);

2) четыре орудия с угловыми дистальными дуговидно выступающими скребками, вычлененными анкошами. На одном из них такие скребковые элементы оформлены на обоих углах (рис. 48: 6); на другом оформлен скребок на одном углу + остриё на другом углу дистального края (рис. 48: 4); на третьем — скребок на одном углу + скребло по продольному краю (рис. 38: 4); на четвёртом — скребок на одном из углов дистальной части пластинчатого скола + лезвия с краевой зубчатой ретушью на его продольных краях (рис. 48: 5);

3) два отщепы с крупнозубчатой ретушью по левому продольному и дистальному краям. На одном лезвия сочетаются с анкошем по правому краю (рис. 38: 3); во втором случае помимо лезвий имеется выделенный анкошами острый массивный выступ (рис. 38: 6).

Помимо этих комбинированных изделий, в морфологии которых проступают в общих чертах смутные намётки предпочтения определённых сочетаний разнородных рабочих элементов, имеется много предметов, совершенно непохожих друг на друга. Таковы, например, скребок + проколка (рис. 48: 1); скребок +

острие на противоположном конце (рис. 48: 2); скребок + боковое скребло (рис. 24: 2; 37: 5); поперечное лезвие с зубчатой отделкой + резцевидный клюв (рис. 46: 2); узкий концевой скребок + выделенный двумя анкошами острый выступ на продольном крае (рис. 46: 5); концевое острие + зубчатый боковой край (рис. 37: 2); двойное противоположащее скребло + узкий концевой скребок (рис. 37: 3); резцевидный клюв на одном дистальном углу орудия + острый выступ на другом + скребло по левому продольному краю (рис. 41: 4).

Все комбинированные орудия, подобно ранее описанным коротким широким остриям, изготавливались на отщепе, имели близкие небольшие размеры и в работе также захватывались, видимо, только пальцами, без упора на ладонь.

Скребки. С. Н. Замятин не упоминает о наличии этих орудий в раннем палеолите Яштуха — может быть, по той причине, что, согласно воззрениям тех лет, они не должны были присутствовать в архаичных «шелльско-ашельских» индустриях. Л. Н. Соловьёв упоминает о скребках мельком [1971: 31—32]. Зато И. И. Коробков говорит о них уверенно и многократно. Ашельские комплексы, отмечает он, подытоживая результаты первых пяти лет своих работ на Яштухе, «характеризуются преобладанием грубых скребуще-рубящих орудий и большим удельным весом выемчатых и скребковых форм» [Коробков, 1967: 199—200]. Утверждение это документирует рисунок характерных орудий ашельского комплекса гор Яштух и Бырцх, на котором представлены (с уменьшением в четыре раза) пять образцов концевых пластинчатых скребков [Коробков, 1967: рис. 1—4, 10, 11, 13, 14]. В тезисах доклада 1983 г. И. И. Коробков повторяет, что «среди скребущих орудий преобладают скребки самых разнообразных типов (с прямым, секирообразным выпуклым лезвием, скребки с мордочкой (в том числе и на крупных пластинах), скребковые выступы и узкие тронкированные участки)» (Коробков, см. прилож. 1). При просмотре доступных коллекций нами также было засвидетельствовано наличие скребков — как в виде самостоятельных форм (рис. 48: 3), так и в качестве компонентов комбинированных орудий (рис. 24: 2; 48: 1, 2, 4—6; 37: 3, 5).

Скрёбла. Как отмечали все исследователи Яштухского местонахождения, скрёбла встречались там в ограниченном количестве. В архаичном инвентаре, как пишет С. Н. Замятин, они не имели «правильно обработанной формы»: грубая подправка лезвий, которая производилась подтёской, была подчинена расположению контура отщепы-заготовки. Наиболее крупные и массивные орудия этого типа он называл грубыми рубящими орудиями, функционально близкими ручным рубилам [Замятин, 1937: 23, рис. 5; 1961: 79, 86, рис. 10]. В коллекции, сохранившейся в Сухуме, имеется два экземпляра подобных орудий, оформленных на плитчатых отдельностях кремня толщиной до пяти сантиметров, лезвия их были оббиты полукрутой и крутой ретушью. Первое из них было прямым угловатым (рис. 49: 1), второе — простым выпуклым

(рис. 49: 2). Оба они, судя по массивности и оббивке глубокой ступенчатой чешуйчатой ретушью, а также по хорошо выровненным лезвиям, могут быть сближены со скрёблами типа Кина [Bordes, 1961: pl. 14, 15]. В то же время крупные размеры этих орудий сближают их с чопперами. Чаще, однако, встречались менее массивные образцы скрёбел на отщепках и пластинах — простые боковые и поперечные, двойные и тройные (рис. 50), а также зубчатые (рис. 37: б). В целом же,

как справедливо отмечал И. И. Коробков, «скрёбла с правильной протяжённой ретушью были немногочисленными» [Коробков, 1983].

Среди необычных форм, встреченных в единичных экземплярах, отметим чоппер-дискоид на гальке из песчаника (рис. 15: 1); фрагмент какого-то бифасиального предмета (рис. 24: 1); небольшой полиэдр (рис. 31: 2); скребок на остаточном ядрище (рис. 32: 3) и небольшой чоппинг на отщепе (рис. 32: 4).

7. МЕСТО ЯШТУХСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ В РАННЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА

Природные условия (рельеф, климат, пищевые и сырьевые ресурсы, наличие пещерных убежищ и т. п.), наряду с известными сегодня данными по палеолиту, позволяют выделить на Черноморском побережье Кавказа несколько районов, образующих отдельные сегменты.

1. Северочерноморский район (район Геленджик — Туапсе). Климат — сухой, средиземноморский. Характерны невысокие скалистые хребты, сложенные флишевыми толщами (сланцевые мергели, тонкослоистые известняки, песчаники). Пещерные убежища и кремнёвое сырьё отсутствуют. Мустьерские и ашельские памятники в этом районе единичны.

2. Район Сочи — Адлер — северная часть Колхидской горной провинции с теплым и влажным климатом. Флишевая зона здесь выклинивается. Известняковые хребты (Ахцу, Алек) покрыты субтропическими реликтовыми лесами. Изредка встречаются галерейные карстовые пещеры. Кремнёвое сырьё, как правило низкого качества, известно во многих местах, но в небольшом количестве. Следы пребывания мустьерских людей довольно многочисленны, следы ашельского заселения — единичны.

3. Абхазский район — более южный район той же Колхидской горной провинции, отличается более теплым климатом и более пышными субтропическими лесами. В известняковых хребтах имеются многочисленные пещерные убежища и выходы качественного, как правило, кремня. Памятники всех периодов палеолита многочисленны.

4. Колхидская низменность — обширная аллювиальная заболоченная равнина, едва возвышающаяся над уровнем моря. Палеолитические памятники отсутствуют.

5. Аджарский район. Распространяющиеся в этот район хребты Малого Кавказа покрыты влажными субтропическими лесами. Следы пребывания палеолитических людей не обнаружены.

В настоящее время, таким образом, палеолитические памятники разного возраста встречены только в трех северных сегментах Черноморского побережья, соответствующих южному склону Большого Кавказа.

Приведем краткие сведения об интересующих нас раннепалеолитических (ашельских) памятниках в каждом из этих трех районов.

Северочерноморский район (Геленджик—Туапсе). В данном районе известны лишь три памятника ашельского времени: стоянка Широкий мыс, местона-

хождения Кадошское и Азербиевское. Все они открыты и исследованы в ходе целенаправленных многолетних полевых работ, проведенных в данном районе В. Е. Щелинским [Щелинский, 2007]. Памятники располагаются под открытым небом на морских и речных террасах. Каменные индустрии базируются преимущественно на местном кремнистом сырье, извлекаемом из флишевых толщ. В небольшой мере использовалось кремнёвое сырьё, доставлявшееся из удаленных на 100—200 км более южных районов Черноморского побережья (район Сочи — Адлер и Абхазия). «Анализ исходного сырья, — отмечает В. Е. Щелинский, — указывает на южные хозяйственные связи...» [Щелинский, 2007: 28].

Стоянка Широкий Мыс находится приблизительно в 15 км к северо-западу от г. Туапсе. Она является единственным стратифицированным палеолитическим памятником открытого типа на всем Черноморском побережье. Стоянка располагается на берегу моря на террасах высотой 30—42 м, относящихся к среднему плейстоцену. Ашельский культурный слой приурочен к красноцветной коре выветривания. В нем обнаружен небольшой, но выразительный комплекс изделий (88 экз.), определяемый как верхний ашель фации леваллуа. Основным сырьем служили местные кремнистые породы — мергель и алевролит. Имеется 18 изделий из экзотического приносного сырья — кремня розового и красноватого цвета. В коллекции очень велика доля орудий (39 экз.), а среди сколов преобладают леваллуазские заготовки, часто имеющие ретушную подправку. Нуклеусы (9 экз.) были сильно сработаны. Такой характер находок свидетельствует о явном отборе изделий и дефиците хорошего сырья.

В составе макроорудий привлекают внимание пять чопперов и ручное рубило, изготовленное из морских галек местных пород — окремнённого алевролита и песчаника. Четыре чоппера, оформленные на удлиненных гальках подпрямоугольных очертаний, имеют поперечные концевые лезвия. Пятый чоппер отличается укороченными пропорциями и слабовыпуклым узким лезвием, выделенным крупными анкошами [Щелинский, 2007: 53, рис. 35—37].

Ручное рубило (14,3×8,3×4,3) оформлено на уплощённой продолговатой гальке, гладкая корка которой сохранилась в пяточной части орудия. Оббивка этого бифаса весьма совершенна: слабовыпуклые продольные лезвия хорошо выровнены в профиль и симметричны в плане, поперечное сечение — двояковыпук-

лое, пятка в виде буквы «V» удобно ложится в ладонь (рис. 51).

Адербиевское местонахождение близ Геленджика, расположенное на размытой поверхности четвёртой речной террасы, является наиболее крупным в северо-западном Причерноморье. Оно содержит наибольшее количество ручных рубил (13 экз.) среди всех ашельских памятников Черноморского побережья Кавказа, включая и Яштухское местонахождение. Ашельская индустрия, включающая наряду с рубилами несколько чопперов, базировалась только на местном сырье (окремнённые песчаники и известняки). Пять рубил выделяются подпрямоугольными очертаниями: три из них имеют слабовыпуклые поперечные дистальные лезвия (рис. 52), четвёртое — зауженный конец с небольшим поперечным лезвием (рис. 53), а пятое представлено лишь базальной половиной. Два небольших, но массивных миндалевидных рубильца — двояковыпуклое (рис. 54) и плоско-выпуклое (рис. 55) — отличаются грубой оббивкой и невыровненными продольными лезвиями. Два других грубо оформленных укороченных орудия напоминают пиковидные формы, дистальные острия которых расположены в плоскости их наиболее широкой стороны (рис. 56, 57). Остальные являются атипичными или, как кажется, не оконченными оббивкой. Все чопперы относятся к типу боковых с вогнутыми лезвиями или же, как отмечено, со слабо-выраженными остриями (рис. 58) [Щелинский, 2007: 72—80, рис. 59—83]. «Адербиевское местонахождение, — констатирует В. Е. Щелинский, — ничем резко не выделяется среди других ашельских местонахождений Кавказского Причерноморья и существенно дополняет наши представления об ашельской эпохе всего северо-западного Кавказа» [Щелинский, 2007: 80].

Все же в целом, как представляется, ашельский инвентарь этого местонахождения имеет несколько более архаичный облик, чем ашельская индустрия стоянки Широкий мыс. Нельзя также исключить смешения в Адербиевском местонахождении разновременных изделий. Наиболее примитивный облик имеют частично двусторонне обработанные пиковидные орудия. Рубила подпрямоугольных очертаний и чопперы со слабовыраженным острием перекликаются с подобными формами, найденными на Яштухском местонахождении.

Небольшое ашельское местонахождение на Кадошском мысе на окраине г. Туапсе приурочено к двум останцам 70—80-метровой среднеплейстоценовой (раннезулларской) морской террасы. В покрывающих террасу суглинках, термолюминесцентный возраст которых равен 390—400 тыс. лет, найдено девять ашельских изделий из песчаника, кремнистого мергеля и в одном случае (скребло) — из приносного розовато-красного кремня. Примечательны два превосходных ручных рубила. Первое — крупное и массивное (18,7×11,9×6,0 см), миндалевидное, сделанное из окремнённого песчаника, — имело лезвие по всему периметру, тщательную отделку и закруглённый дистальный конец (рис. 59). Второе — разбитое надвое и лишённое дистального острия — было изготовлено на

уплощённой алевролитовой гальке, имело меньшие размеры (15,0×9,8×3,8 см) и удлинённо подтреугольную форму [Щелинский, 2007: 81—84, рис. 84—90]. По совершенству отделки эти рубила напоминают рубило со стоянки Широкий Мыс и некоторые рубила из Абхазии (Хейвани, Кялясур) (рис. 25: 2; 62).

Район Сочи — Адлер. По характеру каменного сырья этот район занимает промежуточное положение между Северочерноморским районом и Абхазией: наряду с породами, характерными для флишевых толщ, здесь встречаются небольшие выходы разнокачественного кремня. Географическое положение района допускало также поступление хорошего цветного кремня из соседней Абхазии. В то же время в известняковых хребтах имеются удобные для обитания пещеры и гроты. В семи из них обнаружены мустьерские стоянки [Любин, 1989]. Ашельские же памятники в данном районе единичны. К ним относятся мастерская на выходах подобного яштухского кремнистого известняка в местности Богос на границе с Абхазией [Любин, Щелинский, 1972: 88—98], а также останцы ашельского культурного слоя на скальном дне Ахштырской пещеры, в которых найдены 4 ручных рубила [Грищенко, 1971: 60; Векилова, Грищенко, 1972: 46; Любин, 1998: 110—115]. Формы этих рубил заметно отличаются от тех, что характерны как для рубил района Геленджик—Туапсе, так и для Абхазии.

Ахштырские бифасы — совершенно разные неклассические формы, лишённые каких-либо общих черт, кроме двоякоплоского поперечного сечения исходных плитчатых заготовок. Три из них — длиной от 8,5 до 11,5 см и толщиной от 1,8 до 3,0 см — плоские с частичной двусторонней обработкой. Они грубо оббиты крупными сколами и местами обработаны ретушью (рис. 60, 61: 1). Четвёртый бифас (рис. 61: 2) — несколько более крупный и массивный (13,0×8,5×4,5 см) — имеет слабовыпуклые стороны, клиновидный продольный профиль и оббивку, произведённую крупными пластинчатыми снятиями, идущими от дистального конца орудия к его пятке. Сланцеватость исходной породы обусловила ступенчатое расположение этих снятий. Одно из продольных лезвий, кроме того, было приостроено грубой бифасиальной ретушью. Такой же ретушью с одной стороны был подправлен и узкий поперечный дистальный конец предмета. С противоположной же стороны этот конец был оформлен снятием лишь одного скола. Линейные очертания двух из четырёх бифасов приближаются к сердцевидным (рис. 61), третьего — имеют необычную ромбовидную форму (рис. 60: 2), четвёртого — груботреугольную с резко выделенным и изогнутым дистальным остриём (рис. 60: 1).

В целом ашельские материалы из района Сочи — Адлер (Богос и Ахштырь) выглядят, на наш взгляд, довольно архаичными. Отметим, в частности, что в Богосе отсутствуют леваллуазские формы нуклеусов.

Абхазский район. По своим природным данным и палеолитическому потенциалу этот район существенно отличается от предыдущих. В нем господствуют «чистые известняки абхазских фаций» [Гвоздецкий, 1981: 48], содержащие во многих местах высококаче-

ственное кремнёвое сырьё. Благодаря этому палеолитические индустрии Абхазии были почти полностью моносырьевыми, кремнёвыми. От места к месту тип кремня, разумеется, варьировал: в Северной Абхазии преобладали светлые кремни, в Южной — розовые и красноватые.

Территория Абхазского Причерноморья привлекала древних людей также пищевыми ресурсами пышных субтропических лесов и обилием пещерных убежищ. Карстовые пещеры и гроты известны здесь не только в передовых известняковых хребтах южного склона Большого Кавказа (хребты Гагринский, Бзыбский, Абхазский, Кодорский), но и в их более низких отрогах, и в параллельных грядах прибрежной полосы. До недавнего времени палеолитические стоянки в пещерах были обнаружены и исследовались лишь в двух ограниченных районах рассматриваемой территории. Большинство пещерных стоянок открыто в Цебельде, в Центральной Абхазии (пещеры Кёп-Богаз, Хупы-нипшахва, Джампала, Квачара). Одна пещерная стоянка (Окуми I) была открыта в Южной Абхазии [Береговая, 1960; 1984]. В этих пещерах были обнаружены верхнепалеолитические и мезолитические слои.

Вне пещер палеолитические находки были обнаружены, помимо Яштукского местонахождения, во всех районах Абхазии. Значительные сборы ашельско-мустьерских изделий были сделаны на севере страны, на левом, абхазском, берегу реки Псоу, близ сел. Гячрипш (Леселидзе), Цандрипш (Гантиади) и Бароновка [Гумилевский, Коробков, 1961: 77—78; Соловьёв Л. Н., 1971: табл. XXIV: 2]. Ашельские местонахождения в Гагринской Абхазии известны в районе сел. Колхида, в Центральной Абхазии — в районе сел. Кюр-дере, Кяласур, горы Апианча [Замятнин, 1961: 70—71; Амичба, Габелия, 2001], в Южной Абхазии — в районе сел. Ачигвары, Гали, Чубурисхинджи, Речхи [Замятнин, 1961: 71; Григолия, 1979: 41—59]. Ашельские местонахождения располагались на речных террасах и в подножии низких приморских хребтов. На юге страны, где Колхидская равнина сильно расширяется, они находились на удалении 50—60 км от моря.

Наиболее показательными среди этих сборов являются ашельские рубила. Находки их на данных местонахождениях, как и на Яштукском, были немногочисленны. Три из них происходят из района Гячрипш—Цандрипш (рис. 23: 2; 25: 2; 26: 2), одно — из Кяласура близ Сухума (рис. 62), четыре — из окрестностей сел. Ачигвара, Гали, Чубурисхинджи и Речхи в Южной Абхазии (рис. 22: 2; 63, 64). В общем они повторяют формы, зафиксированные среди рубил Яштукского местонахождения, — подпрямоугольные (рис. 22: 2; 23: 2; 63), подсердцевидные или миндалевидные (рис. 25: 2; 62; 64: 1) и овальные (рис. 26: 2). Внешний вид одного из рубил (рис. 64: 2) искажен из-за повреждений: дистальный конец его утрачен в древности, а основание стесано с двух сторон сколами, сделанными, судя по патине, в более позднее время.

В целом все рассматриваемые рубила имеют позднеашельский облик. Судя по негативам снятий, часть из них подвергались уплощающей оббивке поперечно-

продольными сколами с временных ударных площадок. Продольные края этих рубил симметричны в плане и — в большинстве случаев — выровнены в профиль. В то же время эти бифасы различаются по характеру оснований и продольных сечений. Грубее оббит крупный бифас с поперечным лезвием из Речхи (рис. 63). Наиболее совершенным является ювелирно отделанное рубило, найденное в Кяласуре, к югу от Сухума (рис. 62). Оно было изготовлено на удлинённой двоякоплоской кремнёвой гальке тёмно-медового цвета с золотистыми крапинками разной величины. Поверхность орудия была сильно заложена, но не оглажена: межфасеточные рёбра сохранились даже между мельчайшими снятиями. Орудие уникально во всех отношениях: симметрично в фас и в профиль; лезвие и округлый дистальный конец идеально выровнены мелкой ретушью; необычайно яркий и красочный полудрагоценный камень производит впечатление полудрагоценного камня. Мастер, изготовивший этот шедевр, проявил, безусловно, высокое мастерство и явную способность к эстетическому восприятию. Размеры этого бифаса 15,5×9,0×4,6 см. Бросается в глаза, что гармоничной формой и ювелирной отделкой он напоминает бифасы, обнаруженные В. Е. Щелинским в Северочерноморском районе (рис. 51; 59). Столь изысканно оформленные образцы бифасов из кремня и окремнённого песчаника неизвестны в верхнем — финальном ашеле в других районах Кавказа.

Важным этапом в исследовании палеолита данного региона явились обширные полевые работы, предпринятые абхазским археологом М. Х. Хварцкия и геологом Н. Е. Поляковой в 1980—1991 гг. в Северной и Центральной Абхазии. В отличие от своих предшественников (С. Н. Замятнин, Л. Н. Соловьёв, И. И. Коробков и др.), проводивших свои исследования главным образом в прибрежной террасированной зоне, М. Х. Хварцкия и Н. Е. Полякова приурочили свои рекогносцировки к полосе низкогорий и даже средних гор (среднее течение реки Бзыбь между Главным Кавказским и Бзыбским хребтами). В ходе этих работ в Сухумском и Гудаутском районах было выявлено до 50 перспективных пещерных убежищ и столько же палеолитических местонахождений открытого типа. Не менее важным достижением явилось обнаружение новых месторождений кремнёвого сырья. Такими, в дополнение к ранее известным месторождениям на горе Яштух у Сухума, на возвышенности Богосов Бугор у реки Псоу и в местности Анухва Абхазская близ Нового Афона, явились выходы кремня в междуречье рек Западная и Восточная Гумиста, в ущельях рек Псырца, Аапсы и Хыпсы в полосе низких гор. Самые значительные открытия были сделаны в районе соседствующих селений Хуап, Джирхва и Гарп в среднем течении реки Хыпсы. Помимо многочисленных палеолитических местонахождений, включая одно ашельское на IV террасе реки Хыпсы, в окрестностях этих сёл были обнаружены десятки пещер, гротов и навесов. В четырёх из них при шурфовке были выявлены палеолитические стоянки: Хапц (верхний палеолит и, возможно, ашель), Чыша (верхний палеолит), Гарп и

Мачагуа (мустье). В результате комплексного исследования последней появилась первая в истории изучения пещер Абхазии монография [Хварцкия и др., 2005]. М. Х. Хварцкия погиб в дни грузино-абхазского военного конфликта 1992—1993 гг., и начатые им исключительно плодотворные масштабные исследования прервались.

Таковы известные на сегодня свидетельства о ранних домустьеерских (ашельских) памятниках всех трех рассматриваемых районов Кавказского Причерноморья. В двух из них — районы Геленджик — Туапсе и Адлер — Сочи, где природные условия (климат, пищевые и сырьевые ресурсы) были менее благоприятными, памятники эти единичны и не очень информативны из-за скудости находок. Они удостоверяют лишь факт пребывания там древних людей в верхнем ашеле и, возможно, в несколько более раннее время, если учесть находки пиковидных форм на Адербиевском местонахождении и весьма примитивных нуклеидных изделий на Богосе. Обращает на себя внимание леваллуазский контекст стратифицированной верхнеашельской индустрии стоянки Широкий Мыс и наличие в ней наряду с хорошо отделанным рубилом нескольких чопперов.

В Абхазском регионе, который богат хорошим кремнёвым сырьем и другими ресурсами, напротив, отмечено значительное количество разновозрастных палеолитических памятников, включая пункты с интересующими нас ашельскими материалами.

Рассматриваемые районы Причерноморья не были, видимо, совершенно изолированы друг от друга, на что указывает, в частности, наличие в памятниках северных районов приносного абхазского кремня, а также некоторые сходные орудийные формы (ручные рубила, чопперы со слабовыраженным острием). С другой стороны, Яштухское местонахождение резко выделяется среди всех памятников этой области Кавказа по целому ряду характеристик: обилие и концентрация пунктов с находками, огромное количество последних и специфический состав ашельского инвентаря.

Типолого-морфологические характеристики яштухских ашельских индустрий в работах его исследователей неполны и неравноценны, что затрудняет их сопоставление и обобщение. Анализ этих материалов авторами также не был полномасштабным и всеобъемлющим, что связано с объективными причинами (смешанность коллекций, утрата или недоступность части находок). Тем не менее мы попытаемся сформулировать основные особенности яштухского ашеля. Они заключаются прежде всего в составе заготовок, на которых оформлялись орудия. Это, в подавляющем большинстве, довольно массивные, но не очень крупные отщепы, плитчатые отдельные разной толщины, образовавшиеся в результате кливажа, и морские и речные гальки. Более уплощенные гальки использовались для изготовления рубил, а другие, более массивные — для изготовления чопперов. Все орудия, включая одно рубило и чопперы, сделанные иногда на лавовых гальках и валунах, изготовлены из местного яштухского кремня и кремнистого известняка. Оформ-

ление рабочих элементов на орудиях производилось чаще всего ретушью односторонней лицевой маргинальной полукрутой или крутой, нередко зубчатой, реже — слабо распространенной чешуйчатой или бифасиальной. Практиковалась также оббивка мелкими плоскими или пологими снятиями, которые С. Н. Замятнин и И. И. Коробков называли стёсыванием. В некоторых случаях (нуклеидные скребки) геометризванные массивные заготовки оконтуривались отвесными обрубками (вертикальными сколами).

Чопперы — наиболее примитивные формы галечных орудий. На Яштухском местонахождении они представлены односторонне обработанными вариантами, т. е. собственно чопперами. Среди них представлены как боковые и концевые формы, так и формы со сходящимися под разным углом лезвиями, включая специфические чопперы со слабовыраженными остриями. Особый интерес вызывают, как неоднократно отмечалось, три чопперовидных орудия из горной зоны (Ахабинок), которые, помимо асимметричных дистальных острий, обладают смежными с ними скошенными лезвиями. Эти предметы, как и единичные другие чопперы, оформлены не на местных кремнёвых гальках, а на гальках из лавовой породы, доставленных сюда либо рекой, либо человеком из глубины гор. Поверхность этих орудий сильно оглажена и выветрела, и почти все они происходят из горной зоны Яштуха.

К специфическим формам, встреченным в ашельском орудийном наборе Яштуха, безусловно, относятся короткие массивные острия и нуклеидные скребки геометризованных очертаний. Обе эти категории орудий здесь весьма выразительны, в известной мере стандартизованы и, как кажется, не имеют параллелей в других ашельских индустриях Кавказа. Своеобразной чертой Яштуха является также обилие и многообразие зубчато-выемчатых и комбинированных изделий. В составе первых можно выделить собственно целостные зубчатые формы, все элементы которых являются рабочими, а также зубчатые формы, состоящие из участков как рабочего, так и аккомодационного назначения. Хорошо представлены комбинированные орудия с сочетанием нескольких разнородных рабочих элементов — скребковых, выемчатых, острийных и других, среди которых встречаются и зубчатые участки. Собственно выемчатые формы немногочисленны. Необычно редки также скрёбла и остроконечники.

Что касается ручных рубил, то на Яштухском местонахождении, как и на всём Кавказском Причерноморье, они очень немногочисленны. Большая часть их имеет верхнеашельский облик и демонстрируют черты сходства с рубилами, найденными в других районах Абхазии. Среди этих рубил, изготовленных главным образом на уплощенных гальках, выделяются два основных типа: подпрямоугольные, напоминающие бифасы с поперечным лезвием, и остроконечные, в основном миндалевидные, имеющие клиновидное продольное сечение и двояковыпуклое поперечное. Некоторые из этих бифасов носят следы стадии ядрищного уплощения корпусов со специально оформляемых временных площадок, что позволяет допускать их

связь с леваллуазским технологическим контекстом, в котором развиты приемы снятия тонких сколов в параллельных плоскостях. Это, в свою очередь, предполагает, что ашельские индустрии Яштухского местонахождения могли либо использовать параллельно разные технологии расщепления, либо представлять собой разнородные традиции, которые существовали независимо и, возможно, асинхронно. Наличие в Причерноморье верхнеашельских индустрий с леваллуазским контекстом подтверждается материалами стоянки Широкий Мыс [Щелинский, 2007].

Вместе с тем два экземпляра яштухских рубил выделяются своими размерами, оглаженностью и вывет-

релостью поверхности и примитивным обликом. Одно из них изготовлено из вулканической породы (рис. 21: 1), второе — кремнёвое, глубоко патинизированное, с пятнами ожелезнённого припая и узким (совковидным, по И. И. Коробкову) поперечным концом (рис. 20). Последний бифас имеет аналоги только за пределами Кавказа. Оба эти бифаса, как и лавовые чопперы из урочища Суходол в горной зоне Яштухского местонахождения (рис. 10; 12; 13), допустимо рассматривать как следы самого раннего пребывания древних людей на территории Абхазии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ввиду определённой ущербности имеющихся источников (утрата части материалов; отсутствие стратифицированных данных и абсолютных датировок; разноречивость свидетельств исследователей) настоящая книга является, по существу, лишь самым первым наброском ранней преистории Абхазии. В книге рассматриваются коллекции домустьерских (ашельских) находок, собранных в основном на Яштухском палеолитическом местонахождении, пока единственном в Абхазии значимом раннепалеолитическом памятнике.

Литолого-стратиграфические позиции разновозрастных пунктов палеолитических находок на этом местонахождении оцениваются неоднозначно. Геологи (В. И. Громов, Е. В. Шанцер) рассматривают их посредством связи с террасовыми уровнями морского плейстоцена, допуская, что геологический возраст террас соответствует времени обитания на них человека [Громов, 1941; 1948]. Это положение не находит подтверждения как ввиду неясности с изначальным залеганием палеолитических находок, так и из-за недостаточности знаний о хронологии яштухских террас. Археологи (Л. Н. Соловьёв, И. И. Коробков), исходя из своих полевых наблюдений, склонны считать, что в тех случаях, когда разновозрастные палеолитические остатки сохранились в непереотложенном состоянии, то есть залегают *in situ*, они приурочены к разным литологическим горизонтам покровных суглинков, перекрывающих эти террасы [Коробков, 1967: 167; 1971: 168; Соловьёв, 1971: 126—128]. В то же время И. И. Коробков в этом вопросе оказался непоследовательным: в последней своей работе (Коробков, см. прилож. 3) он заключает, что все палеолитические остатки на Яштухском местонахождении переотложены и что единственным способом оценки собранных там артефактов являются «внешние признаки» (патина, ожелезнение) их бывшего «залегания в хронологически разных геологических условиях». Не менее проблематичен вывод грузинского археолога Н. З. Бердзенишвили о первичном залегании палеолитических остатков только на вершине горы Яштух [Бердзенишвили, 1979]. Большое расхождение во мнениях по вопросам, касающимся геологии и хронологии палеолита Яштухского местонахождения, предполагает проведение там новых комплексных стационарных работ, соответствующих требованиям современной методики полевых исследований.

Что касается археологических данных по заселению этой территории в ашельскую эпоху, то рассмотренные и ревизия работ основных исследователей место-

нахождения показали явную недостаточность анализа и публикаций материалов при опережающем стремлении к обобщениям. Недостатки и неполноту публикаций можно отчасти объяснить состоянием знаний в данной области в середине прошлого века, в котором отразилось несовершенство технологического-морфологических разработок и археологической номенклатуры. С. Н. Замятнин, произведший первичную идентификацию лишь части яштухского орудийного набора, допускал неточности в определении ручных рубил и объединял разнородные изделия в качестве грубых рубящих орудий. Археологическая терминология у Л. Н. Соловьёва настолько причудлива и экзотична («косари», «рогачи» и пр.), что перевести ее на общепринятый профессиональный язык порой попросту невозможно. Характеристики яштухских материалов в работах И. И. Коробкова, безусловно, намного более профессиональны, хотя он также грешил порой использованием необоснованных понятий и терминов («причерноморские диски», тейякские ударные площадки и пр.). Этого исследователя отличает также непоследовательность и противоречивость суждений и оценок. Так, например, в работах «раннего Коробкова» (1960—70-е гг.) сообщается об обнаружении разнородных локализованных ашельских комплексов, охарактеризованных им как «комплексы внутри единой древнепалеолитической культуры» [1967: 206; 1971: 88]. В поздних же работах он склонился к мнению о переотложенности и смешанности всего подъёмного материала Яштуха и возможности разграничения его по группам (ашель, тейяк, леваллуа) и хронологическим подразделениям (семь ашельских этапов развития, шесть — тейякских, три — леваллуазских) только на основании «внешних признаков» (патина, ожелезнение) артефактов (Коробков, см. прилож. 2, 3). Данная схема представляется нам совершенно необоснованной и надуманной.

В то же время в тезисах своего доклада (Коробков, см. прилож. 1) он изложил довольно содержательные суждения о морфолого-типологических особенностях яштухского ашеля. Они таковы: немногочисленность и малая вариабельность ашельских бифасных форм (бифасы подпрямоугольные, миндалевидные и др.); рубяще-режущие орудия на отщепках, в том числе «чопперы яштухского типа», поперечные или заострённые чоппинги и многочисленные орудия с приострёнными или вогнуто-зубчатыми краями; зубчатые орудия; многочисленные клювовидные и комбинированные изделия; различные скребковые формы и немногочисленные скрёбла и остроконечники. К сожалению, пе-

речень этот не был подкреплён дефинициями и надлежащим описанием хотя бы типичных образцов, а также иллюстрациями. Не все в этом списке ясно («чопперы яштухского типа», например), но он, тем не менее, является наиболее полным и в значительной мере соответствует нашим представлениям об ашельских материалах Яштухского местонахождения.

Соглашаясь в целом с И. И. Коробковым в том, что здесь доминируют зубчато-выемчатые и комбинированные орудия при редкости рубил, скрёбел и остроконечников, мы делаем ряд уточнений и переоценок, выделяя некоторые новые формы (своеобразные нуклевидные скребки, массивные широкие остря, разновидности чопперов и т. д.). Большинство подобных орудий изготавливалось на массивных отщепках или плитчатых отдельностях кремня. Подобная специфика основной массы яштухских ашельских изделий могла быть связана как с качествами исходного местного сырья, так и с местными культурными традициями. Особенно специфичны такие локальные формы, как нуклевидные скребки и массивные остря. В то же время ближайшие параллели некоторым формам чопперов и бифасов можно обозначить в сопредельной северо-западной части Черноморского побережья.

Данная характеристика применима к основной массе ашельских находок Яштухского местонахождения, которая относится, вероятно, к средне(?)-верхнеашельскому периоду. Как уже отмечалось, верхнеашельские материалы Яштухского местонахождения также включают, видимо, небольшой леваллуазский компонент. Он мог как быть частью описанной основной индустрии, так и отражать присутствие там на позднейшем этапе ашеля иной индустрии, находящей аналогии в позднем ашеле фации леваллуа Северочерноморского района (Широкий Мыс). Наряду с этими материалами, на Яштухском местонахождении были найдены несколько предметов, весь облик которых указывает на явно более древний возраст (ранний ашель?). К ним мы относим архаичные чопперы из горной зоны (Ахабиюк, Суходол) и два крупных грубо обработанных ручных рубила, найденных к югу от горы Яштух и на горе Трапедия.

Рассмотренные нами ашельские материалы Яштухского местонахождения и ряда других памятников наряду с анализом палеоэкологических данных позволяют нам высказать некоторые суждения о ранних этапах преистории Абхазии. Речь пойдет о первых следах пребывания древних людей в этой западной, причерноморской части Колхидской горной провинции, соответствующей южному склону Большого Кавказа на участке от реки Псоу до реки Ингур. В геологическом отношении провинцию характеризует мощное развитие известняков верхней юры и нижнего мела, из-за чего она рассматривается как «известняково-карстовая область». Закарстованными оказываются как высокие, так и средневысотные лесистые хребты и совсем низкие гряды, расположенные в прибрежной полосе [Гвоздецкий, 1963: 157, 159]. Море, богатая природа, обилие пищевых ресурсов и удобных для обитания карстовых убежищ (пещер, гротов, навесов),

а также многочисленных выходов качественного кремневого сырья, остро необходимого для изготовления каменных орудий, искони привлекали сюда древних людей.

В ашельскую эпоху благодатный климат позволял людям селиться здесь под открытым небом. В более поздние периоды, судя по обнаружению ряда пещер с верхнепалеолитическими и мустьерскими культурными остатками (пещеры Мачагуа, Чыша, Хапц, Гарп и Бзыбская в Гудаутском районе; Кёп-Богаз (Апианча), Хупынипшахва (Холодный Грот), Квачара и Джампала (или Сванская обитель, или Амткельская пещера) — в Цебельде; Окуми I — в Южной Абхазии), во время похолоданий люди укрывались под кровом скальных убежищ [Соловьёв, 1961; 1978; 1987; Бердзенишвили, Гзелишвили, 1961; Бердзенишвили, Григолия, 1967; Бердзенишвили, Хубутия, 1974; Церетели, Мгеладзе, 1982; Церетели и др., 1982; Хварцкия, 1992; Хварцкия и др., 2005]. Предполагаемые следы ашеля в пещере Хапц [Хварцкия и др., 2005] указывают, возможно, что такие убежища начали осваиваться еще в домустьерское время.

При рассмотрении вопроса об этапах заселения Абхазии древними людьми, если исходить из имеющихся археологических данных, можно предварительно говорить о том, что массовый ашельский материал удостоверяет широкое заселение людьми прибрежной Абхазии, начиная, по меньшей мере, с эпохи среднего (?) ашеля ([Замятнин, 1937; 1961; Соловьёв, 1971], а также Коробков, см. прилож. 2). Предшествующий этап, видимо раннеашельский, представлен пока скудным и фрагментарным материалом. На него указывают находки в прибрежной зоне Яштуха двух ручных рубил, заведомо более архаичных, чем все орудия такого рода, встреченные здесь и в остальной Абхазии (рис. 20, 21: 1). Еще более ранний, возможно начальный, этап могут отражать находки в горной зоне Яштуха небольшой серии примитивных и сильно выветрелых чопперов из галек неместного (главным образом вулканического) сырья (рис. 10; 12; 13). Орудия были найдены близ горы Ахабиюк (Ахбюк) в урочище Суходол, в местности, расположенной в реликтовой долине реки Восточная Палео-Гумиста.

Опираясь на эти данные, допустимо, на наш взгляд, предложить следующий сценарий изначального пребывания человека в районе Яштуха. Спустившись с гор по долинам рек Западная и Восточная Гумиста, создатели галечной индустрии, базировавшейся на вулканическом сырье, первоначально обосновались в местности Суходол, на берегу реки Восточная Гумиста, возможно, до пропиливания ею Яштухского массива. Выходы кремня были, вероятно, ещё не обнажены, и люди не имели возможности переключиться на более качественный вид сырья. К тому же следы пребывания создателей галечных орудий на горе Яштух и к югу от неё пока неизвестны. Неизвестны и пути проникновения в прибрежный район Яштуха изготовителей двух выразительных архаичных ручных рубил. Впрочем, северный маршрут здесь также вполне ве-

роятен, так как одно из этих рубил тоже изготовлено из лавовой породы.

Такова отчасти гипотетическая схема первоначального заселения Абхазии палеолитическими людьми на этапах ранней преистории этого региона. Первый, древнейший этап заселения этой территории мог иметь место в еще доашельское время (верхний плиоцен — ранний плейстоцен), а последующие могли относиться к более позднему периоду, когда в процессы тектонических поднятий и перестройки речной системы вовлекались и периферийные районы Большого Кавказа [Великовская, 1961: 428].

Вероятность существования намечаемого нами раннего этапа заселения территории Абхазии косвенно подтверждается находками в других районах Кавказа. Новейшие открытия выявляют свидетельства существования этого этапа в Грузии, Армении, Южной Осетии, на Тамани и в Дагестане. Стоянка в Дманиси в Южной Грузии, датируемая аргоновым методом около 1,8 млн. лет назад, содержит олованскую индустрию и не имеет равных в Евразии по обилию палеоантропологических (ранний *Homo erectus*) и палеонтологических остатков [Lordkipanidze et al., 2007]. В Армении, в Лорийской котловине, на многослойной стратифицированной стоянке Мурадово выявлены практически все стадии развития ашеля, начиная с раннего ашеля. В расположенном по соседству Карахачском карьере раннеашельские изделия найдены как в вулканическом пепле, так и под пеплом, для которого получены уран-свинцовые даты в интервале 1,90—1,68 млн. лет назад [Presnyakov et al., в печати]. В Юго-Осетии, в реликтовой долине Учелет, расположенной близ многослойной пещерной ашело-мустьерской стоянки Кударо I, найдены столь же архаичные орудия, что и на стоянке Мурадово и в урочище Ахабиук в горной зоне Яштуха. Карахач и Учелет, кстати сказать, находятся на абсолютной высоте около 1800 м. Отметим, наконец, ещё более достоверные стратиграфически и палеонтологически охарактеризованные стоянки первоходцев Кавказа на Тамани [Щелинский, 2010: 57—77; Shchelinsky et al., 2010] и в Дагестане [Амирханов, 2007], возраст которых оценивается в интервале 1,2—2,0 млн. лет назад.

Изначальные маршруты ранних гоминид в Кавказской горной стране, судя по высотному положению указанных стоянок, пересекали все горные барьеры, которые в ту пору были в два-три раза ниже современных [Николаев, 1941: 47—50; Варданянц, 1948: 153; Гвоздецкий, 1954: 20]. Расселению гоминид могло способствовать и существование в ту эпоху гидрографической сети, располагавшейся, согласно простиранию Кавказских гор, с юго-востока на северо-запад. Остатки этой древней продольной сети хорошо сохранились в центральной и западной части южного скло-

на Большого Кавказа, включая и территорию Абхазии. Они приурочены к параллельной Главному Кавказскому хребту депрессии, в которой, разделяясь небольшими интервалами, находятся верховья современных рек Риони, Цхенис-Цхали, Ингур, Кодор, Чхалты и Бзыбь. «Долины верховий этих рек очень широки и обладают серией высоких широких террас» [Великовская, 1961: 424]. Эти долины тянутся цепочкой, образуя почти сплошной субширотный коридор протяжённостью около 400 км, расположенный между Главным Кавказским хребтом и окаймляющими его с юга хребтами Рачинский, Лечхумский, Сванетский, Кодорский, Абхазский и Бзыбский [Великовская, 1956; 1961: 423—430; Маруашвили, 1971: 173; Астахов, 1971а: 387; Неманишвили, 1975: 77—84]. Продвижение ранних гоминид на территорию Абхазии могло происходить вдоль этого коридора, а также по долине реки Кодори и далее вдоль продольной депрессии в полосе низких гор (рис. 65). Долины же поперечных рек Бзыбь (в нижнем течении), Западная и Восточная Гумиста, Келасур, Амткел и Джампал могли играть роль внутриабхазских коммуникаций (рис. 66).

Заселение территории Абхазии могло происходить также с севера, непосредственно через невысокие здесь перевалы Главного Кавказского хребта и прежде всего на том участке, где на северо-западе «кремненосная» Абхазия граничит с таким же «кремненосным» Белореченско-Лабинским сектором средней части бассейна реки Кубань [Любин, Беляева, 2009: 61—65]. Именно на этом Абхазо-Кубанском участке Главного хребта, к северу от него, давно известны многочисленные палеолитические памятники в Адыгее [Аутлев, 1963; 1988: 3—22], а к югу, в долине среднего течения реки Бзыбь, в районе селения Псху, в 10—15 км от Главного Кавказского хребта, М. Х. Хварцкия и Н. Е. Полякова обнаружили в 1986—1988 гг. многочисленные кремнёвые и кварцитовые палеолитические изделия [Хварцкия и др., 2005: 12]. Гипотеза о вероятности расселения вдоль древней, ныне среднегорной депрессии Чхалта-Бзыбь, начинает, таким образом, подкрепляться фактическими материалами.

Как уже неоднократно отмечалось, природные условия Абхазии должны были быть чрезвычайно привлекательными для раннепалеолитических людей. В силу ряда рассмотренных в этой книге причин известные на сегодня следы наиранных этапов заселения этой территории пока еще не очень обильны и лишены надежных геохроностратиграфических маркеров. Однако есть все основания полагать, что новые, выполненные на современном уровне комплексные исследования позволят исправить этот недостаток и открыть еще немало страниц ранней преистории Абхазии, начиная с самой первой страницы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

НЕКОТОРЫЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АШЕЛЬСКИХ ИНДУСТРИЙ ЯШТУХСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ (АБХАЗИЯ)

Тезисы доклада И. И. Коробкова на заседании сектора палеолита ЛОИА АН СССР 28 марта 1983 года

1. Под Яштухским местонахождением в широком смысле слова понимается группа пунктов сбора древнепалеолитического материала, локализующихся у подножия и на верхних плато гор Яштух и Бырцх, расположенных в 3 км к северу от Сухуми. Оно включает 18 пунктов сбора Л. Н. Соловьева, 30 пунктов — С. Н. Замятнина, 7 участков на верхнем плато, исследованных Н. З. Бердзенишвили, и 10 пунктов сбора И. И. Коробкова, а также примыкающие к основному местонахождению Красный Яштух, Лечкоп, Бырцх и Ахабиюк. Другими словами, Яштухское местонахождение — не одна стоянка, а целая группа разновременных стоянок древнего человека на высоких террасах и плато между реками Гумиста и Беслета. Не все они равноценны по гомогенности собранного материала. Так, большинство пунктов С. Н. Замятнина — это лишь участки сбора на большой площади: коллекция каждого такого пункта включает 3—4 разновременных комплекса — от древнего ашеля до верхнего палеолита и поддается лишь типологическому расчленению. Но некоторые пункты Л. Н. Соловьева и И. И. Коробкова более компактны, дают обильный материал, относящийся к одной эпохе, и позволяют провести более основательную морфолого-статистическую оценку индустрий. К такому можно отнести:

А) Пункт 14 Л. Н. Соловьева = п. 2а И. И. Коробкова, примыкающие к нему п. 6б, в, ж. Здесь происходит размыв 5-й яштухской террасы истоками реки Западная Сухумка. В целом эти пункты дают около 800 предметов и могут служить основой для оценки ашельских индустрий Яштуха.

Б) Пункты 3а—3б И. И. Коробкова = п. 4а Л. Н. Соловьева, дающие обильный тейякско-зубчатый материал мустье — свыше 300 предметов.

В) Пункты Ахабиюк и «1-й карьер» И. И. Коробкова = п. 16 Л. Н. Соловьева, дающие раннемустьерские материалы леваллуазского характера. На основе материалов, собранных на этих пунктах, имеется возможность выявить и подтвердить статистически как типолого-морфологические особенности, так и некоторые закономерности развития палеолитических индустрий в Абхазии на протяжении всей эпохи нижнего

палеолита — от раннесреднего ашеля и до конца мустье. Подобной работы до настоящего времени еще не проделано.

Причинами этого являются, с одной стороны, специфика условий залегания и сбора материалов на Яштухе, с другой — неразработанность вопросов морфологической оценки палеолитических артефактов, существовавшая до внедрения в практику археологов системы Ф. Борда в начале 60-х гг.

2. С момента открытия этого памятника в 1934 г. попытки как-то объяснить собранный материал прошли два этапа своего развития.

1-й этап — книга С. Н. Замятнина «Палеолит Абхазии» (1937). Задачей С. Н. Замятнина было доказать и утвердить, что в Абхазии представлен нижний палеолит.

2-й этап — «Очерки по палеолиту» С. Н. Замятнина (1961); «Первобытное общество на территории Абхазии» Л. Н. Соловьева (1971); «Нижнепалеолитические памятники предгорной зоны Абхазии» Н. З. Бердзенишвили (1979).

Все эти книги имели своей целью не столько выявить особенности палеолита Абхазии, сколько опубликовать собранные материалы и установить их соответствие той или иной эпохе палеолита.

Сейчас наступает третий этап, целью которого является детальная морфологическая характеристика палеолитических индустрий Абхазии, установление закономерностей развития и специфических особенностей палеолита Черноморского побережья на фоне других регионов Кавказа и Ближнего Востока в целом.

3. Однако при постановке такой задачи мы сталкиваемся с немалыми трудностями. Система типологической оценки каменных орудий, предложенная Ф. Бордом, прекрасно зарекомендовавшая себя для территории Франции и Западной Европы, не во всем пригодна для изучения палеолитических и особенно древнепалеолитических индустрий Кавказа в целом и Абхазии в частности. Причины этого заключаются в следующем.

Ф. Борд имеет дело со вторичной обработкой, выработанной правильной, протяженной ретушью, придающей орудию законченную форму, и потому осно-

ываается в своих типологических разработках прежде всего на форме целого орудия, на повторяемости таких форм. Для ашеля Франции характерно обилие хорошо выраженных морфологически и типологически разнообразных бифасов. В Абхазии же количество бифасов весьма ограничено. Что касается орудий из отщепов, то как в ашеле, так и в мустье Абхазии их морфологические признаки очень усложнены, зачастую разнофункциональные края оформляются на одном изделии, образуя комбинированные формы орудий, которые по системе Ф. Борда можно было бы отнести только к № 42—43 или к *divers*. В целой форме орудия отражается стремление не столько выразить традиции, присутствующие данному населению, сколько просто приспособить это орудие для определенной функции или комплекса функций. При этом используется не столько ретушь, сколько вся гамма имевшихся в распоряжении древнего абхазского охотника приемов оформления орудий, но прежде всего приемов оформления его основного, работающего элемента. Такие приемы требуют отдельной типологической оценки, поскольку проявляются на разных формах орудий одинаково, а на одинаковых орудиях — по-разному.

Другими словами, для выявления локальных особенностей ашельских и мустьерских индустрий такого рода требуются не только и не столько описание целых форм орудий и поиски принципов группировки их в типы (тогда пришлось бы описывать индивидуально буквально каждый предмет), сколько типологизация основных рабочих элементов и выявление специфики их оформления и сочетаний в комбинированных формах орудий.

Вообще, как нам кажется, в древнепалеолитических индустриях целые формы орудий в большинстве своем отражают еще не культурную специфику населения данной территории, а скорее их приспособленность к определенным экологическим условиям существования. Отсюда проистекает большое сходство некоторых форм орудий Яштухского ашеля с орудиями ашеля Закарпаття (Королево), при явном отличии их от ашельских орудий Закавказья. Культурные особенности могут выражаться в ашеле лишь в устойчивых приемах наложения вторичной обработки при оформлении основного работающего элемента, в устойчивом сочетании одинаковых типов рабочих элементов на одном изделии и в предпочтении тех или иных заготовок для изготовления определенных орудий, что связано с качественной спецификой сырьевых запасов в каждом регионе.

4. Мы предлагаем для морфологической оценки древнепалеолитических коллекций Абхазии открытую систему определения и подсчета форм и разновидностей орудий на основе сочетаний приемов оформления основных работающих элементов и сочетаний самих работающих элементов в комбинированных формах. Система состоит из четырех уровней оценки. На первом, высшем уровне мы объединяем орудия в группы (от I до XII), обозначая последние римской цифрой. В первые две группы выносим изделия не на отщеповых заготовках (бифасы, чоппинги и орудия из плиток), в

оставшихся десяти группах в основу разделения положены элементарно наблюдаемые различия в функции орудий (ясно, что скребками нельзя прокалывать, а ножами трудно скрести), проявляющиеся в различии основного рабочего края (лезвие скребка, острие, упор на угол и специальная фаска у режущих орудий). Функции, конечно, различаются на интуитивном, эмпирическом уровне, требующем проверки экспериментом, метрическими промерами и моделированием — но уже не орудия в целом, а лишь определенного, основного рабочего элемента. Проверка и доказательство — дело будущего, сейчас надо выяснить, что же необходимо промерять и моделировать.

Второй уровень — уровень категорий изделий; их — четыре, и обозначаются они прописными буквами русского алфавита:

А — орудия, оформленные правильной ретушью или отеской;

Б — зубчатый характер оформления края;

В — обушковость орудий (наличие обушка или пятки орудия);

Г — комбинированность орудий (наличие одинаково хорошо выраженных элементов, относящихся к разным группам первого уровня).

За основу взяты именно эти четыре категории, поскольку неоднократно эмпирически прослежено, что все эти категории могут быть свойственны в том или ином сочетании любому орудью из выделенных нами двенадцати групп.

И только на третьем уровне мы проводим оценку формы орудия на основе приемов, оформляющих основной рабочий элемент. При этом, если функции орудий резко визуальны различаются (например проколки и сверла в группе VIII или остроконечники и скрёбла угловатые в группе XI), мы предварительно подразделяем их на соответствующие подгруппы.

Тем самым в будущем, если и статистически, и экспериментально, и «функционально» подтвердится устойчивость таких форм и приемов их выделения, они могут выступить в качестве типов или их разновидностей. Обозначаем мы выделенные на третьем уровне формы и разновидности арабскими цифрами и строчными буквами по каждой подгруппе.

И лишь на самом низшем, 4-м, уровне мы все-таки учитываем форму протяженного края, что особенно важно для комбинированных орудий, а также количество протяженных краев. Здесь важно, в какой позиции ставятся эти обозначения: если это самостоятельные группы (X, XI), то количество краев ставится непосредственно после номера группы; если непротяженные края составляют часть клювовидных, режущих орудий или скребков, то обозначение их числа и формы ставится ниже индекса, обозначающего зубчатость или правильность ретуши, в той или иной группе, составляющей формулу комбинированного орудия. Форму протяженного края мы также обозначаем строчной буквой: в — выпуклый край, г — вогнутый, п — прямой, ф — фигурный.

При такой системе любое орудие, каким бы сложным и многосоставным оно ни было, может быть за-

писано в виде формулы. Применение формул при разработке атласа групп и форм и при соблюдении строгой последовательности перечисления их разновидностей поможет избежать подробного словесного описания каждой из интересующих нас форм орудия, облегчит проведение статистических подсчетов в любом нужном нам направлении.

5. Что касается условий залегания ашельских материалов Яштуха и их предположительного возраста, то все эти вопросы требуют дальнейших серьезных полевых исследований, и не столько археологических, сколько геологических. В настоящий момент многое еще остается неясным или недоказанным. Первооткрыватель Яштухской стоянки Л. Н. Соловьев уделил особое внимание изучению покровных суглинков террас близ Яштуха. Им было установлено существование суглинков 3 генераций, нижний уровень которых — полосчатые суглинки «тигровой окраски» или их аналоги — мраморовидные белые суглинки (на других участках яштухской террасы) — являются базальной частью слоя красноземов. Им же было отмечено, что по направлению к бровке террасы интенсивность окраски красноземов все возрастает, этот процесс захватывает подстилающий галечник, превращая его в «гнилой камень». Залегание в красноземах вблизи бровки террас приводит к появлению интенсивной ожелезненности и красно-бурой окраски. Чисто практически это наблюдение позволяет установить три степени окрасченности и ожелезненности предметов, интенсивность которых убывает с возрастом, в зависимости от залегания в красноземах разной генерации:

а) красно-бурая, красно-пятнистая или табачно-шоколадная, с интенсивным ожелезнением, — древнейшая — средний ашель;

б) серо-коричневая, палево-кремовая — поздний ашель;

в) желто-кремовая и желто-пятнистая — мустье.

Точно так же покрытие поверхности орудий бурыми марганцевыми пятнами свидетельствует о залегании в галечниках вблизи почвенного слоя:

а) интенсивно-черная марганцевистая поверхность — наиболее древний возраст;

б) серо-коричневая патина с бурыми примазками — средне-ашельский;

в) белая матовая или голубовато-крапчатая патина с желтыми примазками — позднеашельский возраст;

г) серо-голубая патина с желтыми примазками — мустье.

На Яштухском местонахождении вещи с красно-бурой окраской, железисто-марганцевыми стяжениями встречены только вдоль дороги между горами Яштух и Бырцх, у места слияния рек Западная и Восточная Сухумка и у горы Трапедия — здесь, видимо, и проходила бровка яштухской террасы. Интересно, что четыре ручных рубила из восьми, найденных на Яштухе, обнаружены именно здесь, точно так же, как и ашельские пластины, протолеваллуазские нуклеусы и пуанты. На других пунктах Яштуха (коллекция Замятнина), как и в п. Бырц 1, в тех же самых мраморовидных суглинках 1-й генерации не встречалось ни пластин, ни ти-

пичных леваллуазских треугольных нуклеусов — только кубовидные, дисковидные и односторонне-пирамидальные ядрища и мелкие отщепы. Это позволяет высказать предположение о существовании на Яштухе разделения на фации уже начиная со среднего ашеля. На Ближнем Востоке такое расчленение наступает где-то в конце миндель-рисса и в риссе (Рас-Фейрут). В Латамне (миндель-миндель/рисс) и в Джуб-Джаннине II также ожелезненный комплекс, в конгломератах такого разделения еще нет. В то же время — одно из рубил Яштуха — бифас «тернифинского типа» с рыльцем, кливер и ряд других вещей и по бурой ожелезненности, и по характеру отделки напоминают индустрию из Латамны и Джуб-Джаннина II — памятников миндельского и миндель-рисского возраста. Поскольку эти памятники еще не обнаруживают признаков леваллуазской техники, а на Яштухе она представлена, можно предположить, что первоначальное заселение Яштуха (архаичные кремни с грязно-серой патиной — проашель по Соловьеву, — приуроченные к галечникам V террасы и к более высоким террасовым уступам на склоне Яштуха) — произошло где-то в миндель-риссе или риссе.

6. Ашель Черноморского побережья Кавказа, судя по материалам Яштухского местонахождения, имеет ряд морфологических и типологических особенностей, отличающих его от ашельских индустрий других регионов Кавказа. Основные из них следующие:

1) Сходство по ряду черт оформления ручных рубил (широкое совковидное лезвие, «рыльце» тернифинско-латамнского облика) и по наличию форм, близких к кливеру, с рядом памятников Ближнего Востока (Джуб-Джаннин II, Латамна).

2) Характерна немногочисленность бифасных форм в ашеле Черноморского побережья и малая варибельность форм. Представлены подчетыреугольные бифасы с плоской пяткой, ладьевидный бифас, бифасы с поперечным совковидным лезвием, миндалевидные формы, специфическая форма узкого бифаса с желобчатым лезвием, повторяющаяся в более позднем, мустьерском бифасе. Архаичный тип представлен рубилом «тернифинско-латамнского» типа.

3) Рубила функциональные, по-видимому, заменяются здесь специфической формой рубяще-режущего орудия на отщепе с прямыми или заостренными рабочими лезвиями, иногда разного назначения — так называемыми «чопперами яштухского типа». Имеются чоппинги с прямым поперечным или заостренным краем, а также многочисленные орудия с приостренными и вогнуто-зубчатыми и заостренными краями на плитчатых заготовках.

4) Для вторичной обработки свойственна нехарактерность правильной стески или равноразмерной ретуши. Их заменяет отеска крупными глубокими, часто разноразмерными сколами, создающими зубчатость лезвия; такие же сколы часто выделяют заостренный рабочий элемент орудия.

5) Чрезвычайно обильны и по-разному оформлены клювовидные орудия, орудия с упором на угол, ножи и ножи-скребла с диагональной фаской. Среди скребу-

щих орудий преобладают скребки самых разнообразных типов (с прямым, секирообразным, выпуклым лезвием, скребки с «мордочкой», в том числе и на крупных пластинах), скребковые выступы и узкие тронкированные участки. Скрёбла с правильной протяженной ретушью немногочисленны, как и острокопечники.

б) Стамески, приближающиеся к скребкам по типу элементов вторичной обработки, но отличающиеся более острым пологим лезвием.

7) Примечательным является частое сочетание на одном изделии рабочих краев различного назначения. Усложненность комбинированных форм, являющаяся примечательной чертой ашеля Яштуха, еще более возрастает в местном мустье тейяско-зубчатого облика, что, несомненно, доказывает происхождение этого специфического варианта из местного ашельского субстрата.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ИСТОКИ АШЕЛЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА

Тезисы доклада И. И. Коробкова на заседании сектора палеолита ЛОИА в 1989 году

1. В этом году исполняется 55 лет со дня открытия в СССР памятников ашельской эпохи. Планомерное их исследование началось в Причерноморском регионе Кавказа с Яштухского местонахождения под Сухуми. За более чем 50-летний период изучения в Закавказье и Предкавказье открыто уже не менее сотни памятников, содержащих ашельские материалы, коллекции ашельских артефактов с территории Кавказа насчитывают десятки тысяч предметов. Ашель известен сейчас во всех крупных регионах Кавказа, однако ни в одном из них не встречено ничего, сходного типологически с ашелом Черноморского региона.

2. В поисках аналогий для ашеля Яштуха приходится обращаться к памятникам более отдаленных территорий, и прежде всего к территории Восточного Средиземноморья, частью которого как единой природно-климатической зоны и является Западное Закавказье. В Палестине, Ливане и Сирии, в районе озер Тивериадского и Хуле, рек Иордан, Хасбани, Литани и Оронт расположены наиболее древние памятники этого региона: Убейдия, Джиср-Банат-Якуб, Майан Барух, Джуб-Джаннин и Латамна. Аббевильская индустрия Убейдии датируется до-минделем, Джуб-Джаннин — минделем, Латамна — миндель-риссом, Майан Барух предположительно относится к риссу. Все они вместе, несмотря на различие в типологическом и процентном составе целых коллекций, обнаруживают ряд общих орудийных форм и принципов организации рабочих краев, что позволяет отнести их к единой убейдийско-латамнско-тернифинской культурной традиции, распространенной по всему южному побережью Средиземного моря и вдоль системы Великого Рифта — от Мертвого моря на юге до реки Оронт на севере. Ряд сходных типологических форм и приемов оформления орудий в ашеле Причерноморского региона Кавказа позволяет сопоставить его именно с памятниками убейдийско-латамнской традиции. Попробуем доказать этот тезис на конкретном материале.

3. В коллекциях Яштуха есть незначительное количество (до 2 десятков) интенсивно окрашенных солями железа в красно-коричневый цвет предметов, на поверхности которых находятся прикипевшие к ней в виде брекчии спекшиеся куски породы или выщелоченные до состояния «папье-маше» артефакты. Считается, что подобное воздействие солями железа и вы-

щелачивание известковистых пород происходит лишь в условиях высокой температуры и влажности, соответствующих максимуму пльвиального периода в странах экваториальных или в условиях межледниковий — в средних широтах. Точно такие же по сохранности предметы представлены и на местонахождении Джуб-Джаннин II в Ливане, подобные материалы там датируются минделем. И на Яштухе эта группа артефактов типологически соответствует древнейшим ашельским комплексам причерноморского ашеля, но с отчетливым присутствием леваллуазского компонента в технике. Однако точная датировка ашеля Яштуха пока невозможна; предположительно, на основе морфологических сопоставлений, можно считать ее относящейся к интерпльвиалу миндель-рисс или к одному из интерстадиалов рисса, поскольку более слабые следы желтого ожелезнения отмечаются на предметах, типологически близких позднему ашелю, предположительно датируемому рисс-вюрмом.

4. Яштухские ожелезненные материалы сходны с Джуб-Джаннином не только по признаку одинаковой сохранности, но обнаруживают и ряд типологически специфических черт, свойственных только убейдийско-латамнской культурной традиции. Это черты:

а) На Яштухе представлена удлинненно-ланцетовидная форма крупного бифаса «с рыльцем», полностью совпадающая по пропорциям и принципам оформления с ручным рубилом из Джуб-Джаннина.

б) Типологически, как и в убейдийско-латамнской традиции, на Яштухе полностью отсутствуют бифасы с овальными лезвиями, представлены лишь ланцетовидные, миндалевидные и серповидные типы рубил, но помимо них и в отличие от Джуб-Джаннина и Латамны широко развиты подчетыреугольные бифасы с поперечным прямым лезвием, заменяющие здесь типичные кливеры.

в) Яштухской традиции чрезвычайно свойственны орудия скребловидно-рубящие, подчетыреугольной формы, с 3—4 прямыми рабочими лезвиями различного назначения, одно из которых всегда приостроено пологим сколом; изготавливаются они из массивных поперечных отщепов и также, видимо, заменяют в индустрии причерноморского ашеля типичные кливеры.

Точно такая же форма орудия, с совковидным лезвием, представлена и в Джуб-Джаннине, но обозначе-

на авторами публикации как «кливер». Однако это не «кливер» — в традиционном понимании этого термина, так как лезвие здесь подправляется специально пологим сколом и имеет обработку поперечного края ретушью. Но на Яштухе этот тип орудия представлен более разнообразно, в виде целого ряда модификаций и комбинаций краев и лезвий различного оформления и, видимо, назначения на одной заготовке.

5. Но и ближневосточные памятники латамнско-убейдийско-тернифинской традиции также не абсолютно повторяют друг друга по орудийному составу коллекций. Так, если в Джуб-Джаннине хорошо представлены топоры-триэдры, которые есть и в Тернифине, то в Латамне их нет совсем, нет их и в Яштухе; подчетыреугольных рубил-ашеро нет в Латамне и Джуб-Джаннине, но они представлены в Майян-Барухе и в Яштухе — при этом даже в одинаковой разновидности — на нуклеусе уплощенного скальвания. Для бифасной традиции Латамны характерны микроские пропорции, с массивным симметричным в профиль основанием и подправленной пяточной частью, и присутствие бифациальных ножей; ни то ни другое не свойственно ни Джуб-Джаннину, ни Яштуху. Ни в Джуб-Джаннине, ни на Яштухе нет типичных кливеров из отщепов, но есть свойственная таким кливерам обработка прямых боковых краев заготовок отвесной крупноразмерной оббивкой; однако типичные кливеры есть и в Тернифине, и в Джир-Банат-Якубе. Совсем недавно аналогичные кливеры появились и у нас на Кавказе в Чечено-Ингушетии (пещера Треугольная), но там нет ничего, что бы позволяло сопоставить индустрию этой пещеры с ашелем Яштуха. Перечень сходства и различий в составе коллекций памятников убейдийско-латамнской традиции можно было бы и еще многократно умножать; но достаточно отметить, что все они в той или иной мере обладают теми чертами, которые в концентрированном виде, как в зародыше, мы можем встретить в наиболее древнем из всех — Убейдийском ашело-аббевильском комплексе. Вопрос в другом: каким образом мы можем интерпретировать подобные проявления сходств и различий внутри единой культурной традиции?

6. На наш взгляд, в этом проявляется неоднородный, многогранный характер развития и распространения культурных традиций в целом — как явления. Определенная культурная традиция, возникнув в определенных экологических условиях существования, в процессе распространения по ойкумене групп ее носителей, предпочитающих искать привычные им и жизненно-необходимые экологические ниши, может отрываться сравнительно далеко от исходной точки ее зарождения.

Это экологический аспект проблемы, он объясняет сохранение и широкое распространение сходных черт культурной традиции на большие расстояния и сохранение традиции как таковой.

Заняв новую экологическую нишу и оказавшись в сравнительной изоляции, группа людей продолжает развивать присущую ей культурную традицию не целиком в том же объеме, как в центре ее зарождения, а сообразуясь с новыми, местными, условиями и, возможно, меняющимися экономическими потребностями. Развиваются определенные черты культуры — одни более быстрыми темпами, другие — более медленными; иные черты, как не востребуемые практикой, поглощаются. Отсюда неполное соответствие памятников одной культурной традиции в разных, территориально удаленных друг от друга районах. В зависимости от более или менее благоприятных условий существования в том или ином регионе могут замедляться или ускоряться и темпы ее развития во времени. Так в проблеме развития культурных традиций проявляется экономический аспект, накладываемый на географическую изолированность родственных в культурном отношении групп населения.

Особенно отчетливо это проявляется тогда, когда та или иная группа занимает не во всем привычную ей экологическую нишу. (Видимо, это имело место в случае ответвления носителей убейдийско-латамнской традиции в горные условия Северного Кавказа — Чечено-Ингушетию.)

Третий аспект проблемы развития культурных традиций — это проявление его в условиях контактов с другими племенами — носителями иных культурных традиций. Это уже не физическое распространение самих носителей культурной традиции на новую территорию, а проникновение новых, ранее чуждых «идей» в сложившуюся культурную традицию. Это аспект «культурных контактов». В каждом конкретном случае новые «идеи» воспринимались через призму привычной культурной традиции и преобразовывались в соответствии с ней. Таким путем чуждые друг другу культурные традиции могли взаимообогащаться, а культура целого ряда групп населения контактной зоны в целом получала дальнейший импульс для своего развития.

Что касается Кавказского региона в целом, то примером такого взаимовлияния может служить проникновение «идей» поперечнолезвийного бифаса из прибрежного региона Западной Грузии, от носителей убейдийско-латамнской культурной традиции, в районы Центральной и Южной Грузии (Чикиани, Лаше-Балта). В более восточные районы Закавказья эта «идея», видимо, не проникла: в ашеле Азербайджана поперечнолезвийные бифасы неизвестны.

К таким выводам нам позволяет прийти в настоящий момент состояние изученности ашельских культур Кавказа, начало исследованию которых было положено открытием Яштухского местонахождения близ Сухуми 55 лет тому назад.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ЯШТУХСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА (вопросы геологии и условий залегания палеолитических индустрий)

Тезисы отчетного доклада по плановой теме И. И. Коробкова 20 апреля 1992 года

1. Палеолитическое местонахождение Яштух, расположенное в Абхазии в 3—5 км к северу от г. Сухуми, понимается обычно как комплекс стоянок древнего человека (или, вернее, пунктов сборов палеолитических материалов, сосредоточенных на поверхности высокой яштухской террасы, протянувшейся вдоль склонов гор Яштух и Бырцх на высоте от 150 м (у подножия склона) до 75 м (у бровки террасы).

Эта поверхность представляет в своей основе сочетание отложений 80-метровой морской террасы (яштухской) — в условиях эстуария реки Пра-Гумиста и галечников ее речной террасы (в верхней части) — с покровными напластованиями более поздних эпох.

Покровные отложения этой совмещенной террасы (Нижнего, Яштухского плато) начали складываться к концу гурийского века (дунай-гюнц, сицилий I) и, согласно Л. Н. Соловьеву, представляли собой красноземы, образовавшиеся в результате латеритного выветривания (суглинки «г» — 1-й генерации).

В широком понимании, в настоящий момент Яштухское местонахождение (Яштух) включает в себя всю территорию яштухской террасы между реками Гумиста и Беслета, горы Яштух и Бырцх, с высокими плато и склонами, пункты Лечкоп и Ахабиюк — по разные стороны горы Яштух и пространство между горами Яштух и Бырцх — 100 га.

2. Доказательств заселенности Яштухской стоянки палеолитическим человеком в раннюю эпоху существования террасового плато Нижнего Яштуха практически нет. Если таковые и имеются, то они в настоящее время глубоко погребены в древнем речном аллювии, перекрыты на водоразделах мощным плащом покровного суглинка гюнц-миндельского возраста.

По нашему мнению, палеолитическая история Яштухского местонахождения началась с момента перехвата реки Восточная Гумиста рекой Западная Гумиста в позднее чаудинское время (гюнц-миндель). Только после этого на всем пространстве между реками Гумиста и Беслета, а также на месте русла реки Восточная Гумиста стал формироваться единый плащ покровных отложений, был облегчен доступ к выходам сырьевого материала на склонах и верхних плато гор Яштух и Бырцх и начала складываться современная локальная орографическая и гидрографическая си-

туация на всем протяжении этого участка причерноморской равнины.

В соответствии с этими представлениями, древнейшие орудия, найденные на Яштухе, могут быть датированы раннеминдельским возрастом. Этот древнейший палеолитический комплекс Яштуха представлен серией немногочисленных артефактов с интенсивно черной патиной и часто — с сильной заглаженностью поверхности.

3. Планомерных геологических исследований Яштухской стоянки никогда не велось. С. Н. Замятнин собирал палеолитические изделия на большой площади и лишь потом сортировал их на комплексы в соответствии с морфологическими признаками, оцениваемыми как хронологические показатели.

Первым, кто начал исследование стоянки геологическими методами, был Л. Н. Соловьев. Он проводил изучение покровных суглинков. Им были выделены суглинки 4 генераций, соответствующие разновременным почвам террас:

а) пластичная глина, светло-серая, с легким желтым оттенком, с большим количеством буровато-черных стяжений марганца в верхней части;

б) глина серовато-желтая, яркой окраски, с коричневыми и серыми пятнами, жирная, влажная;

в) суглинки яштухской и гульрипшской террас — гюнц-миндельского и миндель-рисского возраста, желтой окраски с охристо-красными крапинками. Это также красноземы, но незавершенной стадии. Они развиты уже и по бортам реки Западная Сухумка;

г) суглинки покровные древней террасы — 1-й генерации яштухской террасы — полосчато-тигровой структуры внизу и с красноземами в верхней части, которые оказываются сейчас полностью размытыми.

Две последние генерации суглинков относятся Л. Н. Соловьевым к покровным суглинкам первой генерации двух интер-рисских террас.

4. Сложность, однако, состоит в том, что ни в одном пункте, исследованном Л. Н. Соловьевым, в изученных им четырех разновозрастных разновидностях покровных отложений не было обнаружено палеолитических изделий; все найденные Л. Н. артефакты сохранились либо в делювиальных шлейфах, либо в галечном аллювии, т. е. в переотложенном состоянии.

По нашему мнению, этот факт закономерен: он отражает сам характер стоянок, к настоящему моменту полностью разрушенных, с переотложением имеющих артефакты суглинков и почв. В соответствии с пониманием такого состояния стоянки и ее первоначальных культурных слоев и следует строить стратегию методов исследования этого и подобных ему памятников.

К сожалению, в ближайшие десятилетия полевые исследования на Яштухе не представляются возможными.

5. В настоящий момент единственным выходом является оценка палеолитических коллекций в зависимости от внешних признаков залегания в разнофациальных и хронологически различной древности геологических условиях.

Каковы же эти внешние признаки:

1) Сильная заглаженность и сплошной ожелезненный люстраж разной интенсивности окраски — от светло-желтого до коричневого и буро-красного — свидетельство залегания в разновременном аллювии, отложившемся в условиях теплых периодов.

2) Железистые натёки на поверхности, с приставшими кусками ожелезненной почвы — свидетельство отложения артефакта в теплый климатический период, в условиях максимальных для данного периода уровней тепла и влажности. Интенсивность окраски солями железа — от желтой до буро-коричневой и красной — свидетельствует о степени выпадения солей железа при повышении температуры и влажности — чем сильнее степень окрашенности, тем древнее артефакт.

3) Желтая окраска, сплошная, без ожелезнения, отражает условия первоначального залегания предмета в желтоземах. Степень желтизны — в сочетании с патиной — отражает древность артефакта в пределах того или иного климатического периода.

4) Легкие желтые железистые примазки по белому патинизированному фону — свидетельство переотложения залегавших в холодных условиях артефактов в условиях повышенной влажности в теплые периоды. Отсутствие железистых желтых примазок — при кремевой заглаженности — свидетельство переотложения водными потоками в холодные периоды.

5) Отсутствие всяких следов ожелезненности или желтого покрытия на поверхности артефакта, особенно при интенсивной белой или пятнистой патине, отражает залегание артефакта в мраморовидных суглинках, откладывающихся в холодные климатические периоды ледниковой. Степень интенсивности патинизации поверхности соответствует степени древности данного артефакта.

6. С помощью этого метода корреляционной оценки возраста артефактов в яштухской коллекции можно выявить следующие разнохронологические комплексы:

1. Ашельская группа:

1. Архаичный ашель: гюнц-миндель; миндель.

Серии: а) с черной патиной — ранний миндель (с заглаженностью);

б) с интенсивной белой патиной и выщелоченностью.

2. Древний ашель: вторая половина минделя.

Серии: а) с красноватой окраской по белому фону — показатель залегания в красноземах;

б) сильное красно-бурое ожелезнение — показатель залегания в условиях максимального тепла и влажности в интер-минделе.

3. Ранний ашель: миндель-рисс.

Серии: а) с интенсивной желтой окраской поверхности;

б) с интенсивной буро-коричневой окраской по желтому фону;

в) с интенсивной коричнево-бурой окраской и железистыми прикипевшими частицами породы. Показатель залегания в культурном слое в условиях максимума тепла.

4. Средний ашель: рисс I / рисс II.

Серии: а) интенсивная белая патина без желтизны;

б) такая же патина с сильным желтым фоном;

в) белая патина с железистыми желто-коричневыми участками приставшей породы;

г) с железистыми примазками и люстражем — свидетельство размывания.

5. Поздний ашель: рисс II и рисс II/III. Патина серая, средней интенсивности.

Серии: а) серия с марганцовистыми примазками;

б) с кремевой заглаженностью: с железистыми желтыми примазками и без них. Свидетельство переотложения в холодный период рисс II (кремовая заглаженность) и рисс II/III — с железистыми примазками.

6. Финальный ашель: рисс III и рисс-вюрм. Патина голубовато-белая типа «снятого» молока и просвечивающая через ожелезнение и люстраж патина с голубыми крапинами.

7. Мустьерская индустрия: время стадиалов и интерстадиалов вюрма.

Несколько серий.

2. Тейякская группа:

Выделяется по внешним признакам 6 хронологических подразделений — от

а) «Тейяка древнейшего» = Древнему ашелю по возрасту миндель-рисс;

б) «Тейяк 0» — фракция крупногабаритная, времени от рисса I до рисса III;

в) «Тейяк I» — рисс I и рисс I/II. Серии с интенсивной желтой и интенсивной коричневой окраской, нормальных для тейяка пропорций;

г) «Тейяк II». Рисс II и рисс II/III/;

д) «Тейяк III». Рисс-вюрм;

е) «Тейяк IV» и «Тейяк V» — вюрмское время. Разные этапы мустье зубчатого.

3. Группа пластинчато-леваллуазских комплексов («микрореваллуа»):

а) раннее леваллуа = раннему ашелю (миндель-рисс, рисс II и рисс I/II);

б) среднее леваллуа = среднему ашелю (рисс II и рисс II/III);

в) финальное леваллуа = финальному ашелю (рисс III и рисс-вюрм).

7. В пункте 6 мы рассмотрели материалы Яштухской стоянки в хронологическом, вертикальном разре-

зе. Если же мы возьмем горизонтальный срез — в пределах одного хронологического подразделения, например финального или среднего ашеля, но на разных участках этого огромного местонахождения, то обнаружим и технически, и морфологически разные наборы артефактов, разные индустрии.

Например, для «среднего ашеля» выявляются:

а) отщеповый вариант среднего ашеля, с кубовидными нуклеусами и правильными подпрямоугольными (ортогональными) сколами средних размеров. Такой набор артефактов встречен в п. 4а, 2, п. 10-скл.;

б) «макровариант» ашеля — серии с марганцовистыми примазками конца рисса I/II — в п. 2а;

в) «ранний тейяк I» — в п. 9 (верхнее плато Яштуха);

г) пластинчатая индустрия «микрореваллуа» — в Ахабиюке и п. 1-й карьер.

Как видим — налицо существование в один и тот же хронологический период, в пределах единой ашельской культурной традиции — какой нам представляется индустрия в целом — всего Яштухского местонахождения — морфологически разных, с различными технико-типологическими показателями индустрий-комплексов.

Подобным разным типолого-техническим и типологическим (орудийным) наборам артефактов в пределах единого хронологического среза одной культурной традиции можно было бы дать название «фракция» — этот удачный термин, применяемый при оценке различных частей культур бронзового века, был предложен В. С. Бочкаревым на заседании сектора Средней Азии ЛОИА.

Полярные технико-типологические проявления фракций, такие как «тейяк» и «леваллуа», представленные не в какой-то одной культурной традиции, а повсеместно в раннем и среднем палеолите, можно было бы обозначить термином «культурная фация» (или «фация культуры»).

8. Что касается истоков и корней культурной традиции Причерноморского ашеля Яштуха, то он нахо-

дит себе несомненные параллели в комплексах средиземноморского ашеля Сирии, Ливана, Палестины и Магриба. Сходство выражается в одинаковости типологических форм рубил «тернифинского» типа: рубила с «рыльцем» с горы Трапезия в Яштухе из Сухумского музея — полный аналог такого же рубила миндельского возраста из Джуб-Джаннина II в Ливане. Есть сходство и между рубилом с поперечным лезвием из Яштуха и орудиями типа кливеров из Ливана и Палестины. Сходство проявляется также и в общей направленности ашельских индустрий Средиземноморья и Причерноморья: развитие орудий рубяще-тесловидного характера с поперечными лезвиями, орудий-ашеро, высоких скребущих форм и коротких острий, одинаковых многосоставных орудий тейякского характера — как, например, в индустрии Латамна в Сирии, возраста интер-рисса, и в соответствующем ей наборе орудий среднего ашеля пункта 2а Яштуха.

В пределах Черноморского побережья Кавказа несомненным аналогом поздней части Яштухского спектра индустрий являются индустрии Хейвани и Богос, расположенных севернее по побережью — вплоть до реки Псоу.

Несомненным кажется, что подобное сходство может быть обусловлено не только генетически единой культурной традицией. За ним могут стоять и более сложные связи и взаимодействия человека и природы, опосредованные экономико-хозяйственными структурами и социальным устройством конкретных групп палеолитического населения прибрежных районов Средиземноморья и Причерноморья.

За этим сходством явно угадывается экологический фактор во взаимодействии человеческой культуры и окружающей человека природной среды. Изучению этого взаимодействия пока еще очень мало уделяется внимания в исследованиях специалистов по палеолиту.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

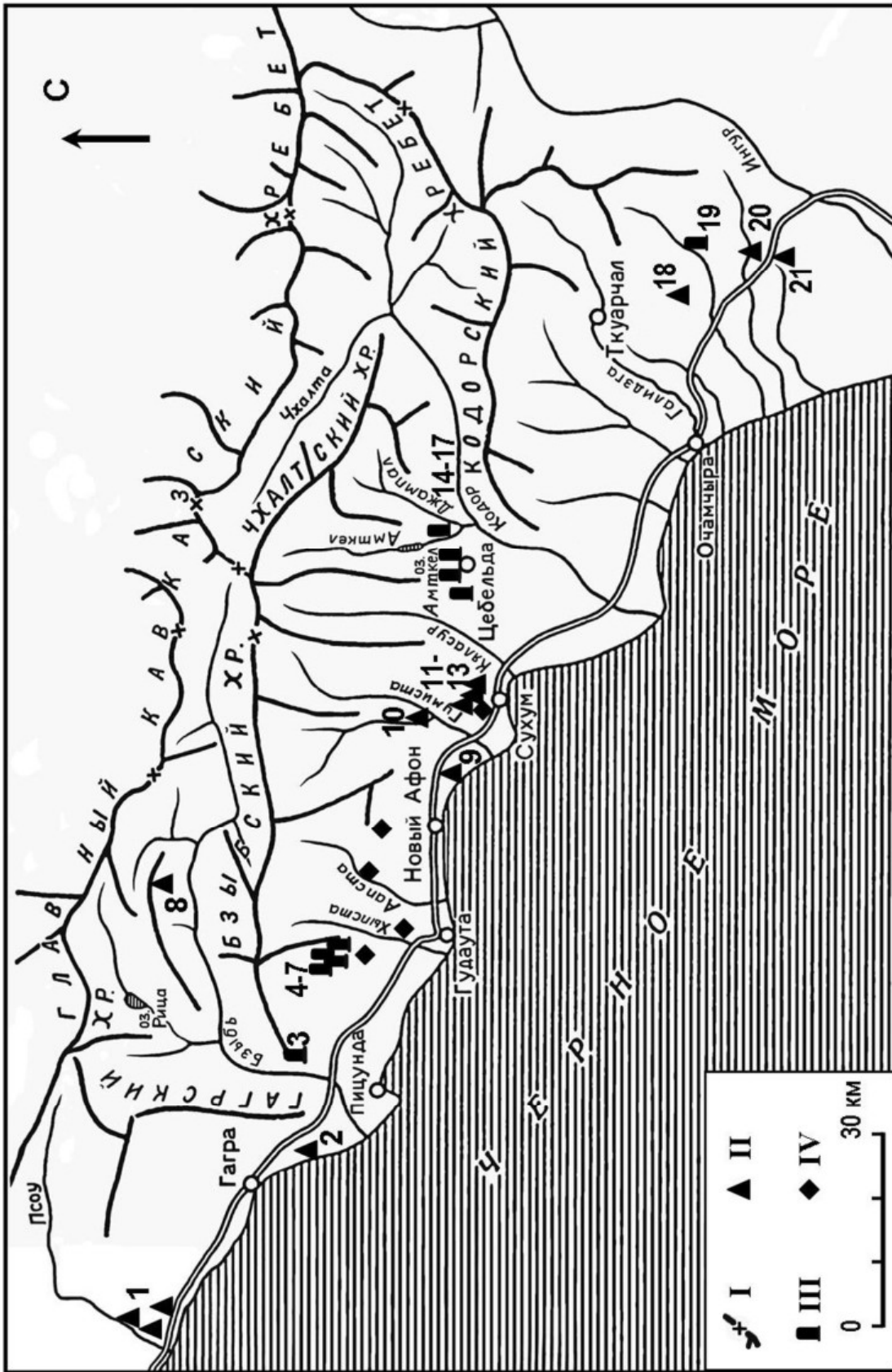

Рис. 1. Схематическая орографическая карта Абхазии с указанием горных хребтов с перевалами (I), основных ашельских местонахождений (II), пещерных стоянок среднего и верхнего палеолита (III) и известных выходов кремнёвого сырья (IV):
 I — Леселидзе (Гячрыпш), Хейвани (Амзара), Баронька (Лапстраха); 2 — Колхида (Псахара); 3 — Бзыбская пещера; 4—7 — пещеры Мачагуа, Чыша, Хапц, Гарп, Пшица; 9 — Кюр-дере; 10 — Гума; 11—13 — Яшгух, Бырцх, Ахабинок; 14—17 — пещеры Кёл-Богаз (Апианча), Хулынишахва (Холодный Грот), Джампала (Амгкельская пещера), Квачара; 18 — Ачигвары (Ачгуара); 19 — пещера Окуми; 20 — Гали (Гал); 21 — Чубурисхинджи (Чубурхиндж) (по: [Замятин, 1937; 1961; Соловьёв, 1971; Гумилевский, Коробков, 1967; Бердзенишвили, 1979; Хварцкия и др., 2005])

Рис. 2. Палеогеографическая схема окрестностей г. Сухума с указанием предгорной и горной (горы Яштух, Бырцх, Гвард, Ахабиюк) зон Яштухского палеолитического местонахождения и перестройки речной системы (по: [Когошвили, 1966; Астахов, 1971а; Девдариани, 1971])

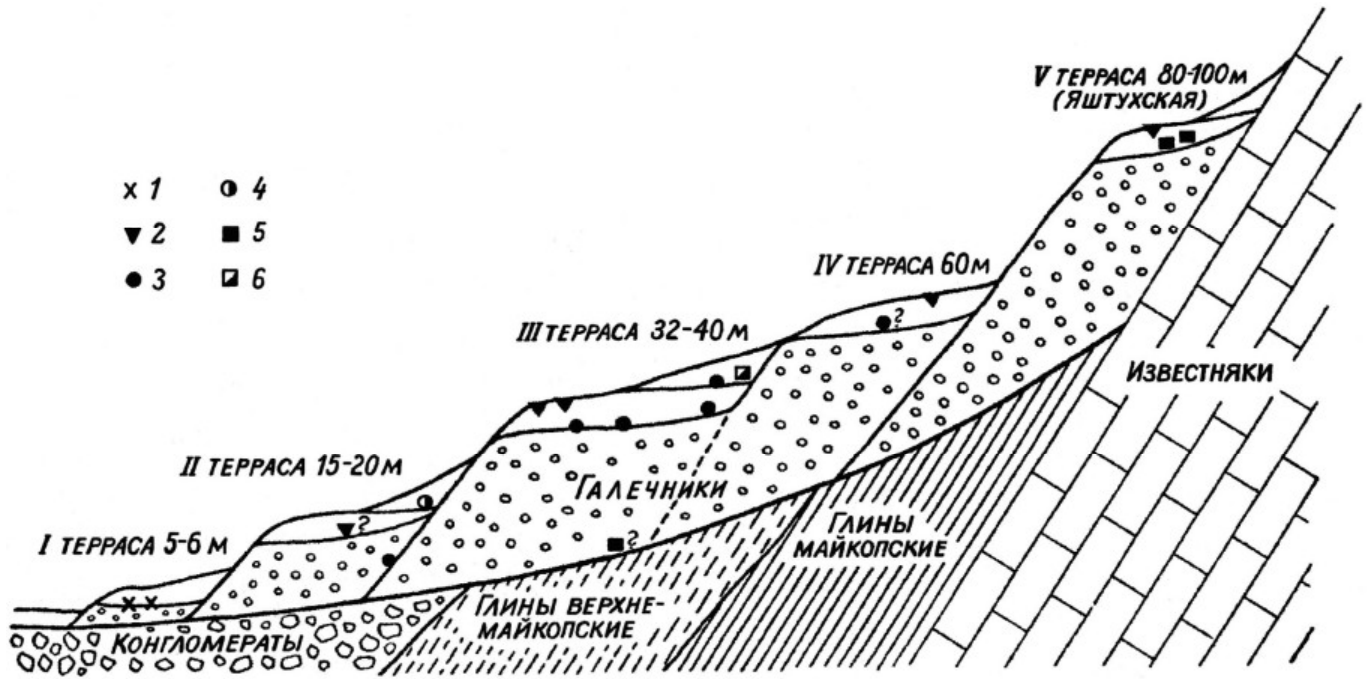

Рис. 3. Схема соотношения морских террас и палеолитических местонахождений Абхазии:

1 — кобанская культура; 2 — верхний палеолит; 3 — мустье in situ; 4 — мустье во вторичном залегании; 5 — ашель in situ; 6 — ашель во вторичном залегании (по: [Громов, 1948: 274, рис. 132])

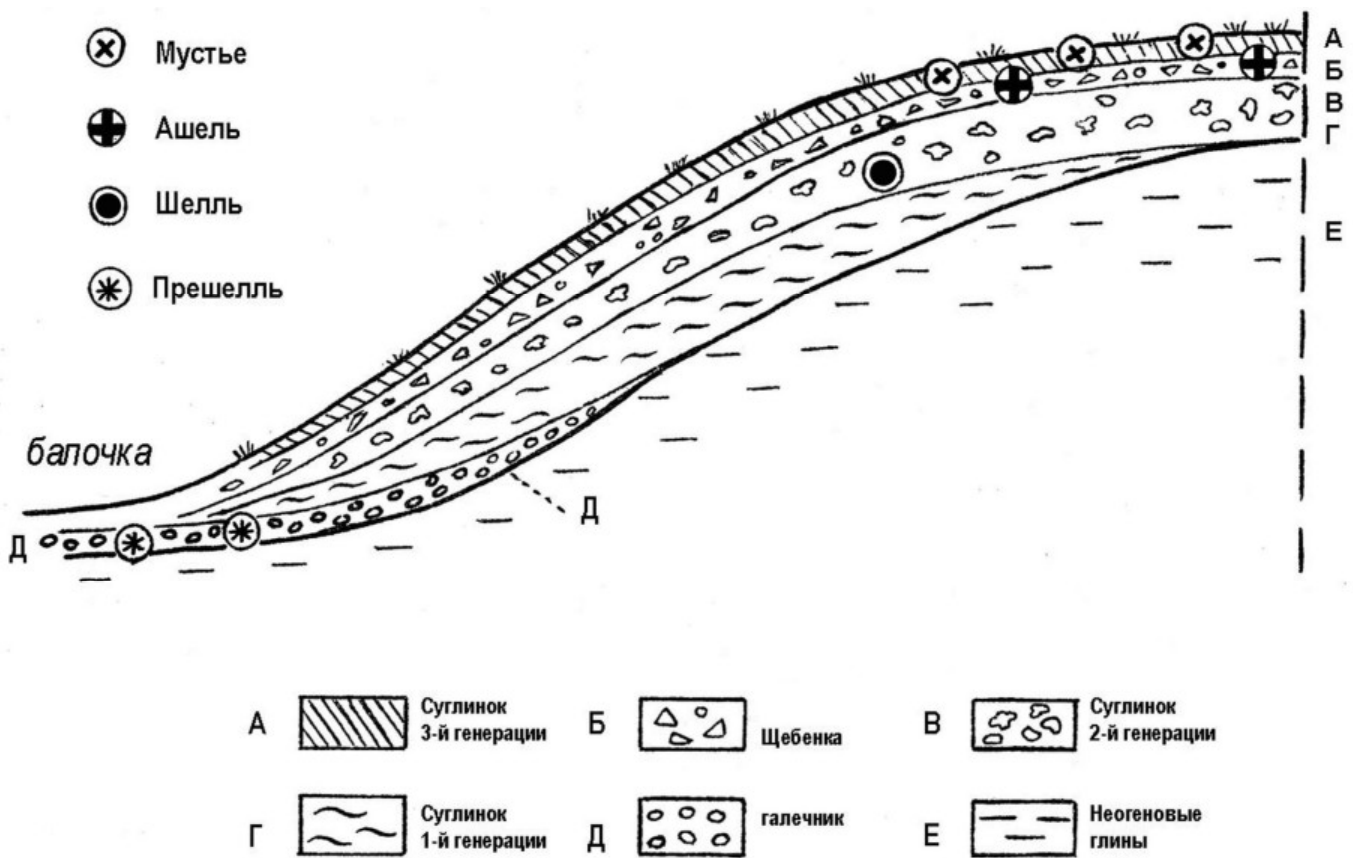

Рис. 4. Геологические условия залегания палеолита на Яштухском местонахождении (пункт 7₂) (по: [Соловьёв, 1971, табл. I]).

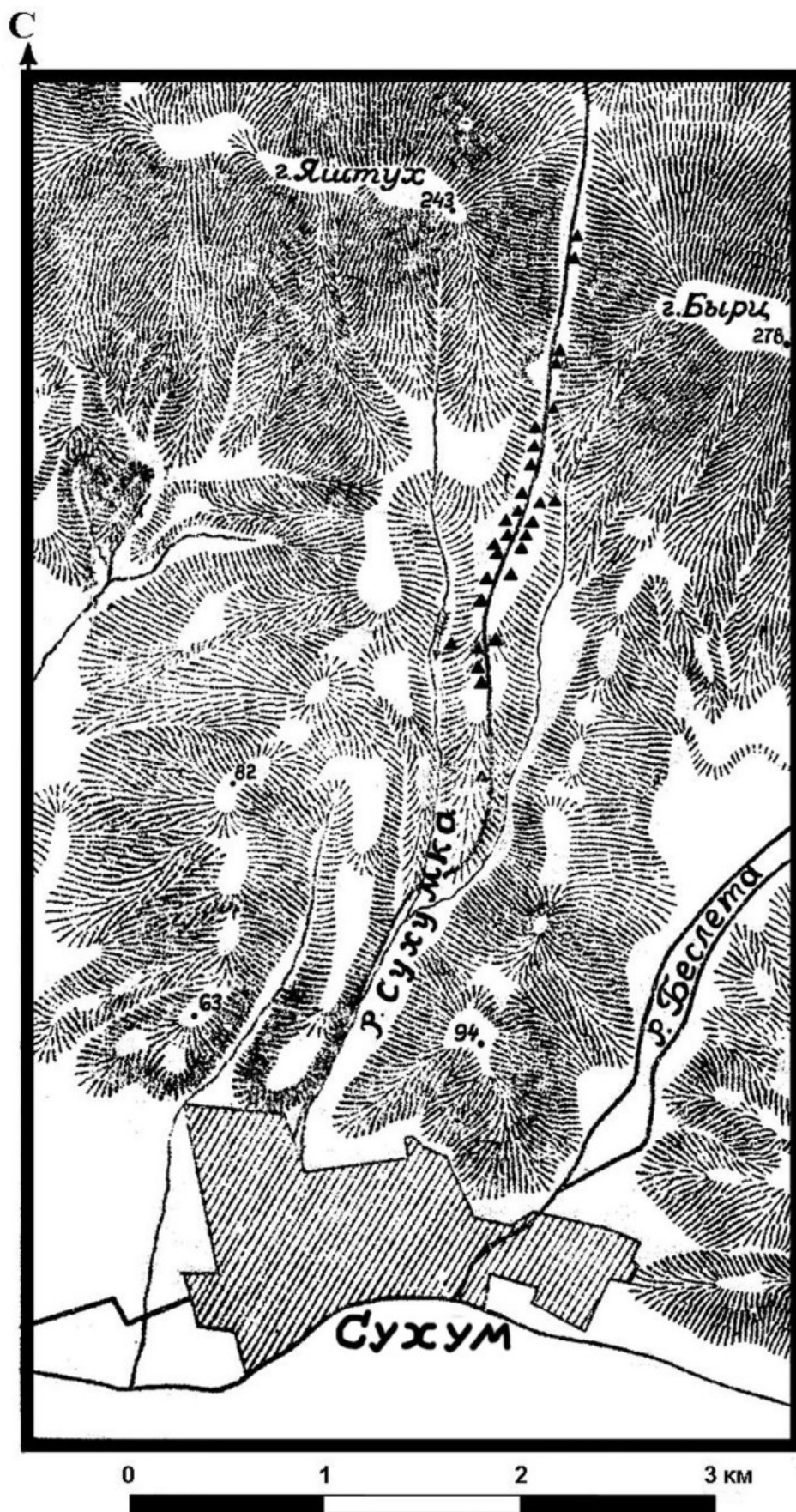

Рис. 5. Карта Яшхутского палеолитического местонахождения. Главные места находок отмечены чёрными треугольниками (по: [Замятнин, 1937])

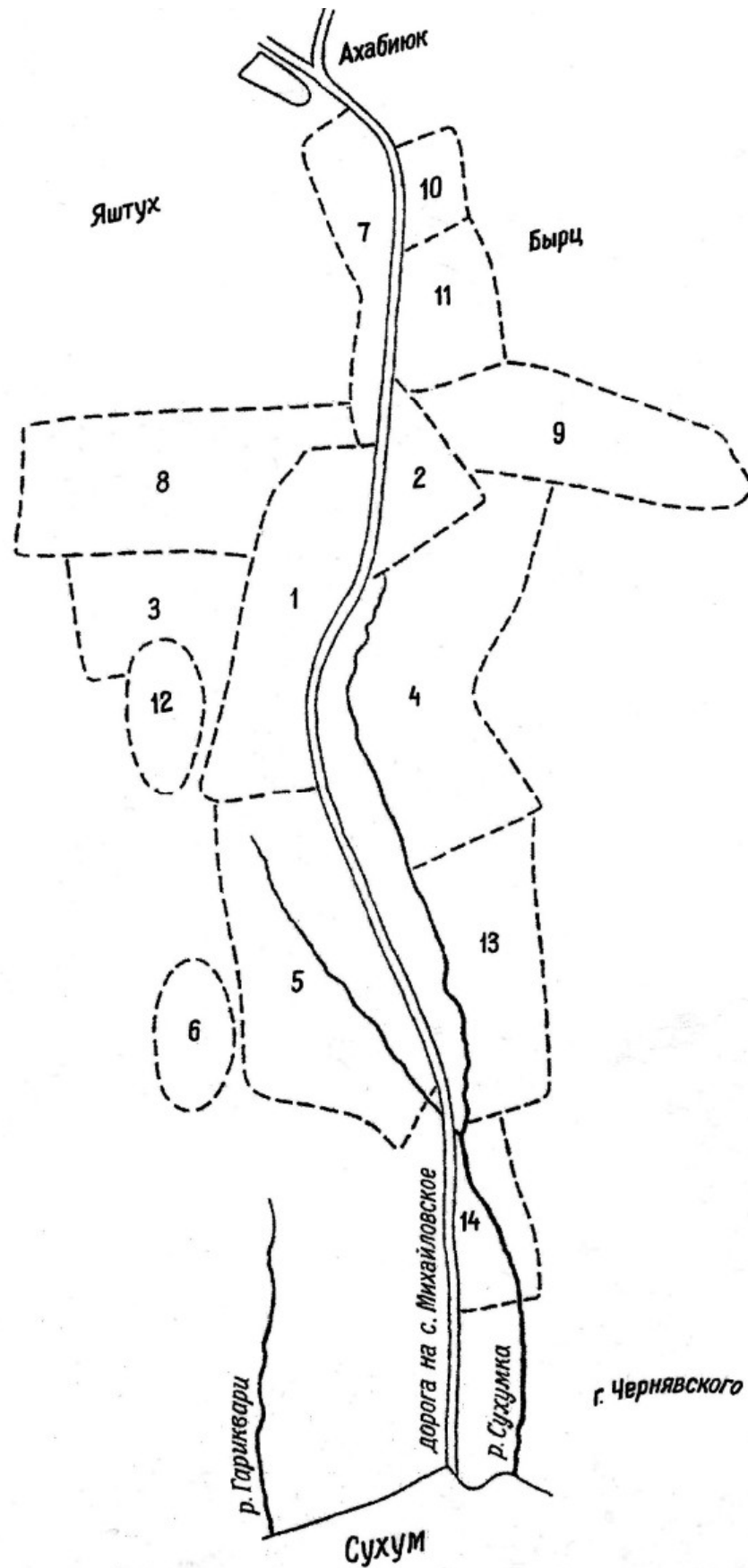

Рис. 6. Яштухское местонахождение. Схема расположения участков, на которых производились основные сборы кремнёвых орудий (по: [Замятнин, 1961: рис. 9])

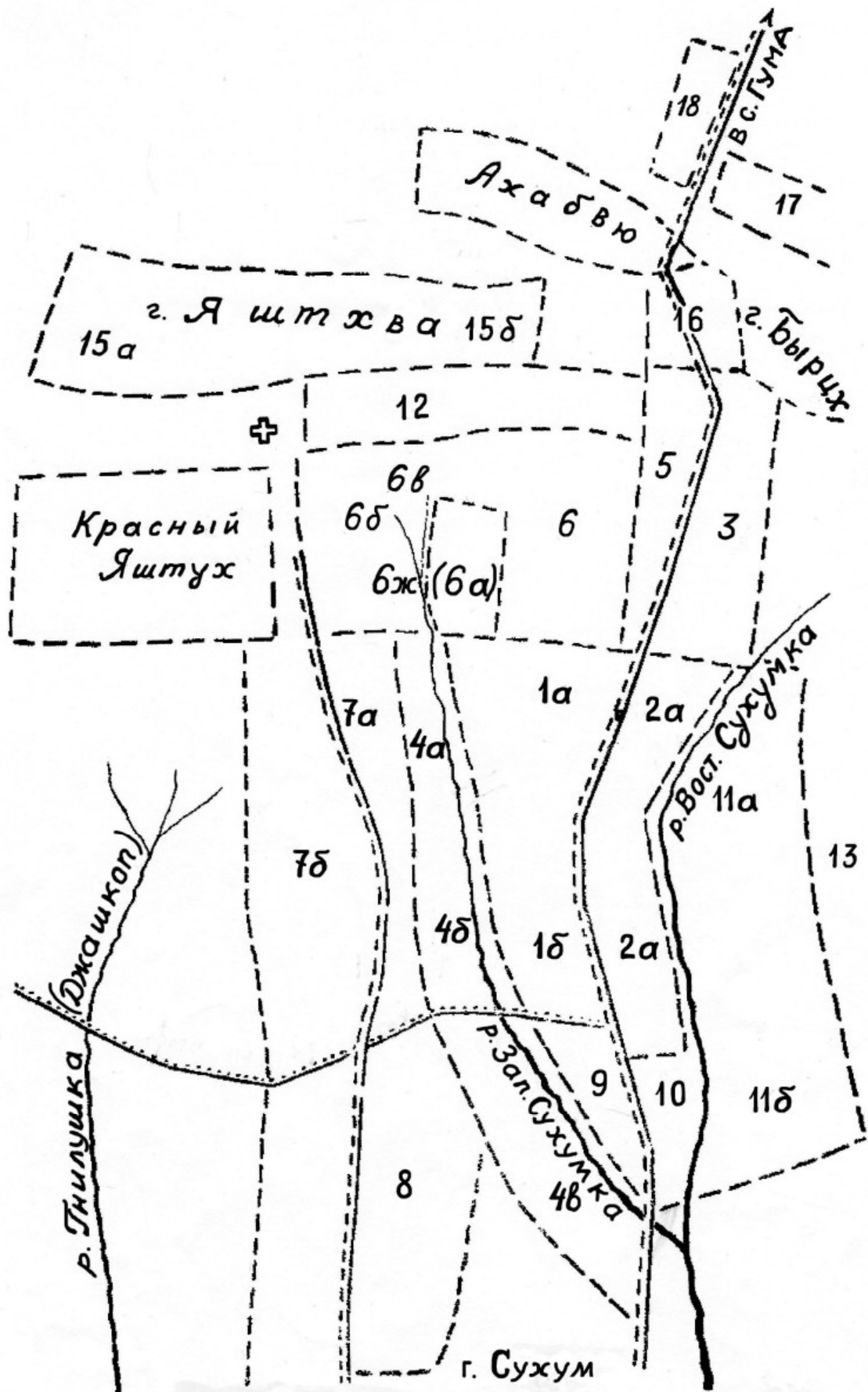

Рис. 7. Участки сборов каменных орудий на Яштухском местонахождении (по: [Соловьёв, 1971: рис. 2])

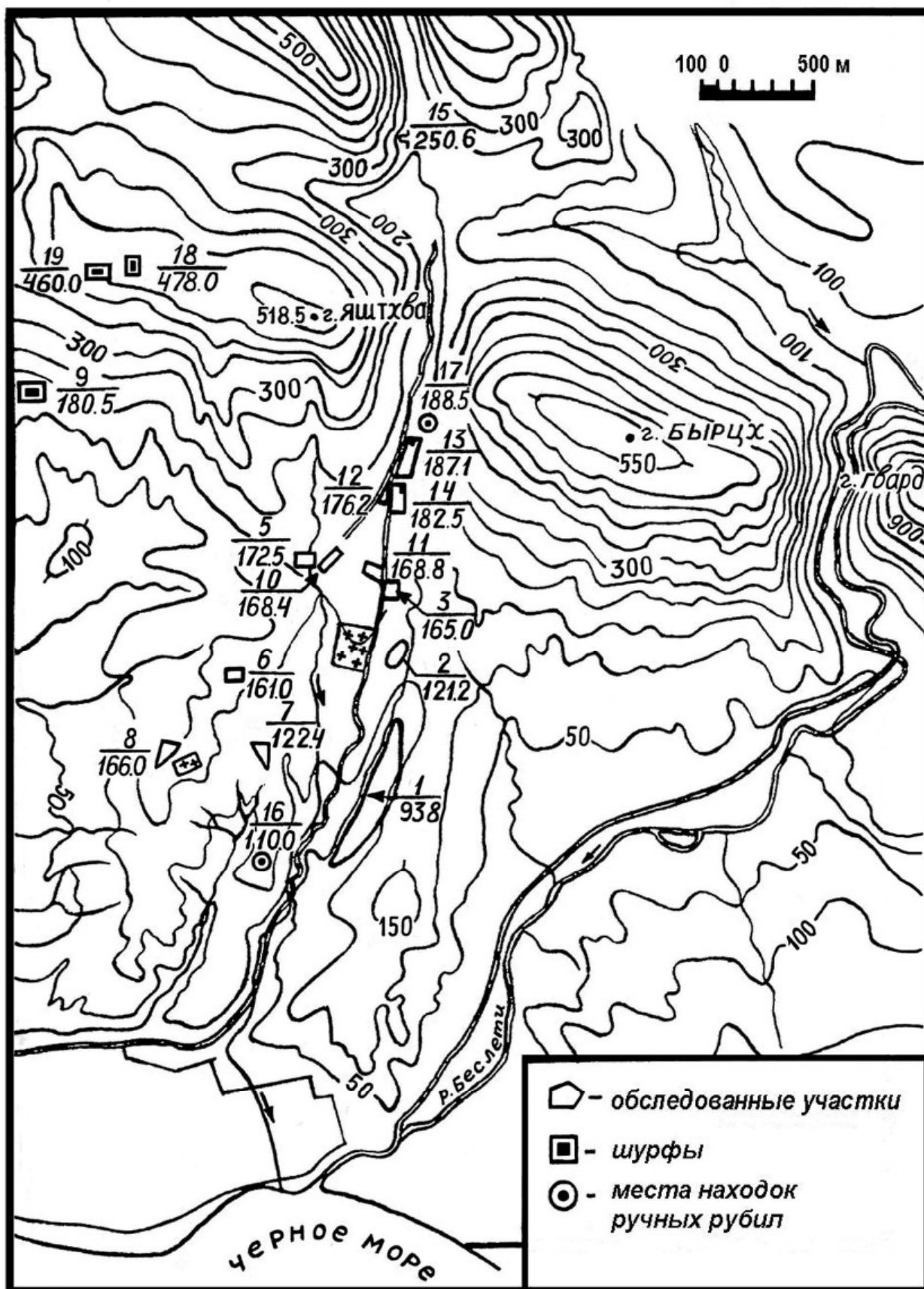

Рис. 8. Топографическая карта юго-восточной части Яштухского местонахождения, обследованной экспедициями Н. З. Бердзенишвили (по: [Бердзенишвили, 1979: табл. I])

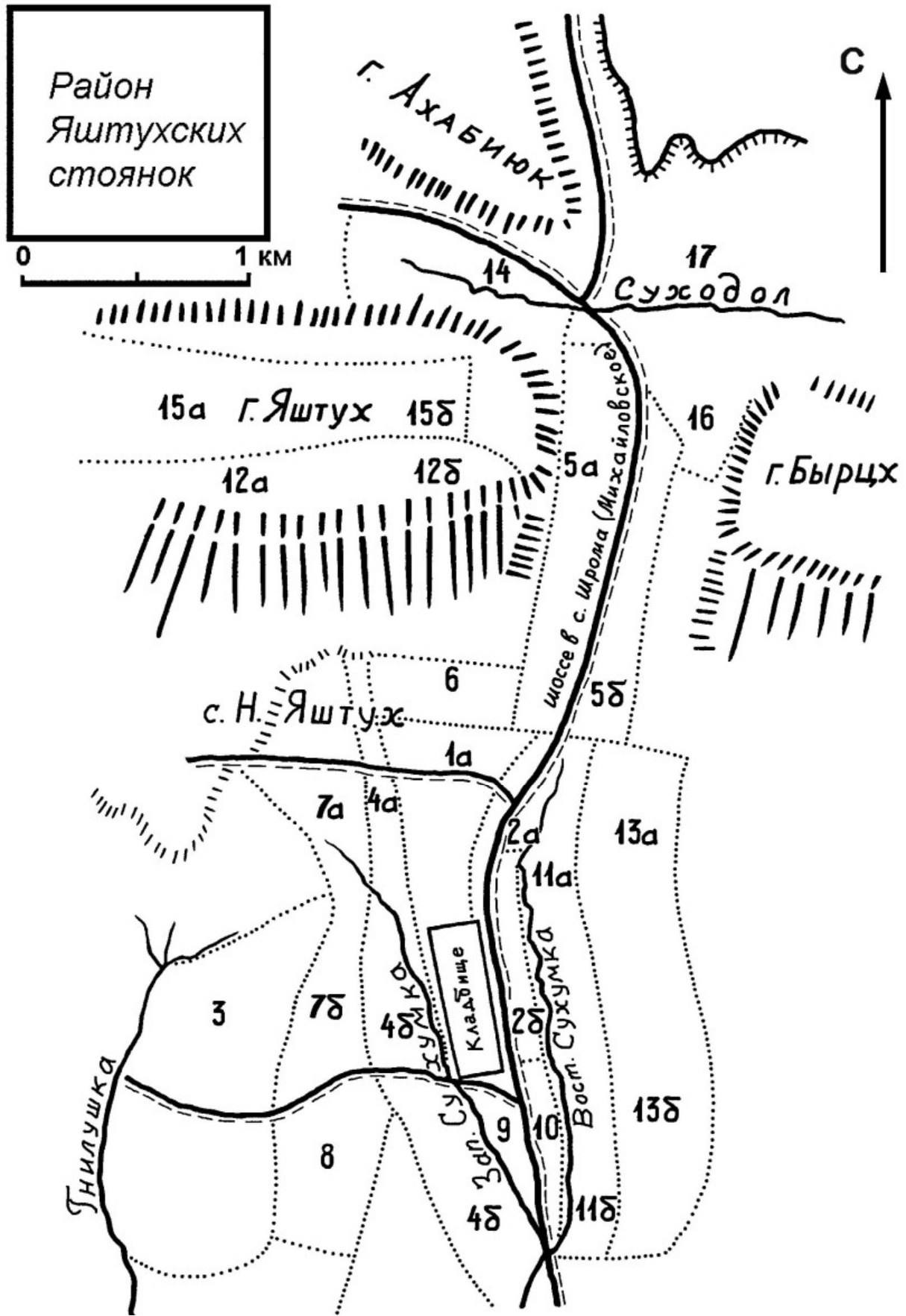

Рис. 9. Район Яштухского местонахождения (неопубликованная карта И. И. Коробкова)

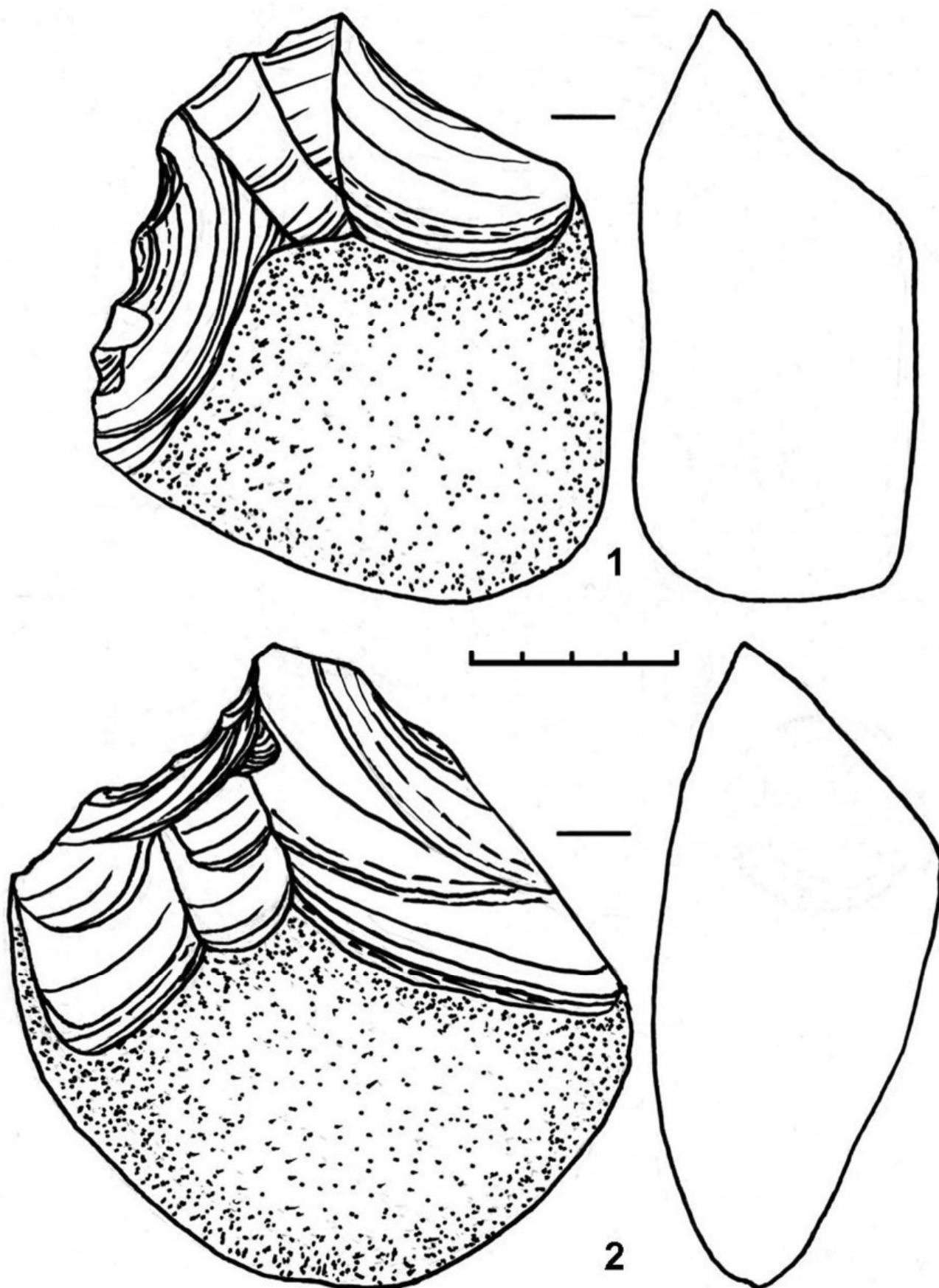

Рис. 10. Яштухское местонахождение (горная зона), урочище Суходол. Остроконечные чоперы. № 1 — со скошенным лезвием, примыкающим к дистальному острию

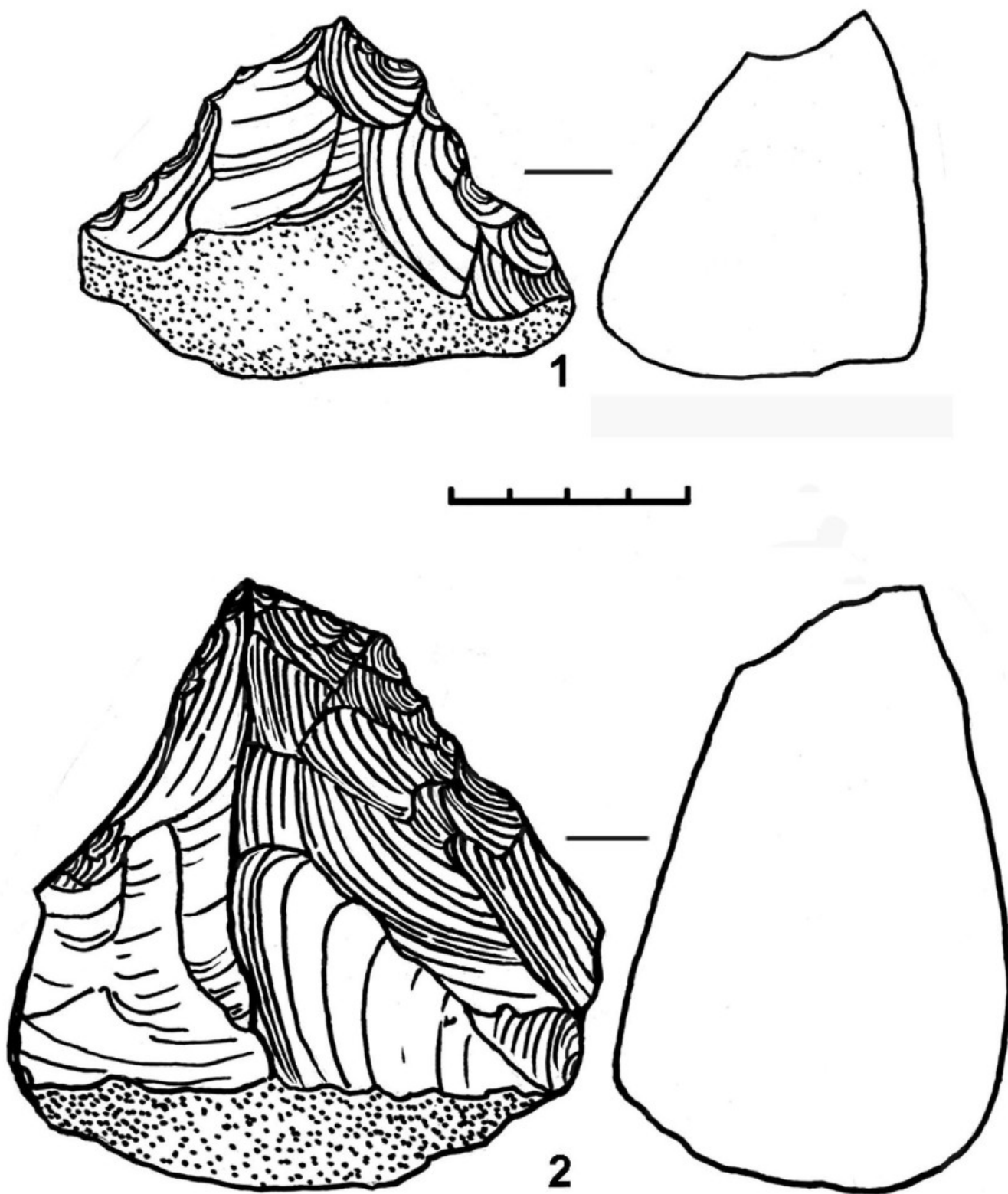

Рис. 11. Яштухское местонахождение. Остроконечные чоперы

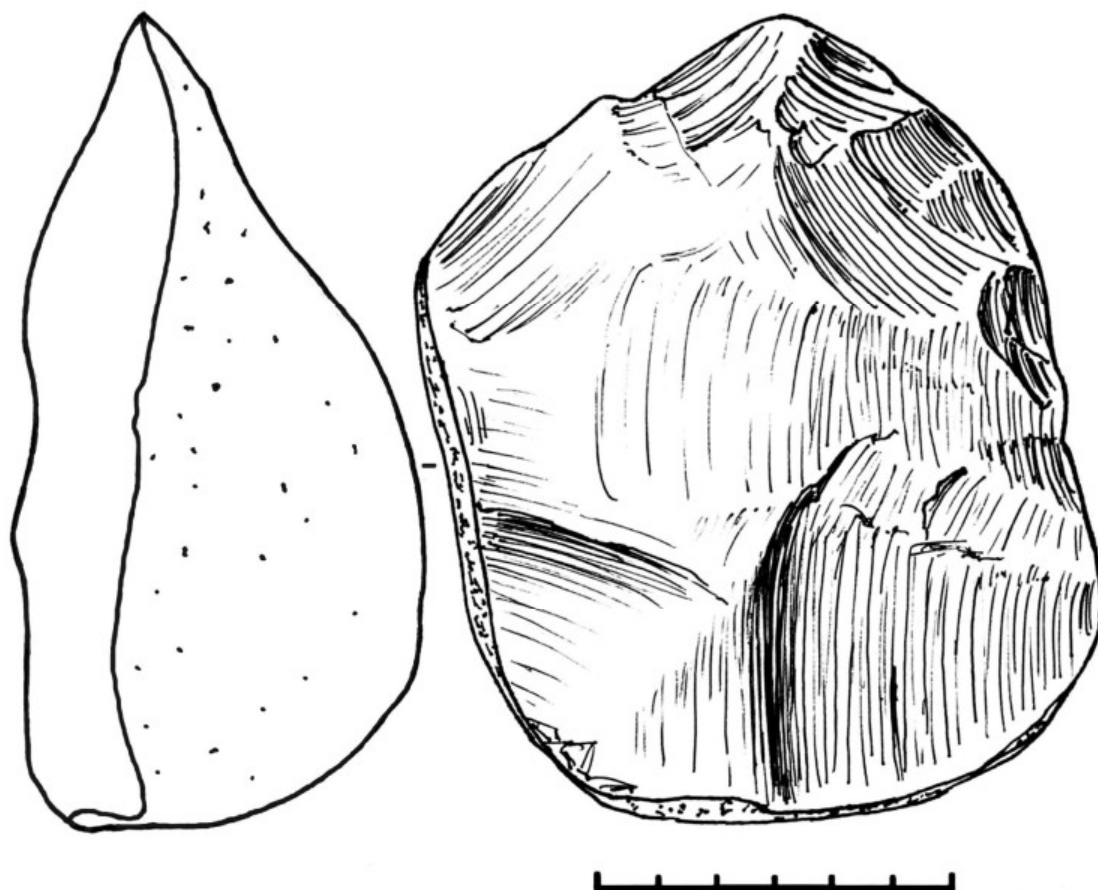

Рис. 12. Яштухское местонахождение (горная зона), урочище Суходол. Чоппер с асимметричным остриём и двумя лезвиями: скошенным дистальным и продольным по правому краю

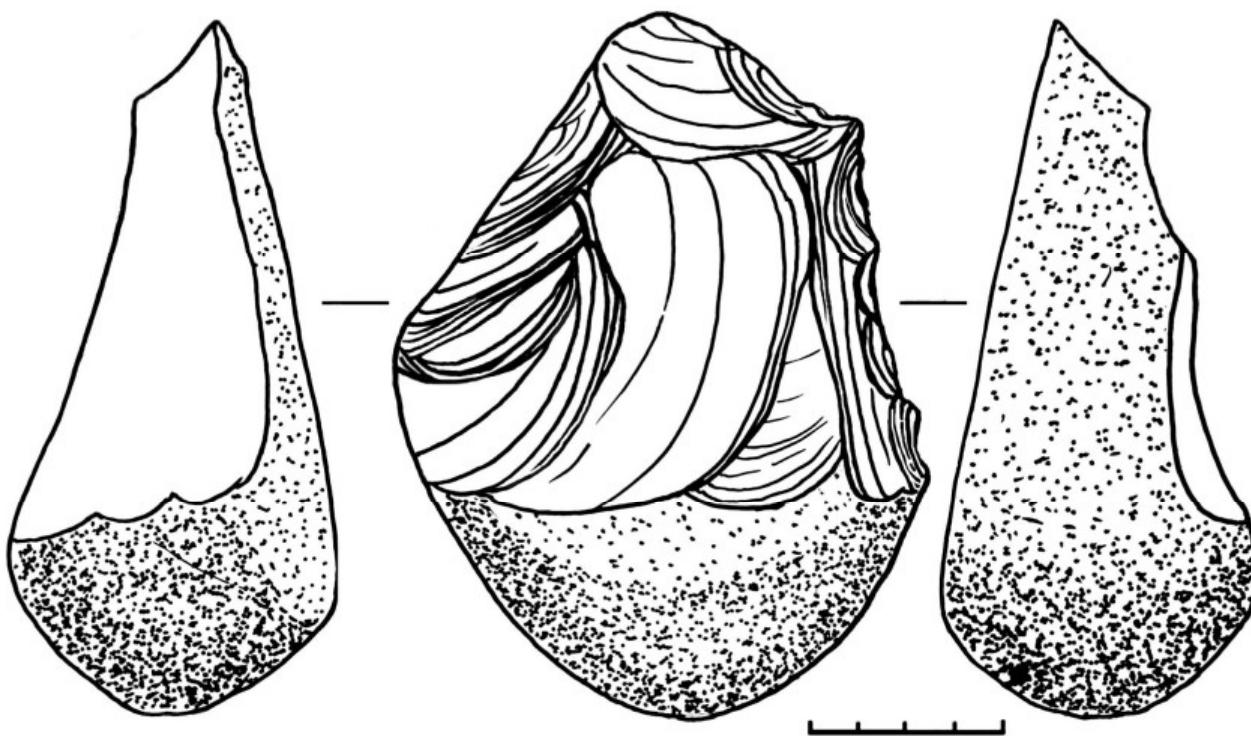

Рис. 13. Яштухское местонахождение (горная зона), урочище Суходол. Чоппер с асимметричным остриём и скошенным дистальным лезвием

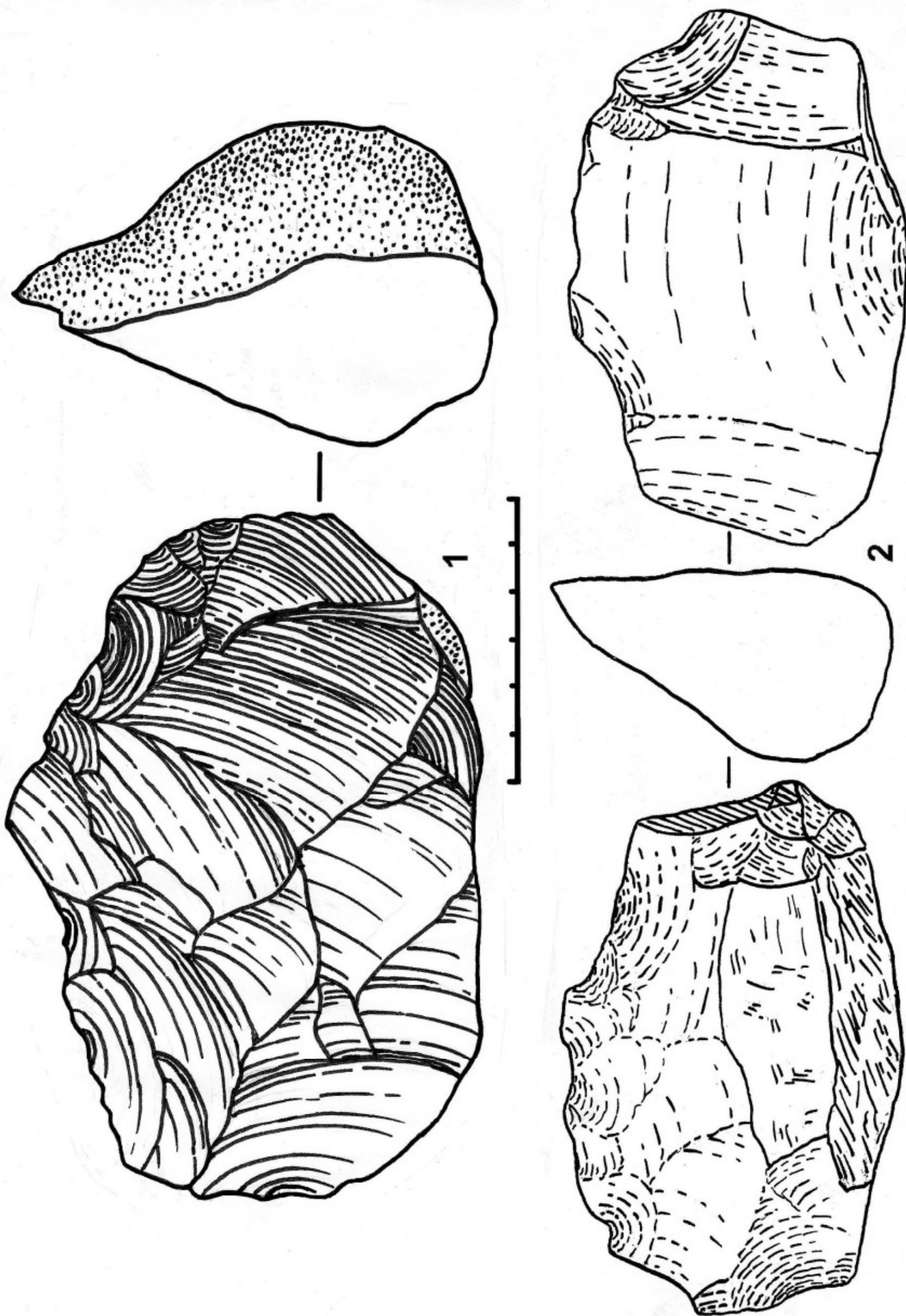

Рис. 14. Яштухское местонахождение. Боковые чоперы со слабовыступающими острями

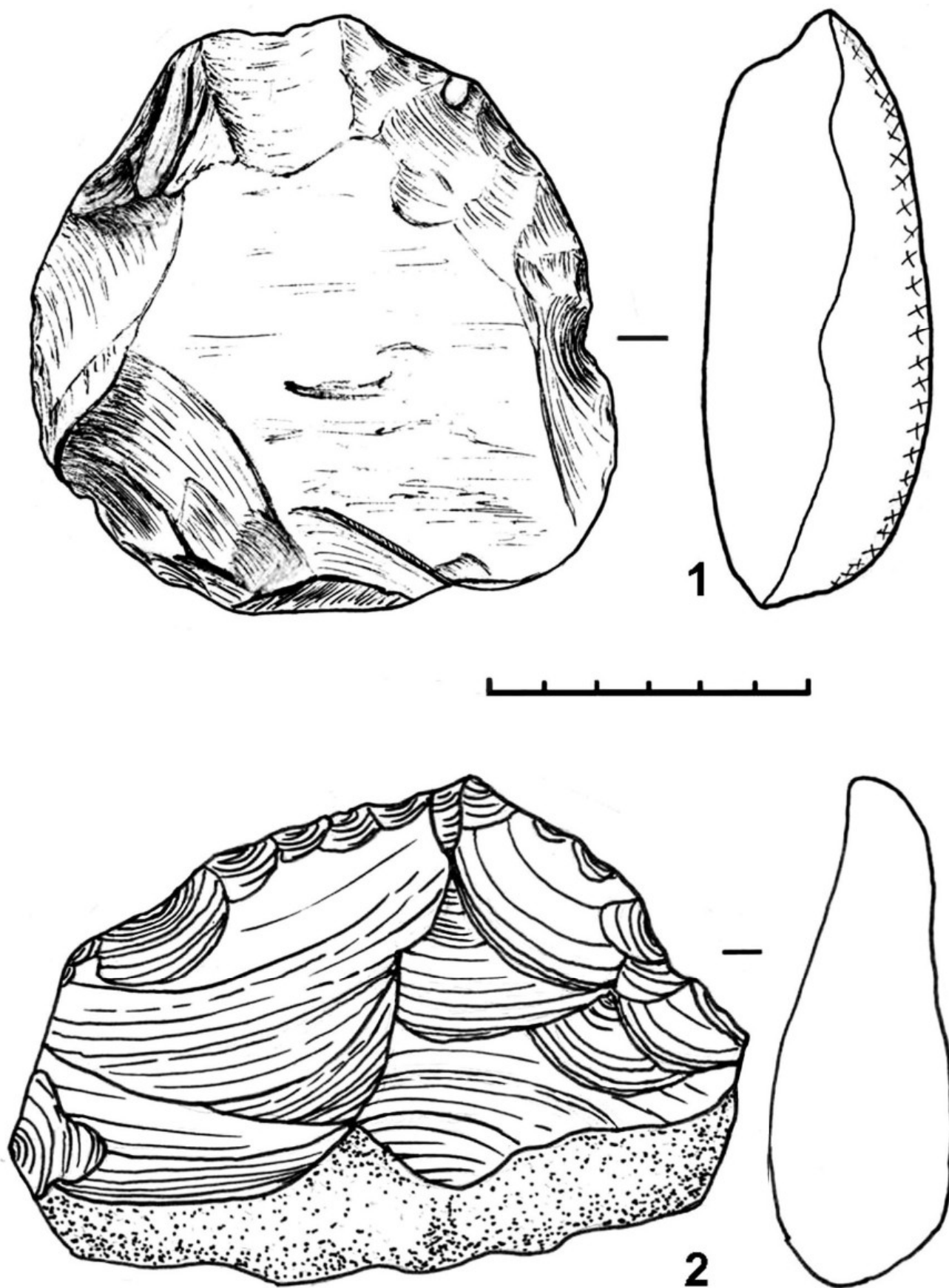

Рис. 15. Яштухское местонахождение:

1 — чоппер-дискоид; 2 — боковой чоппер со слабо выступающим острием

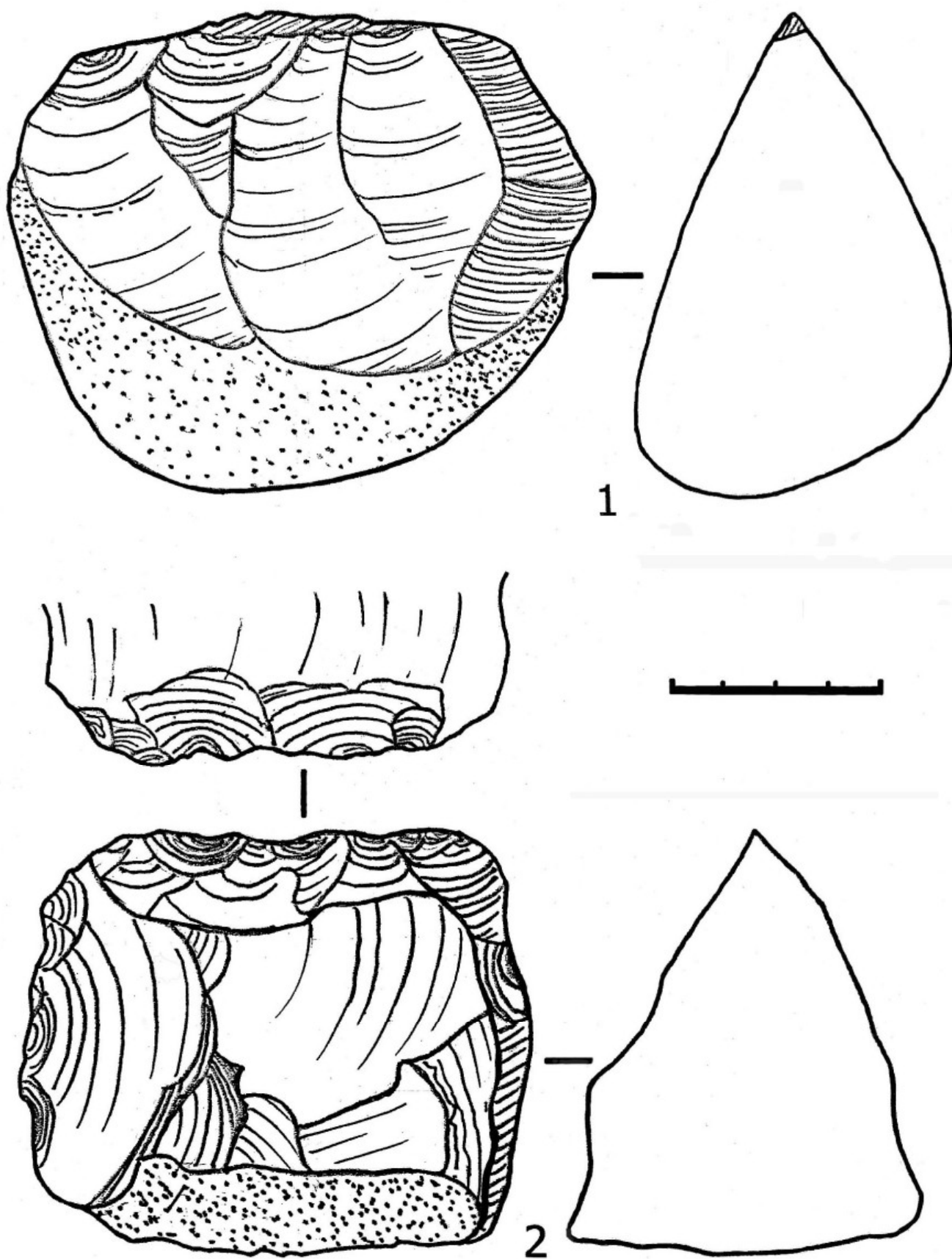

Рис. 16. Яштухское местонахождение:
1 — боковой чоппер; 2 — боковой чоппинг

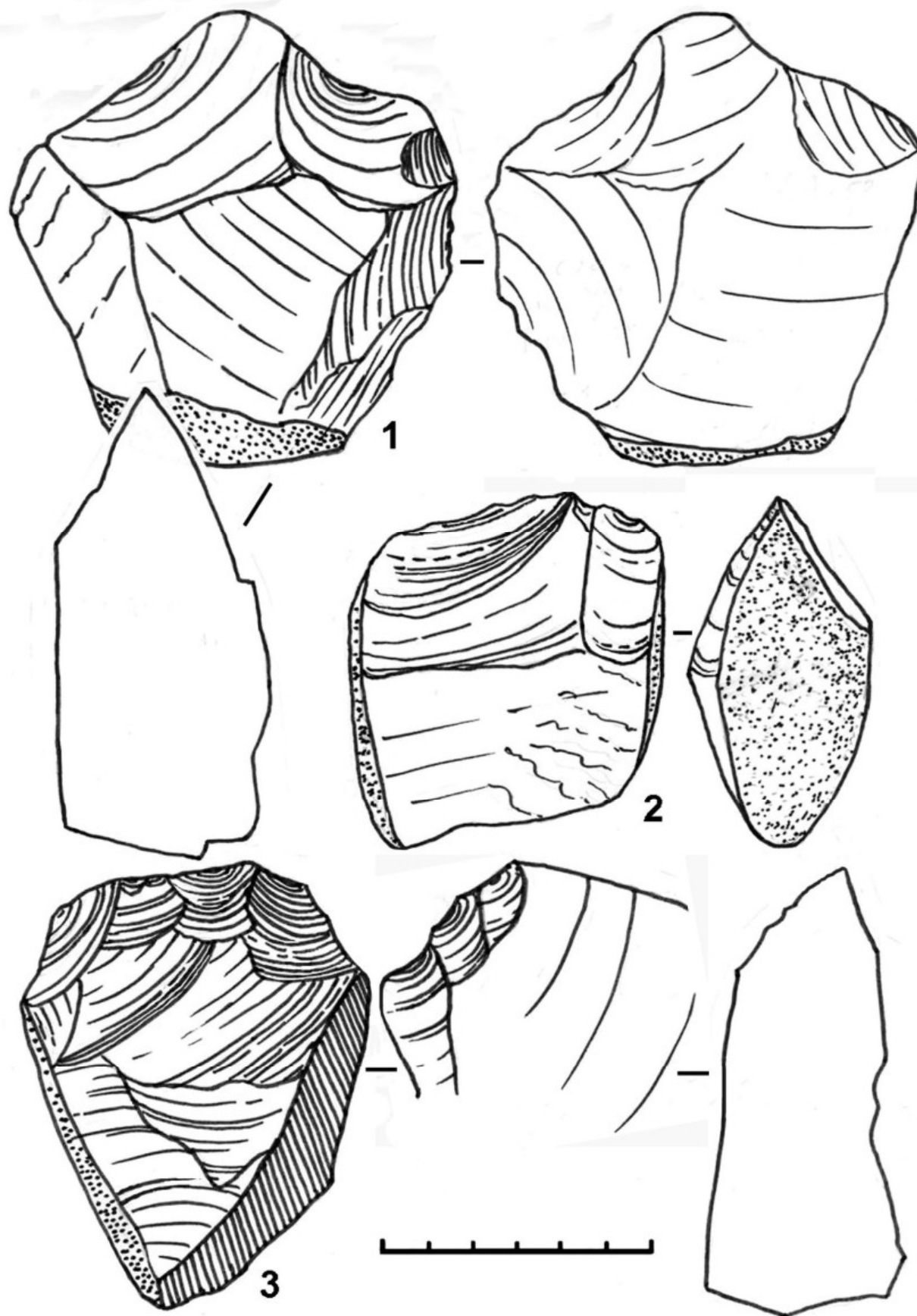

Рис. 17. Яштухское местонахождение:

1 — чопинг со слабо выступающим острием; 2—3 — концевые чопинги с клиновидным профилем

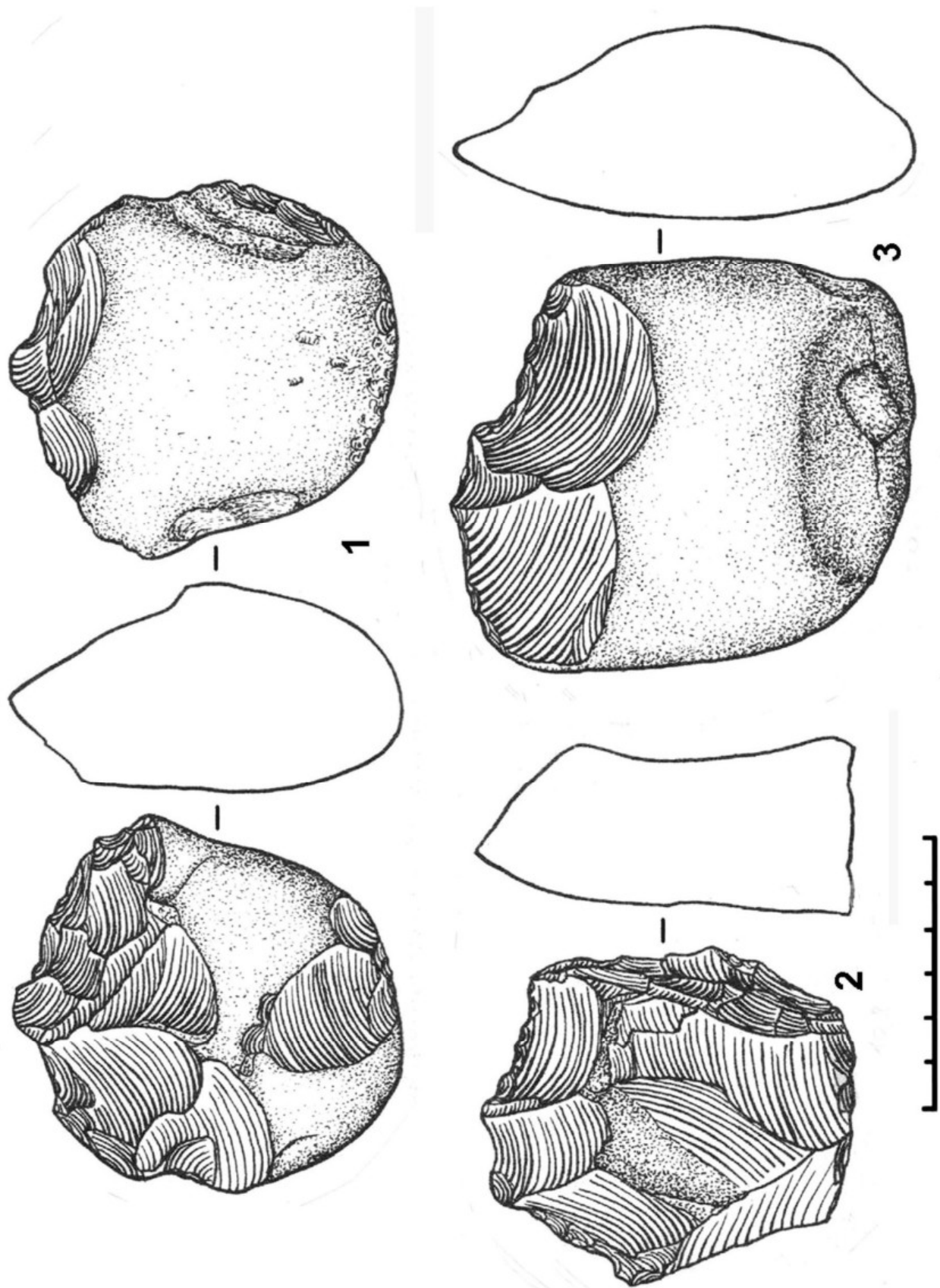

Рис. 18. Яшгукское местонахождение, вершина горы Яшгук:

1 — чопинг с шпигидным острием; 2, 3 — концевые чоперы (по: [Бердзенишвили, 1979])

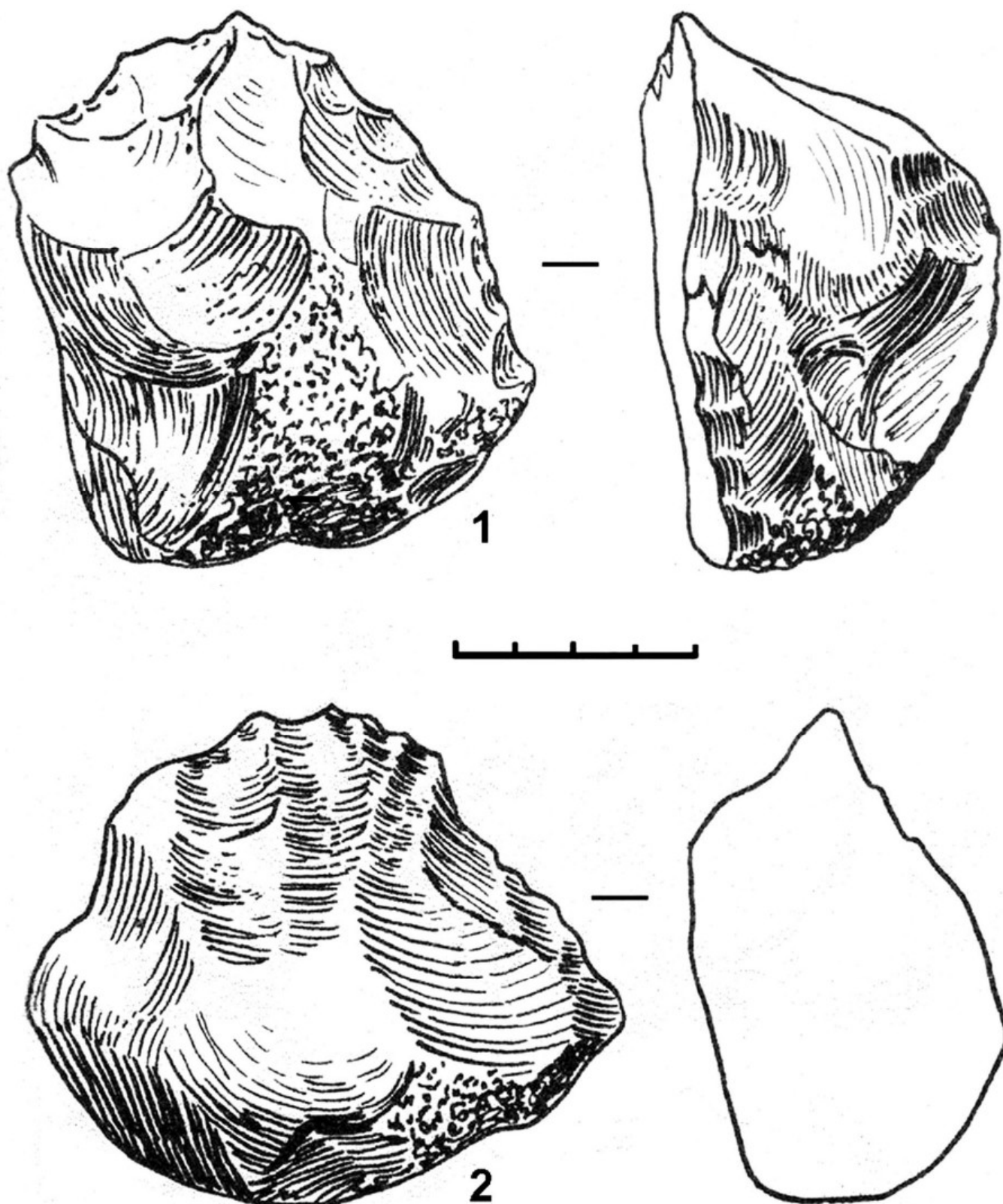

Рис. 19. Яштухское местонахождение, пункт Джаншкюп в подножии горы Яштух:
1 — чоппер; 2 — чоппинг (по: [Соловьев, 1987])

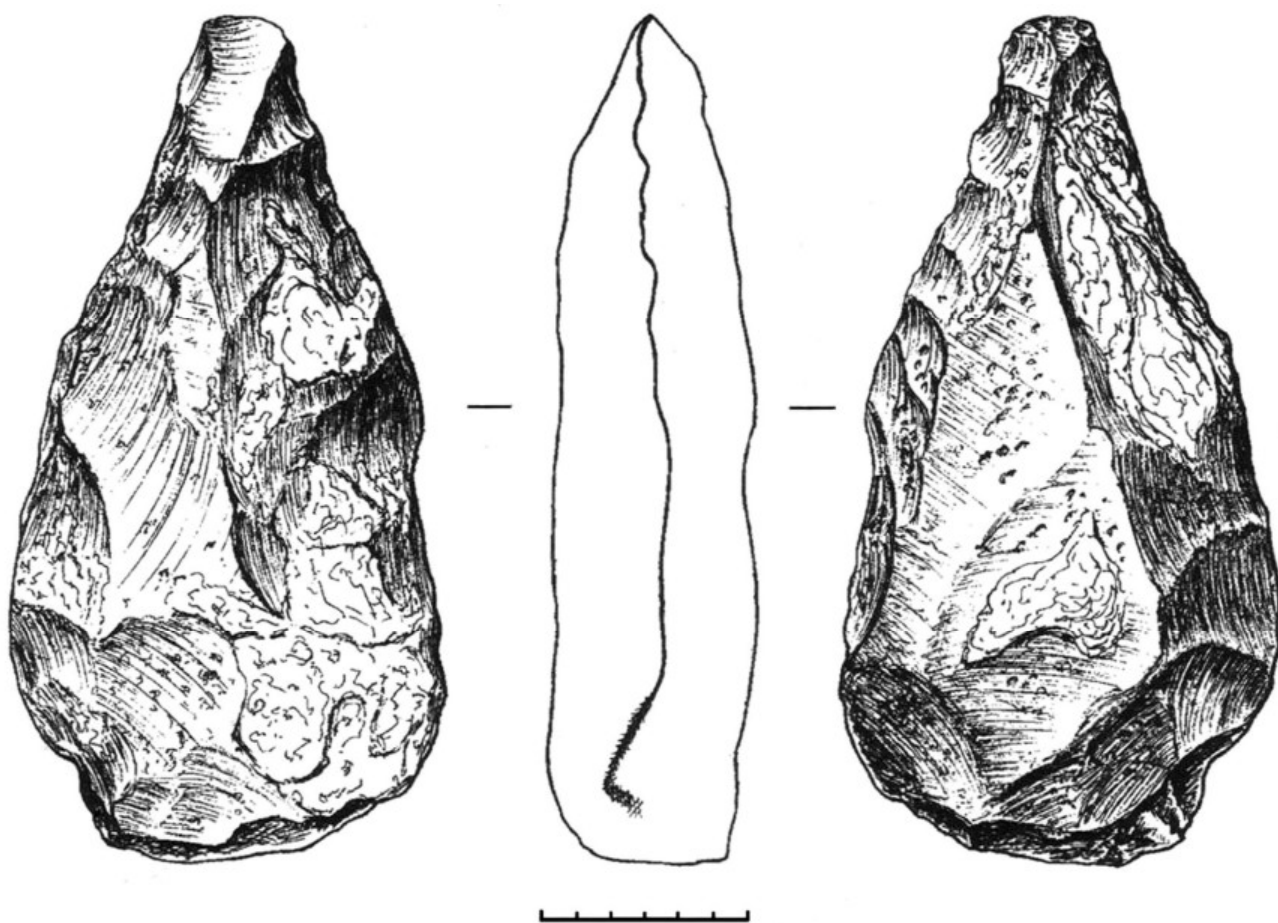

Рис. 20. Яштухское местонахождение, гора Трапезия. Ручное рубило с «совковидным» дистальным концом

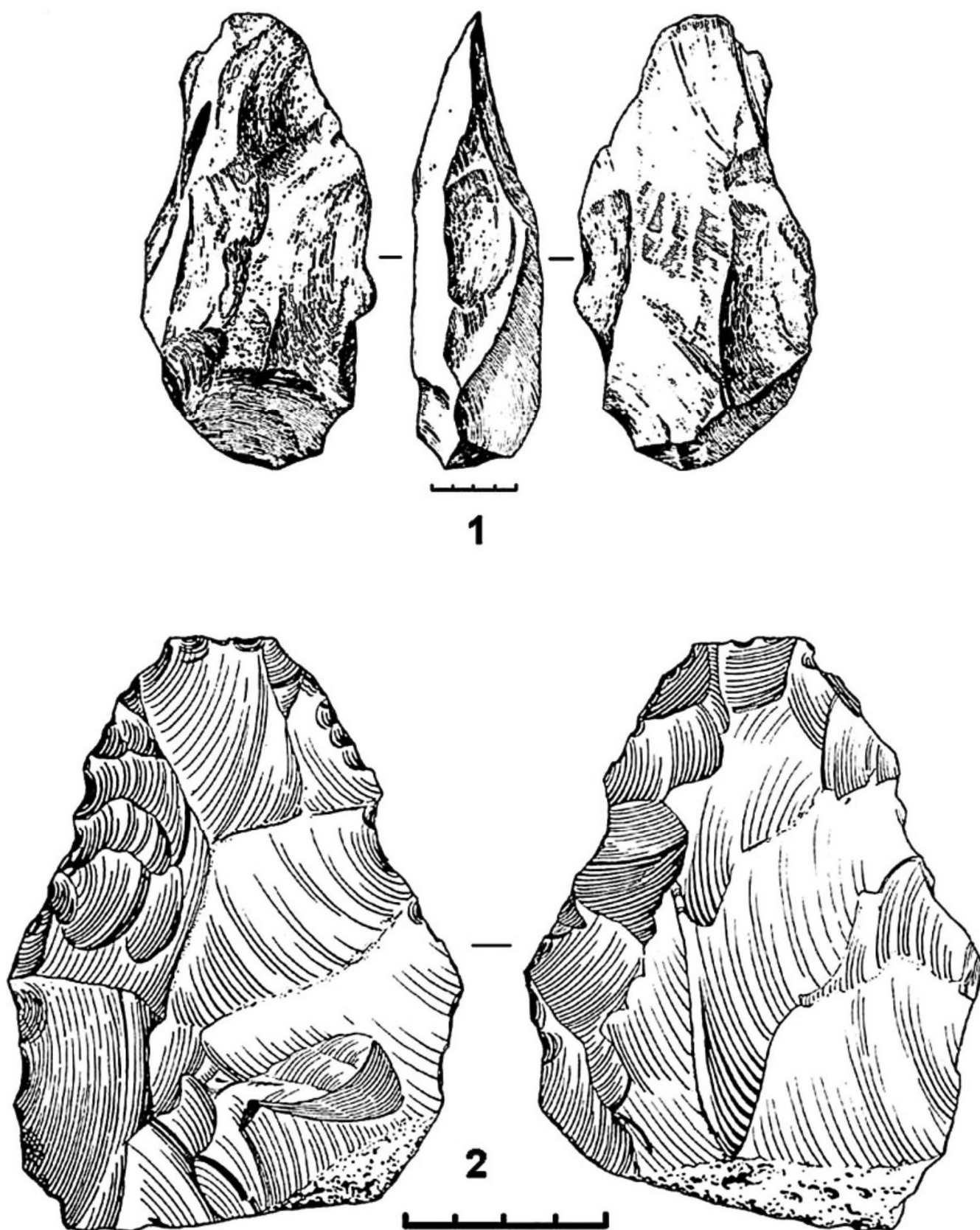

Рис. 21. Яштухское местонахождение. Ручные рубила:

1 — крупное, массивное, архаичного облика, из вулканита; 2 — сердцевидное (по: [Бердзенишвили, 1979])

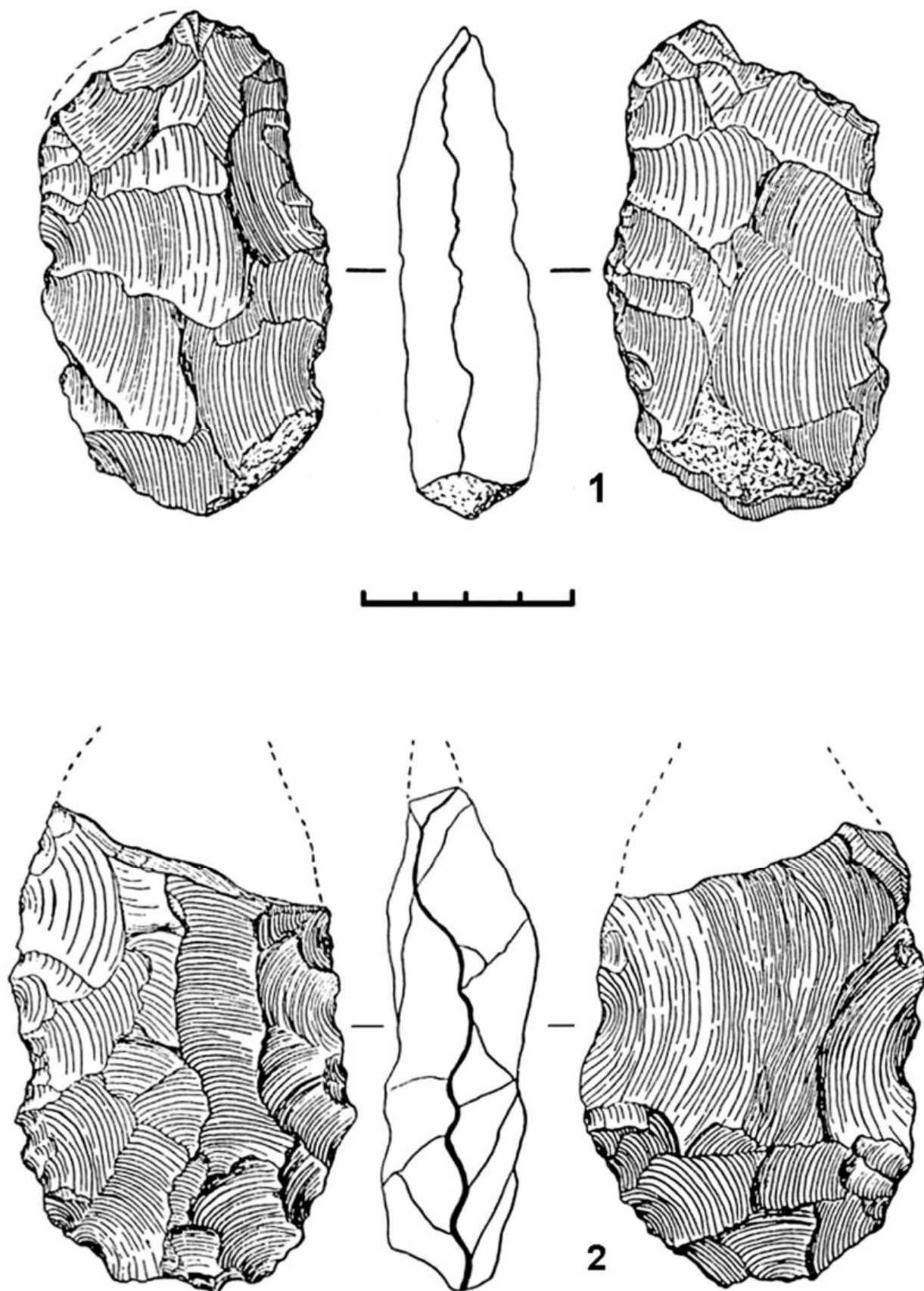

Рис. 22. Яштухское местонахождение. Ручные рубила подпрямоугольных очертаний с древними обломами (по: [Замятин, 1961])

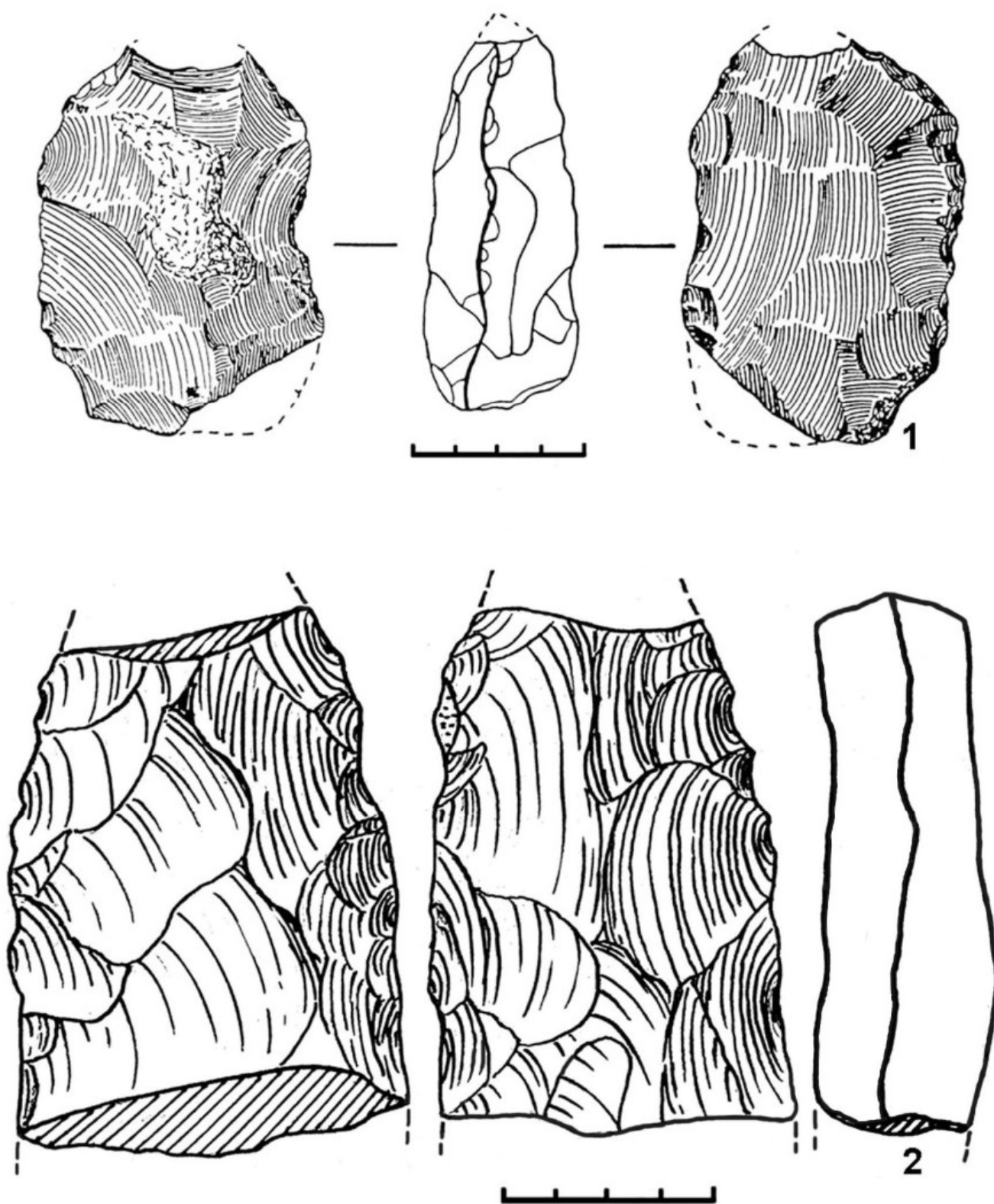

Рис. 23. Ручные рубила подпрямоугольных очертаний, фрагментированные в древности:
1 — Яштухское местонахождение; 2 — Бароновка (Северная Абхазия) (по: [Замятнин, 1961])

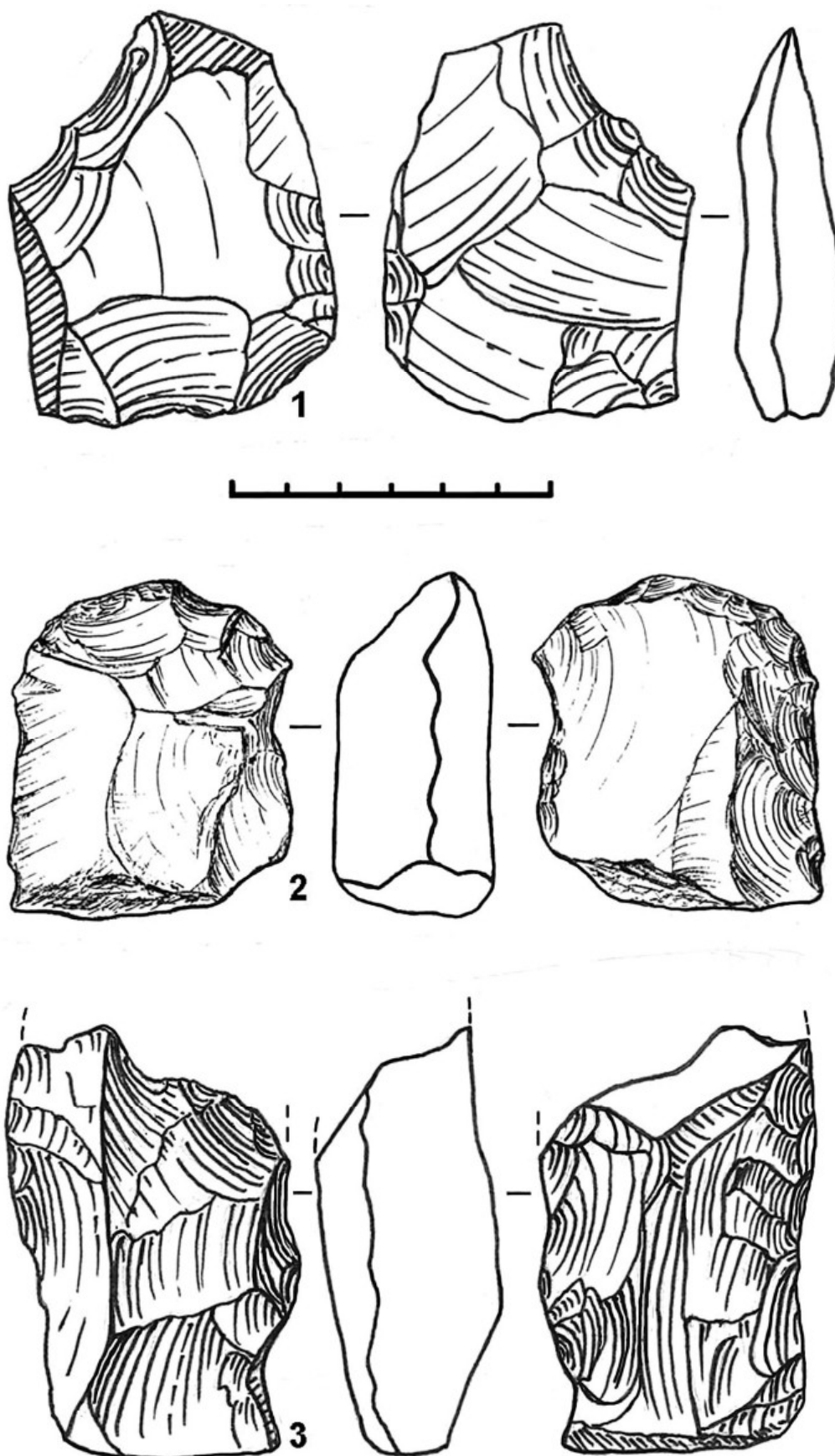

Рис. 24. Яштухское местонахождение:

1, 3 — бифасы, фрагментированные в древности; 2 — массивное комбинированное орудие (концевой скребок + боковое скребло)

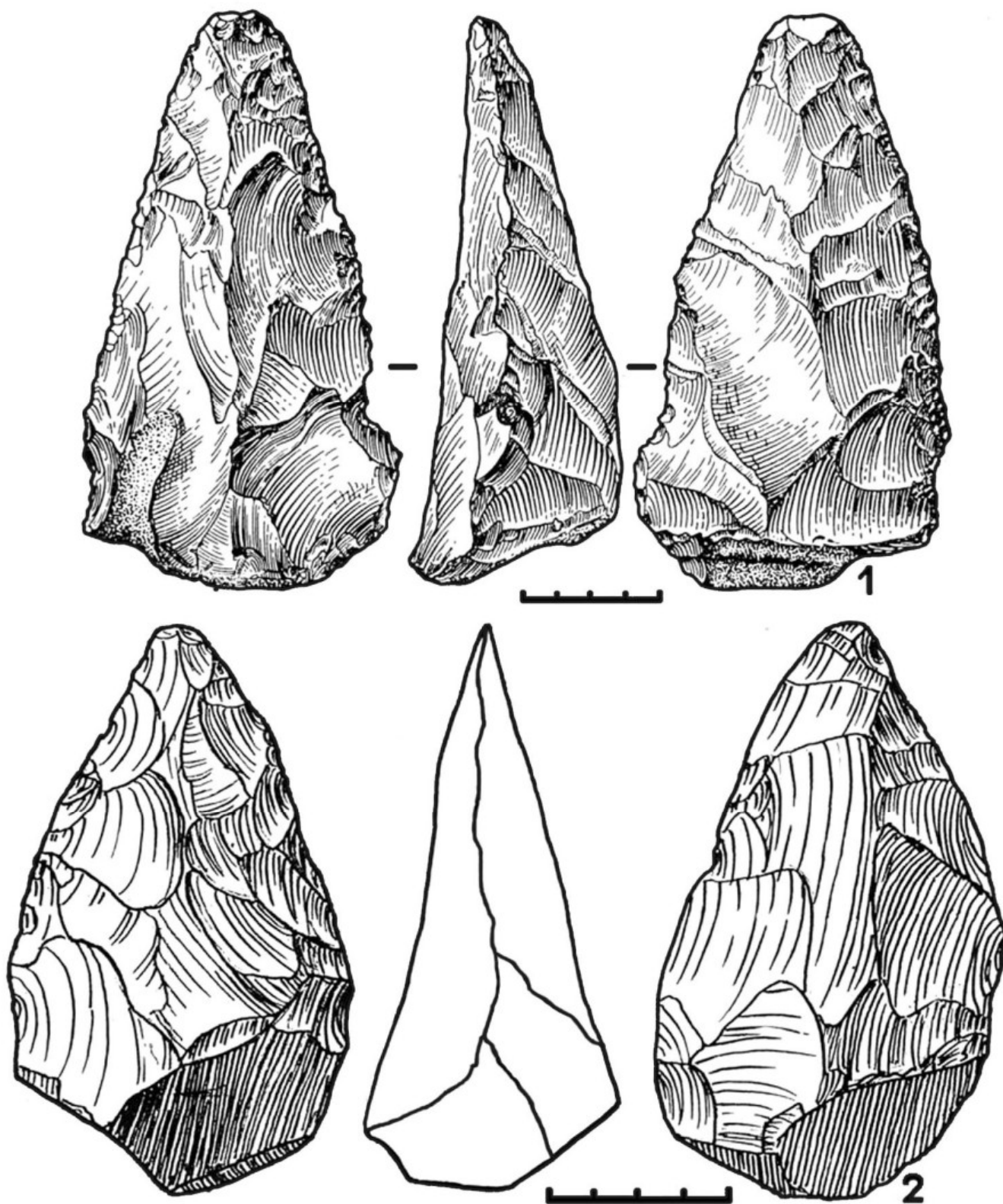

Рис. 25. Ручные рубила:
1 — ланцетовидное (Яштухское местонахождение); 2 — миндалевидное (Хейвани, Северная Абхазия). (№ 1 по: [Коробков, 1964]; № 2 по: [Соловьев, 1971])

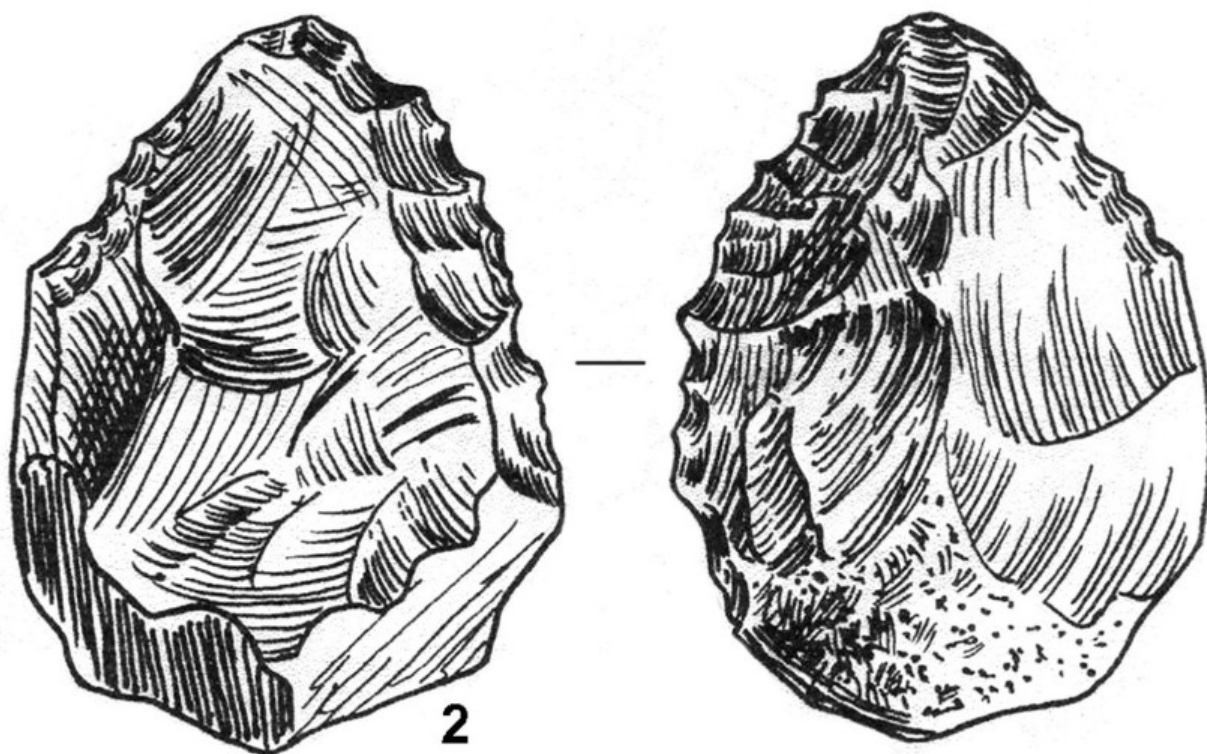
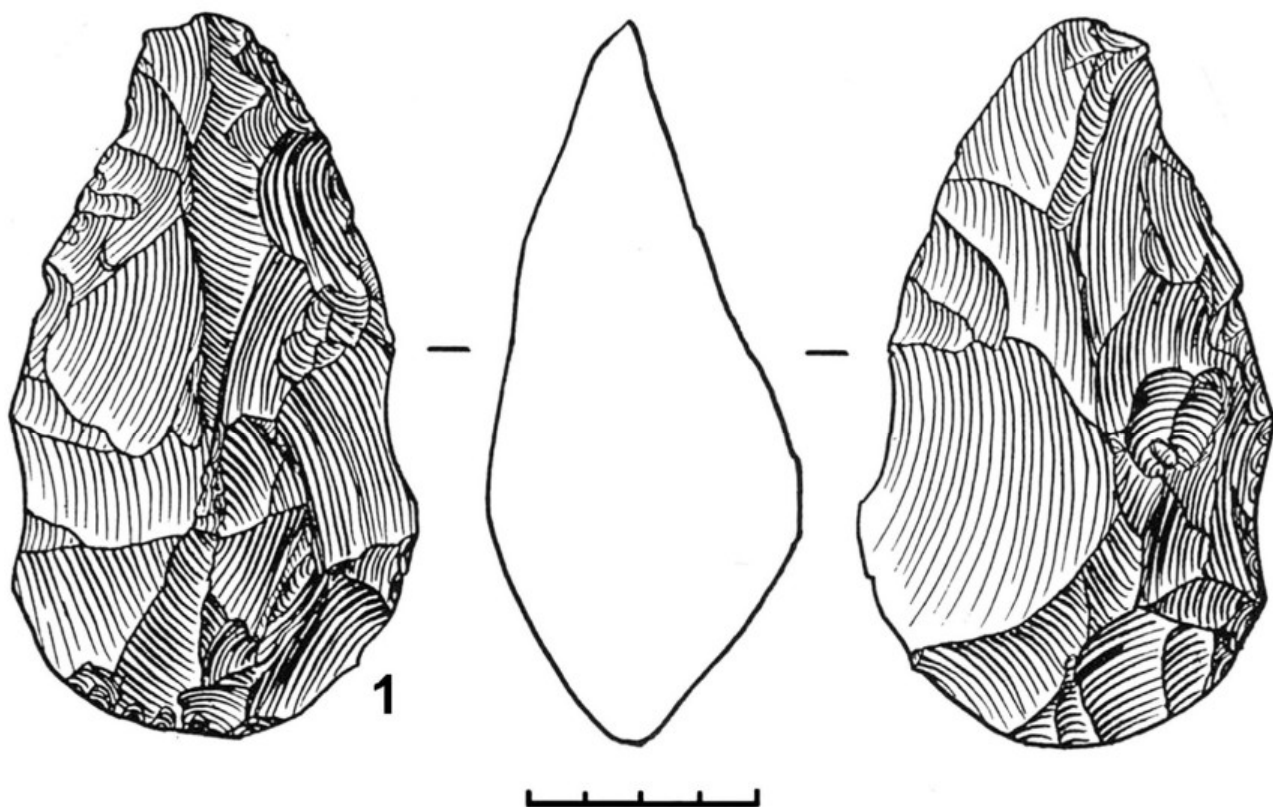

Рис. 26. Ручные рубила:

1 — миндалевидное (Яштухское местонахождение); 2 — овальное (Цандрыш (Гантиади), Северная Абхазия (№ 1 по: [Бердзенишвили, 1979]; № 2 по: [Соловьев, 1987])

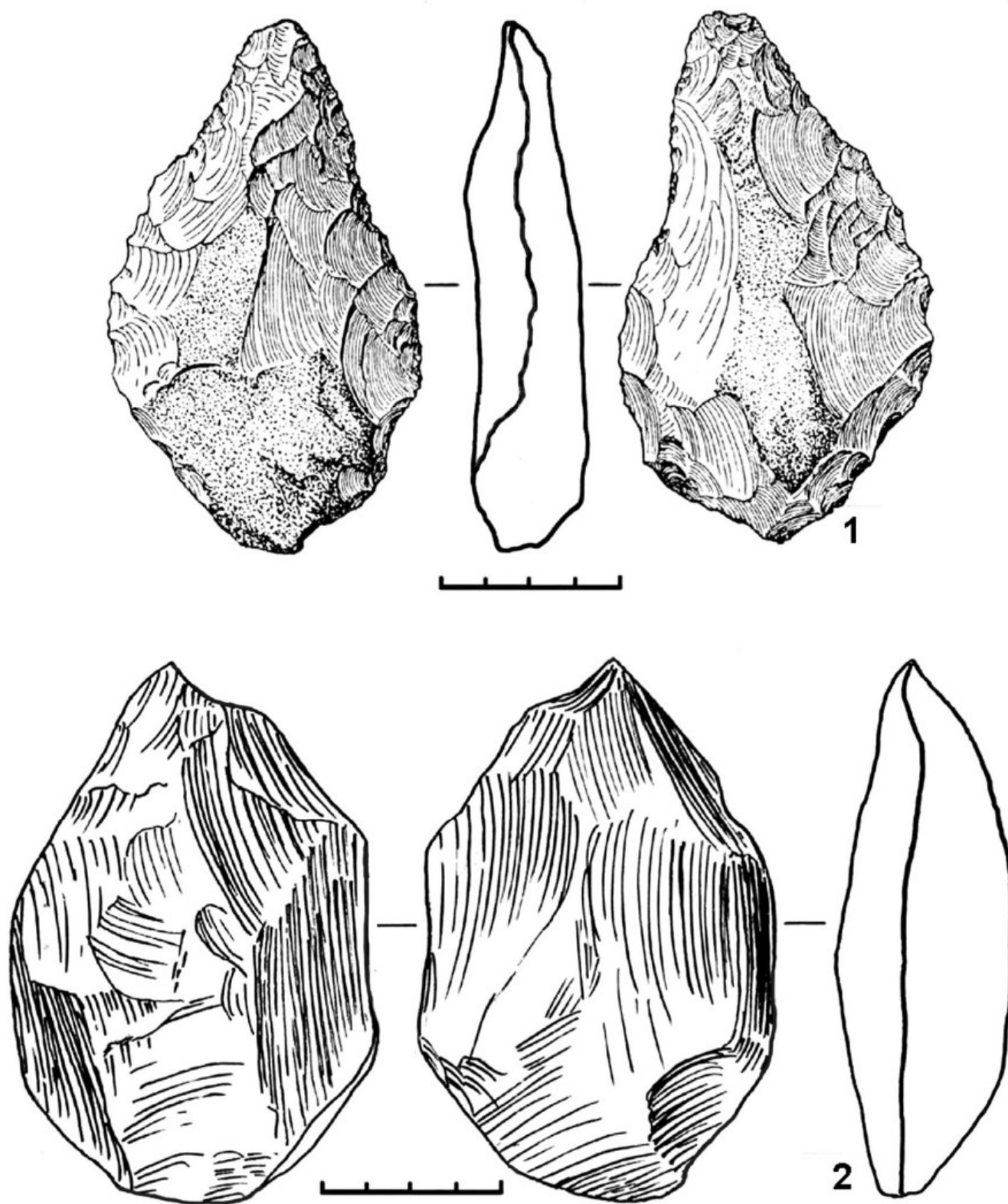

Рис. 27. Яштухское местонахождение:

1 — подсердцевидное ручное рубило; 2 — овальное ручное рубило (№ 1 по: [Замятин, 1961])

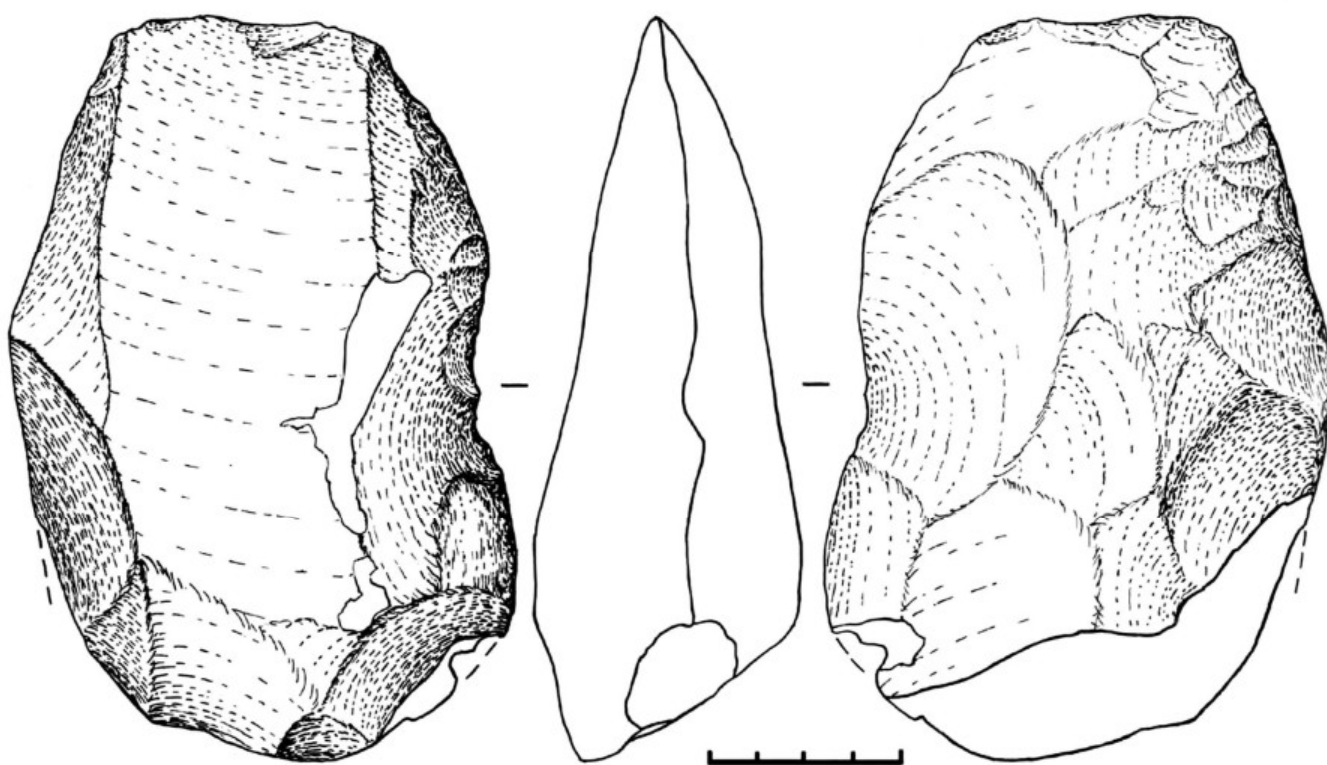

Рис. 28. Яштухское местонахождение. Кливер

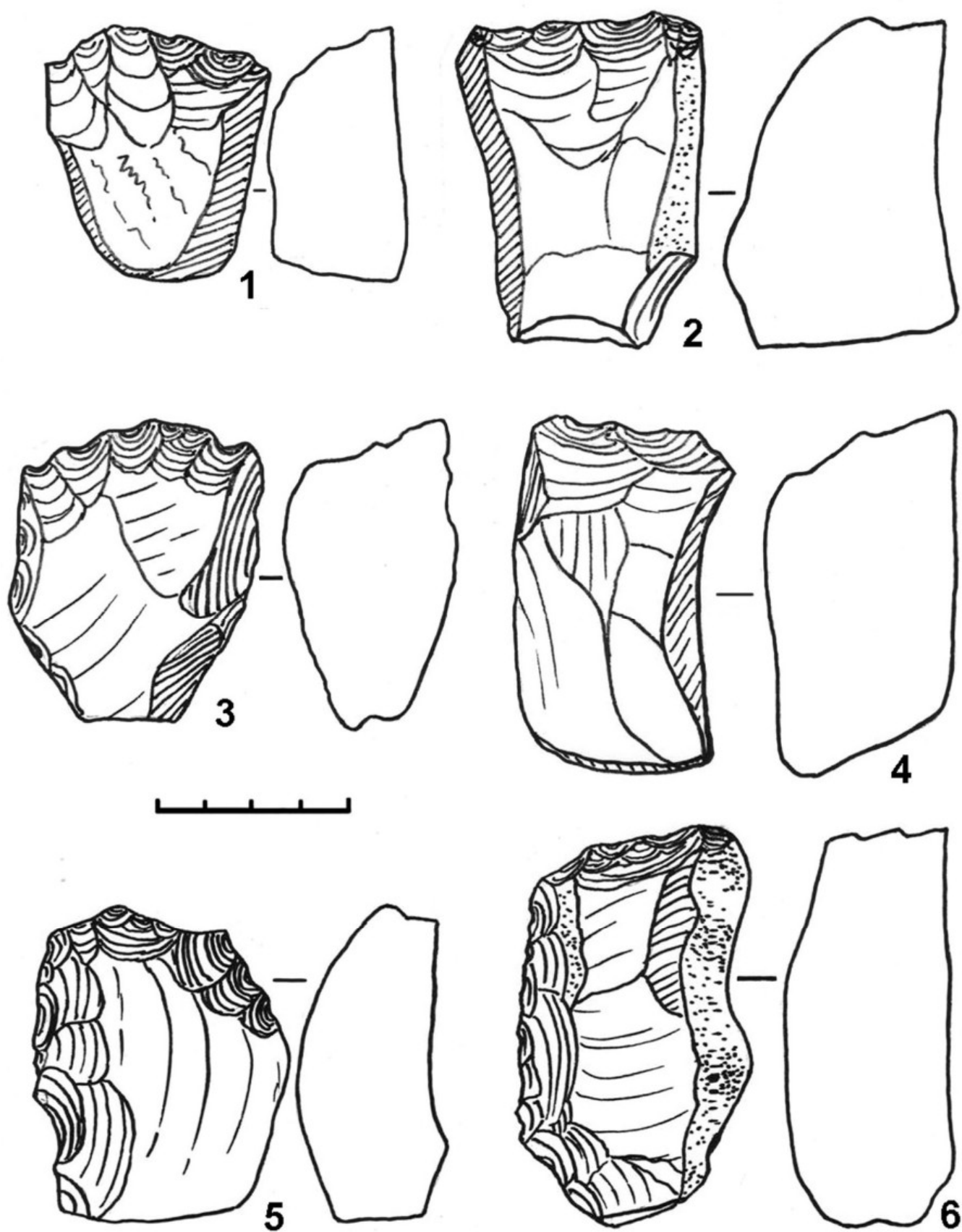

Рис. 29. Яштухское местонахождение. Нуклевидные скребки

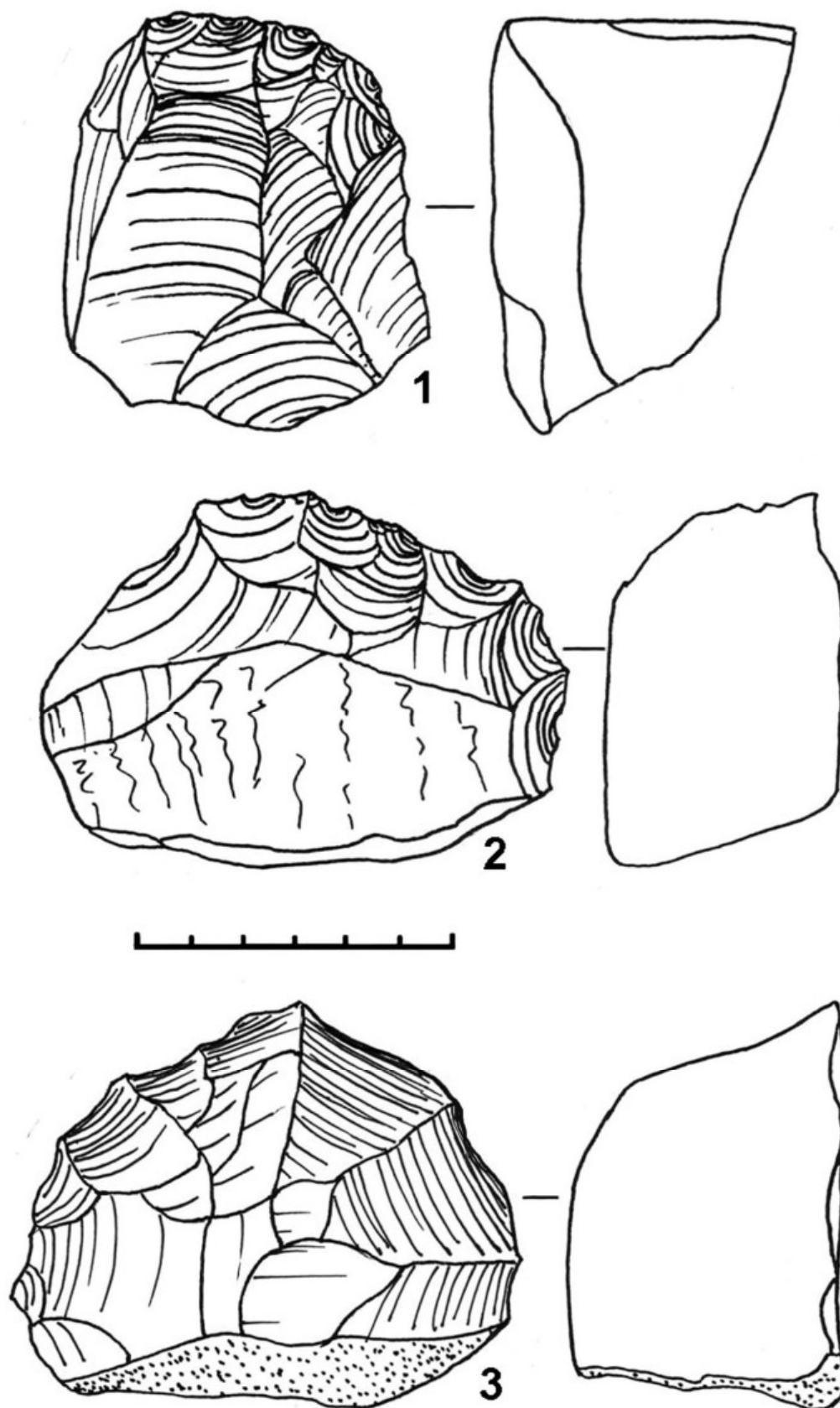

Рис. 30. Яштухское местонахождение. Нуклевидные скребки

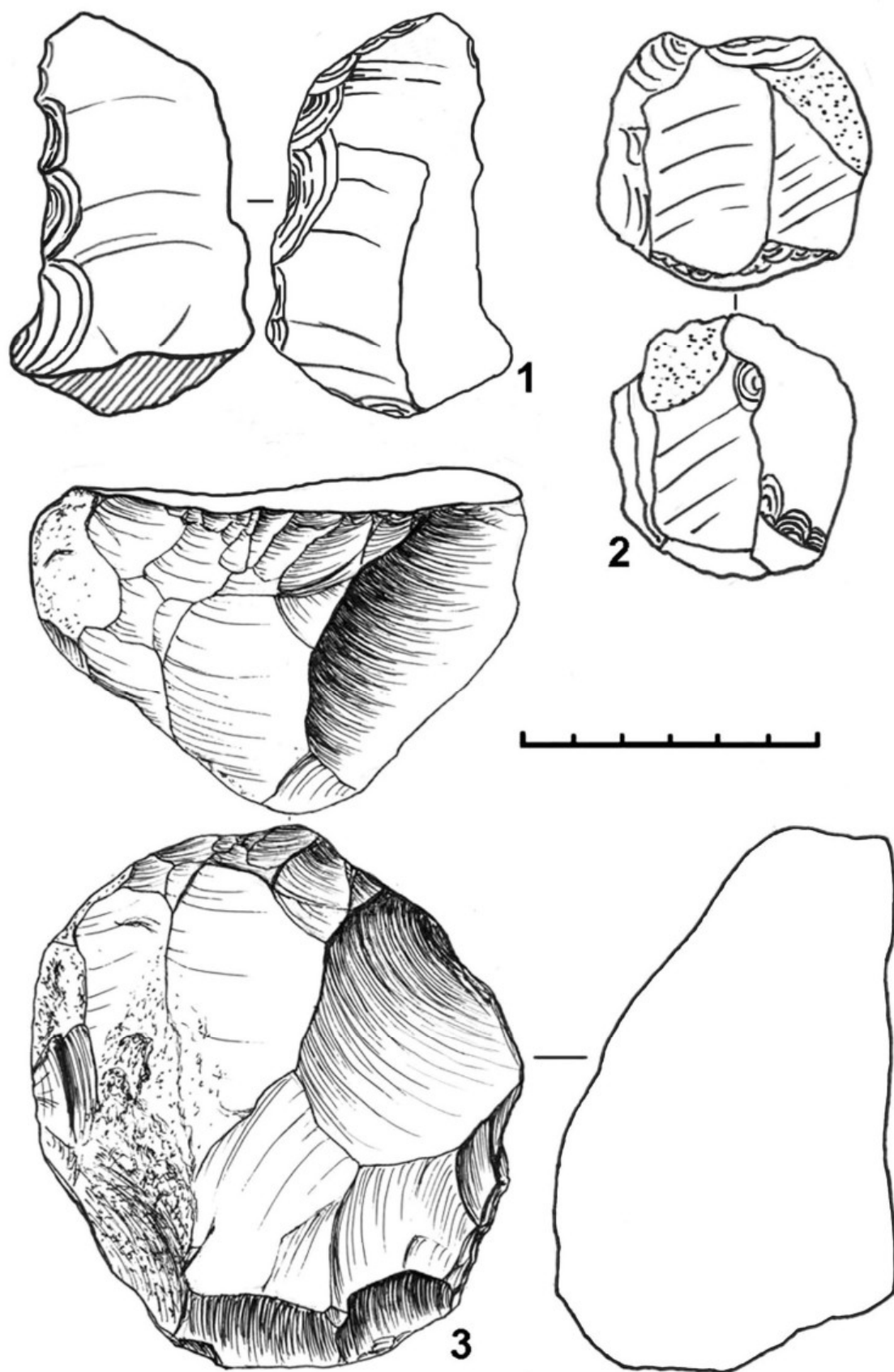

Рис. 31. Яштухское местонахождение:

1 — зубчатое орудие; 2 — полиэдр; 3 — мощный нуклеидный скребок округлых очертаний

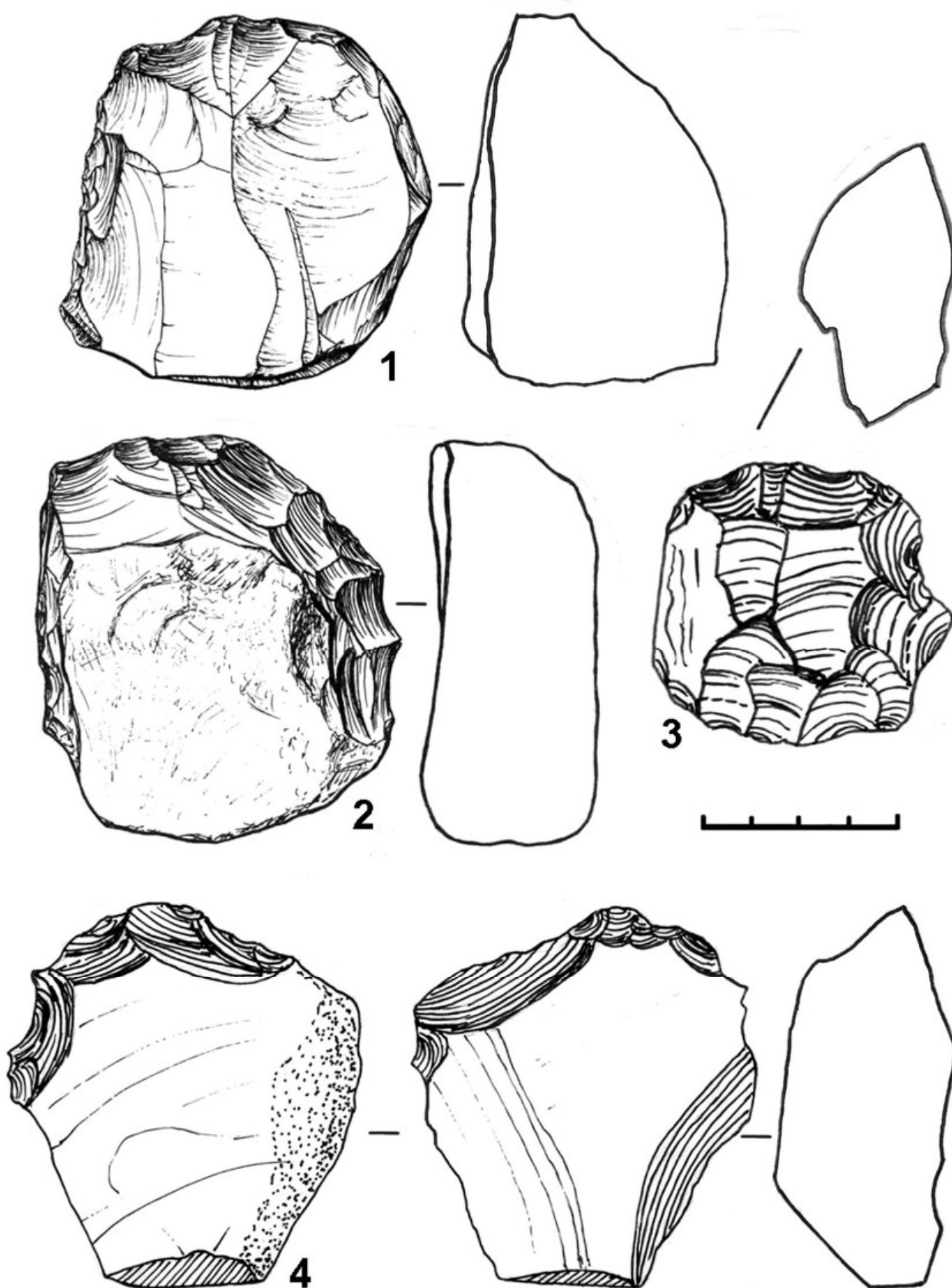

Рис. 32. Яштухское местонахождение:

1, 2 — нуклеидные скребки; 3 — скребок на остаточном нуклеусе; 4 — чоппинг на отщепе

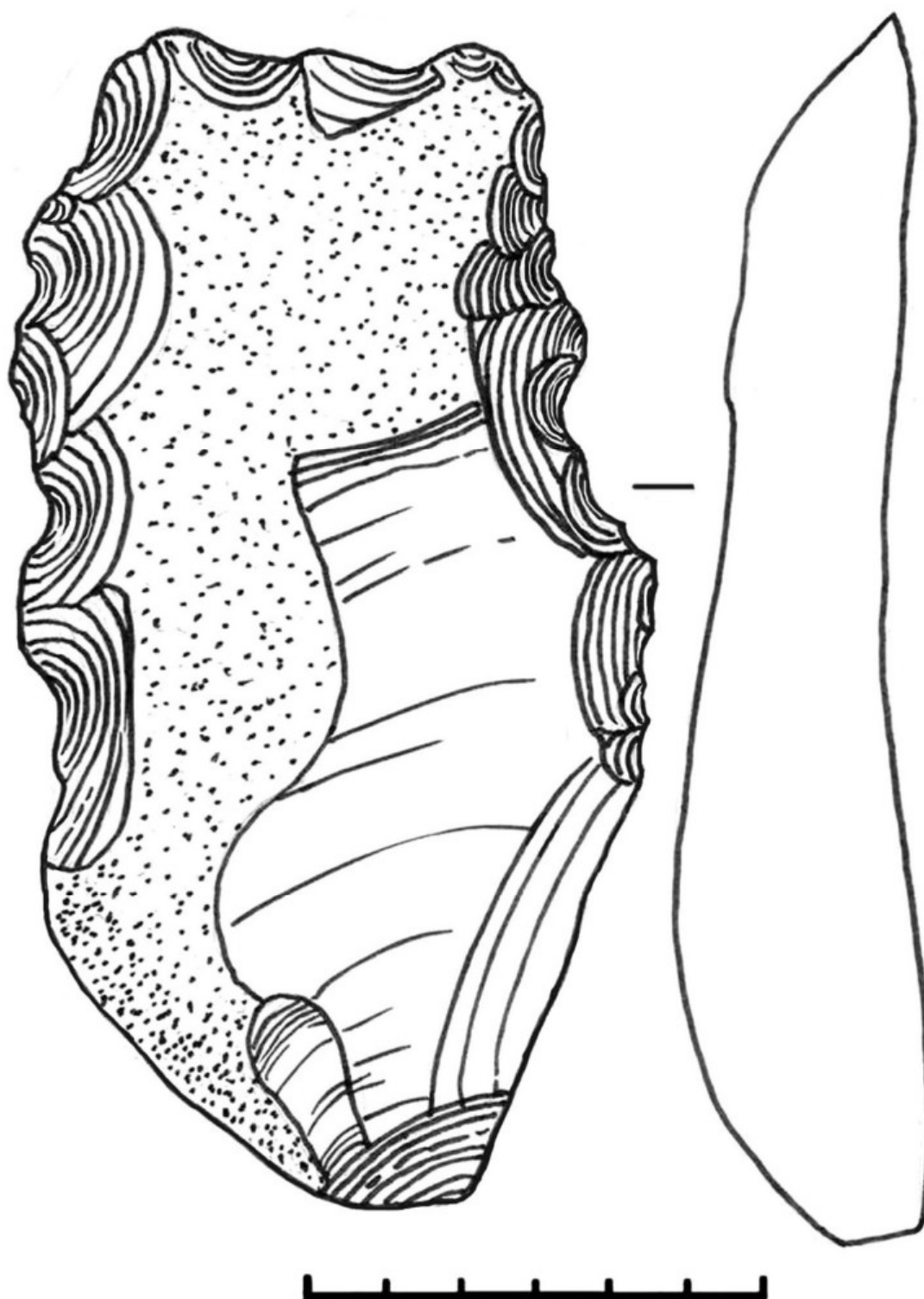

Рис. 33. Яштухское местонахождение. Крупное зубчатое орудие

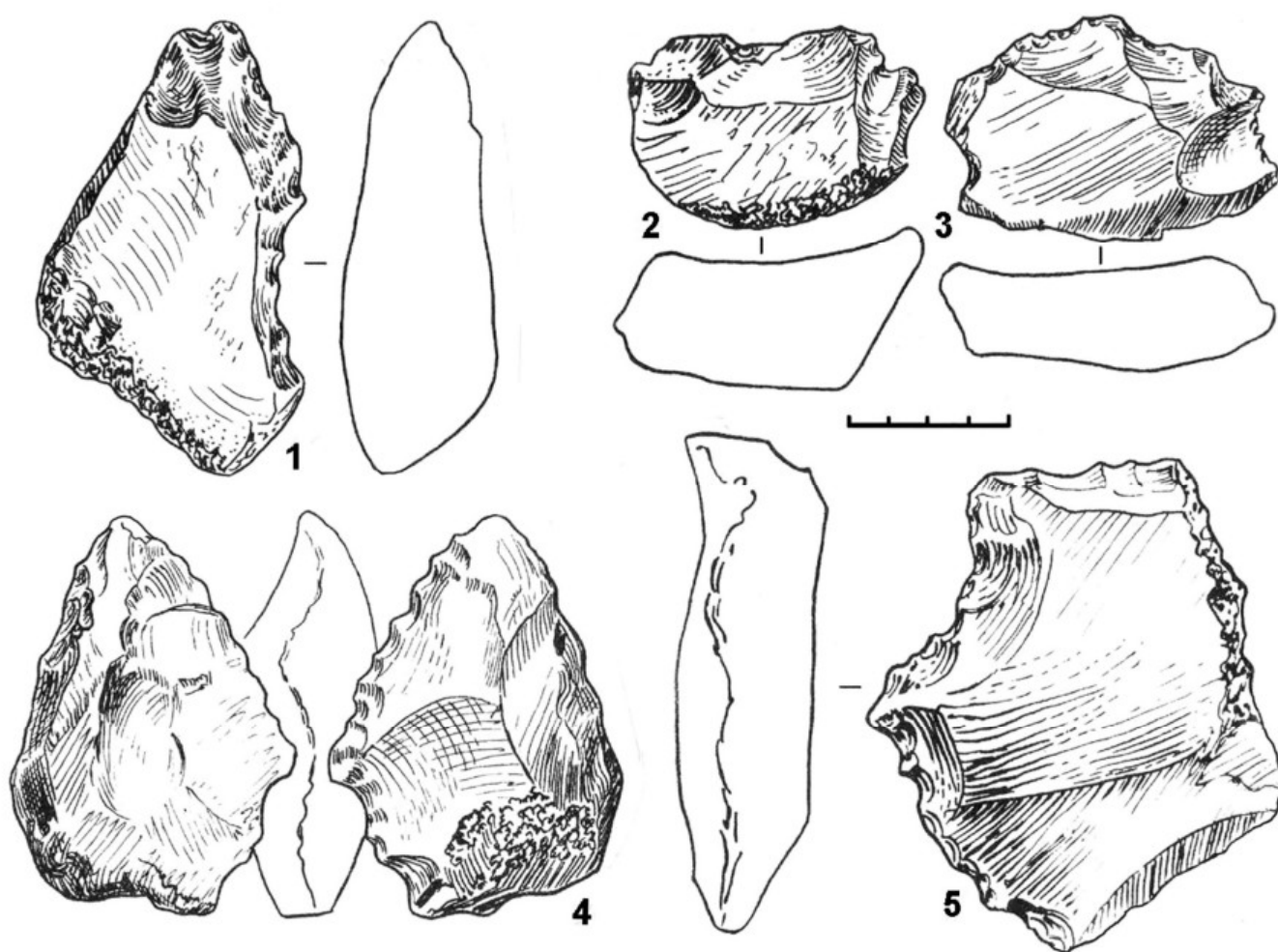

Рис. 34. Яштухское местонахождение, пункт Джаншкоп. Зубчатые орудия с оббивкой на одном краю и с обушком — на другом (по: [Соловьёв, 1987])

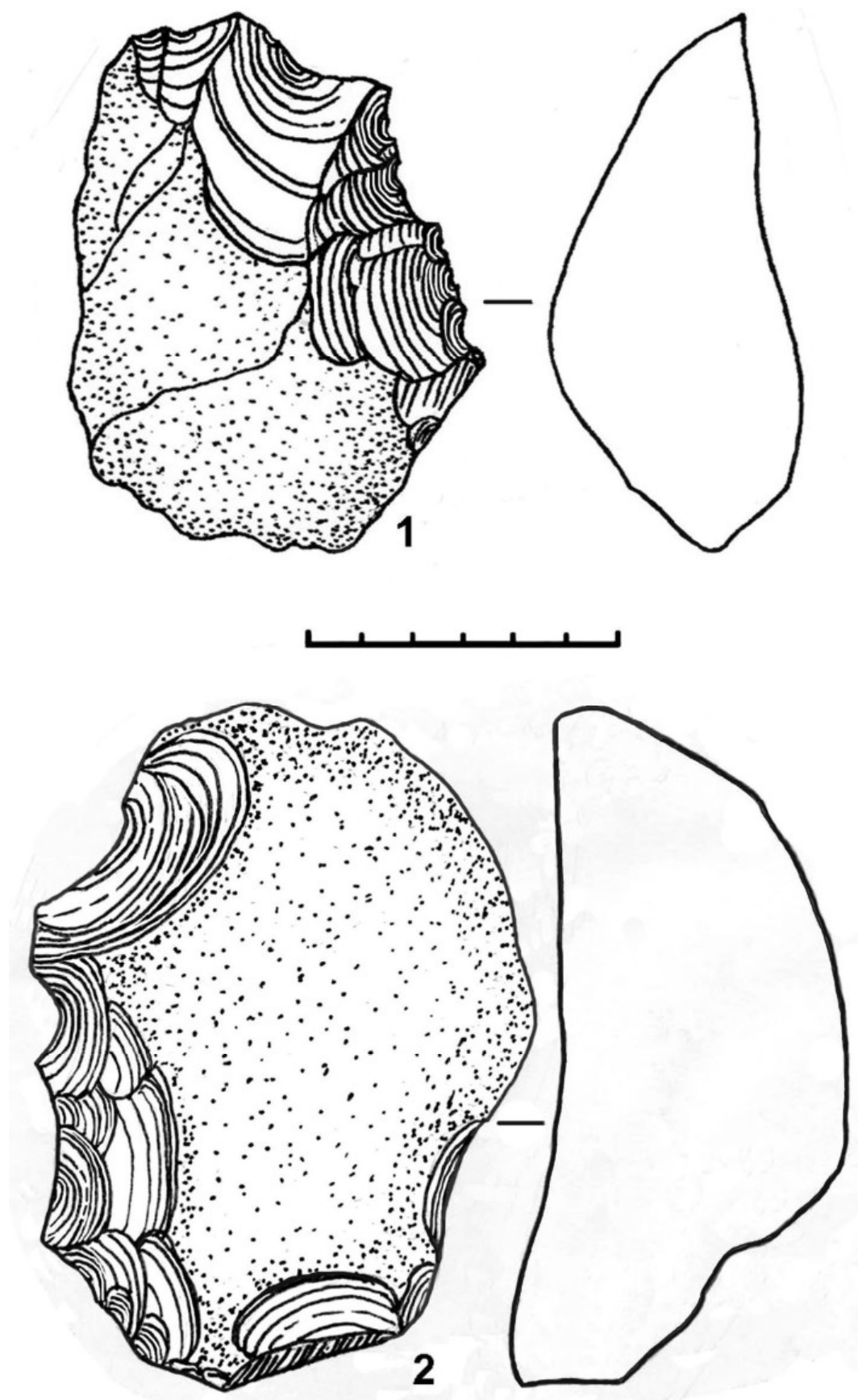

Рис. 35. Яштухское местонахождение. Зубчатые орудия на массивных краевых отщепах

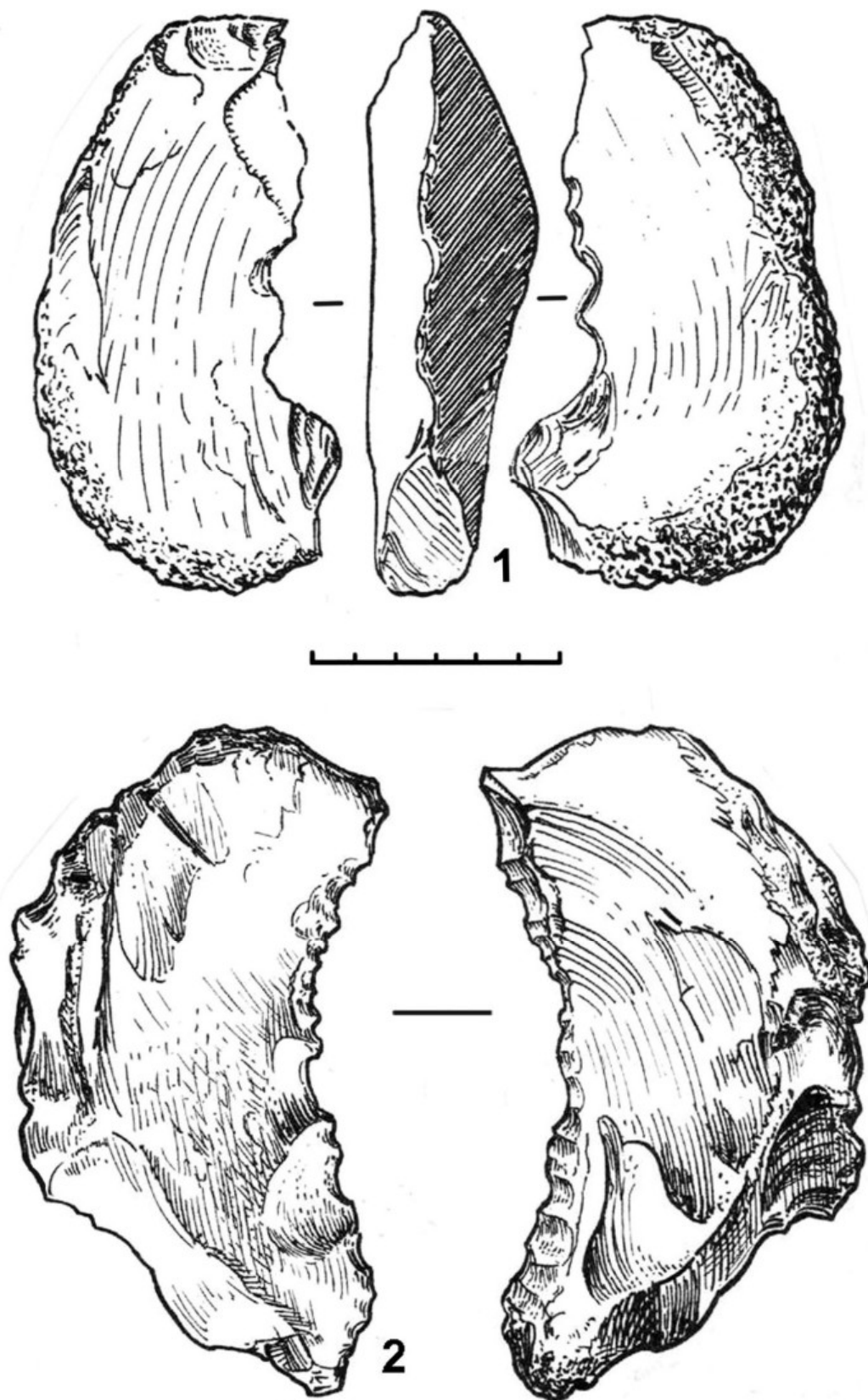

Рис. 36. Яштухское местонахождение. Зубчатые орудия с оббивкой на одном краю и с обушком — на другом (по: [Соловьёв, 1971])

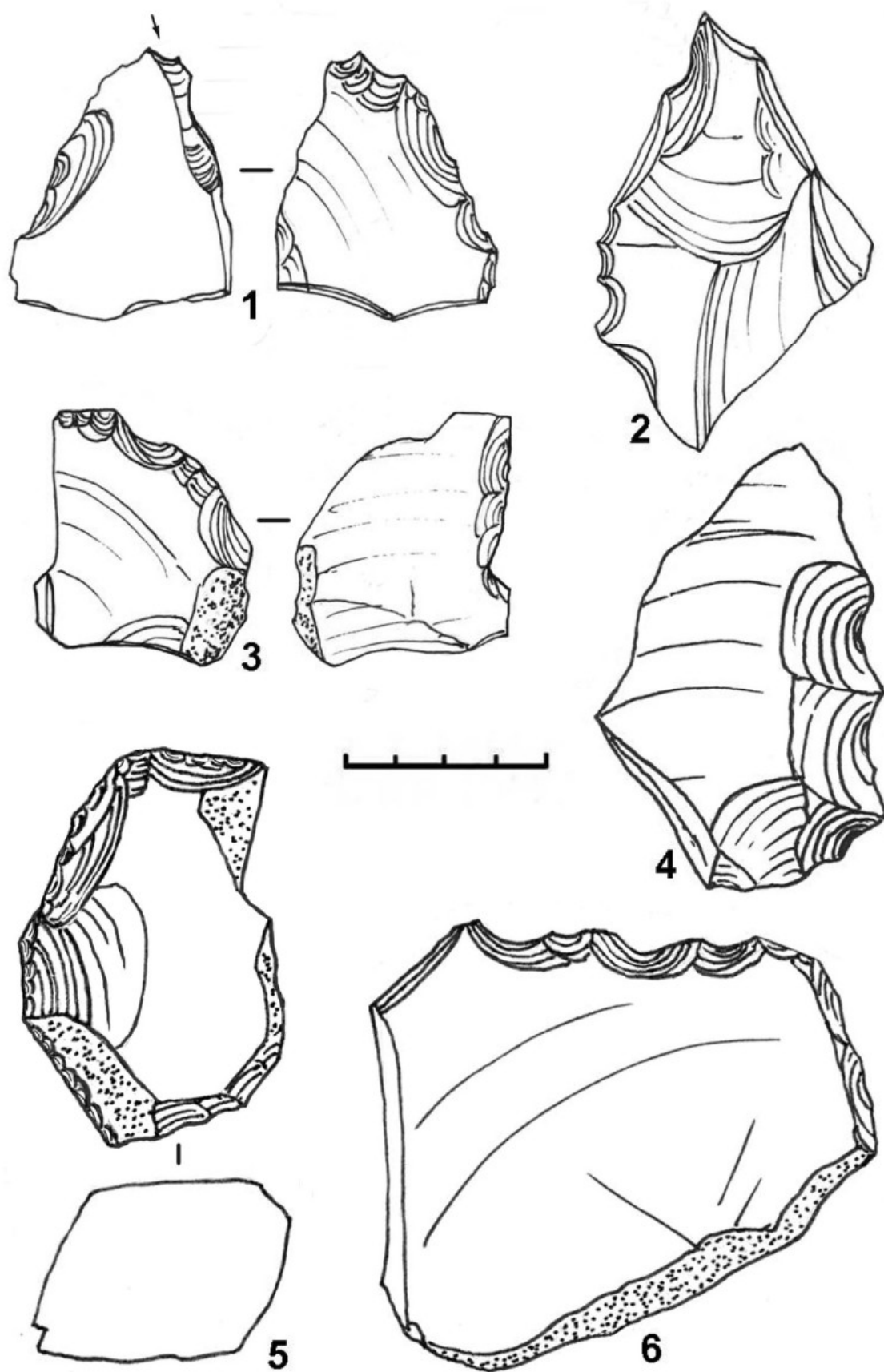

Рис. 37. Яштухское местонахождение:

1, 2, 3, 5 — комбинированные орудия; 4 — орудие с зубцами, выделенными брышковыми выемками; 6 — зубчатое скребло

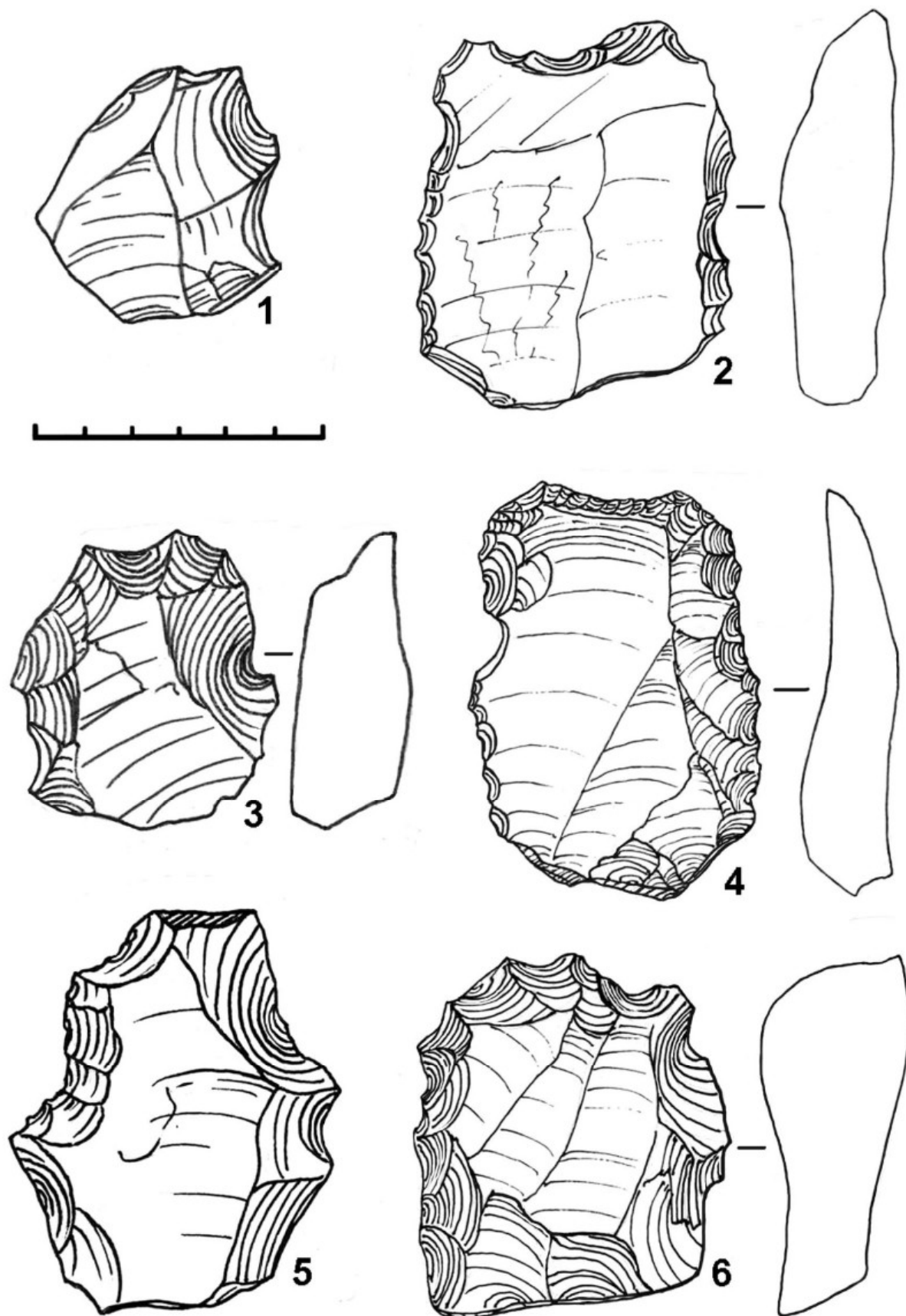

Рис. 38. Яштухское местонахождение:

1, 5 — орудия с зубцами, выделенными смежными выемками; 2, 3, 4, 6 — комбинированные орудия

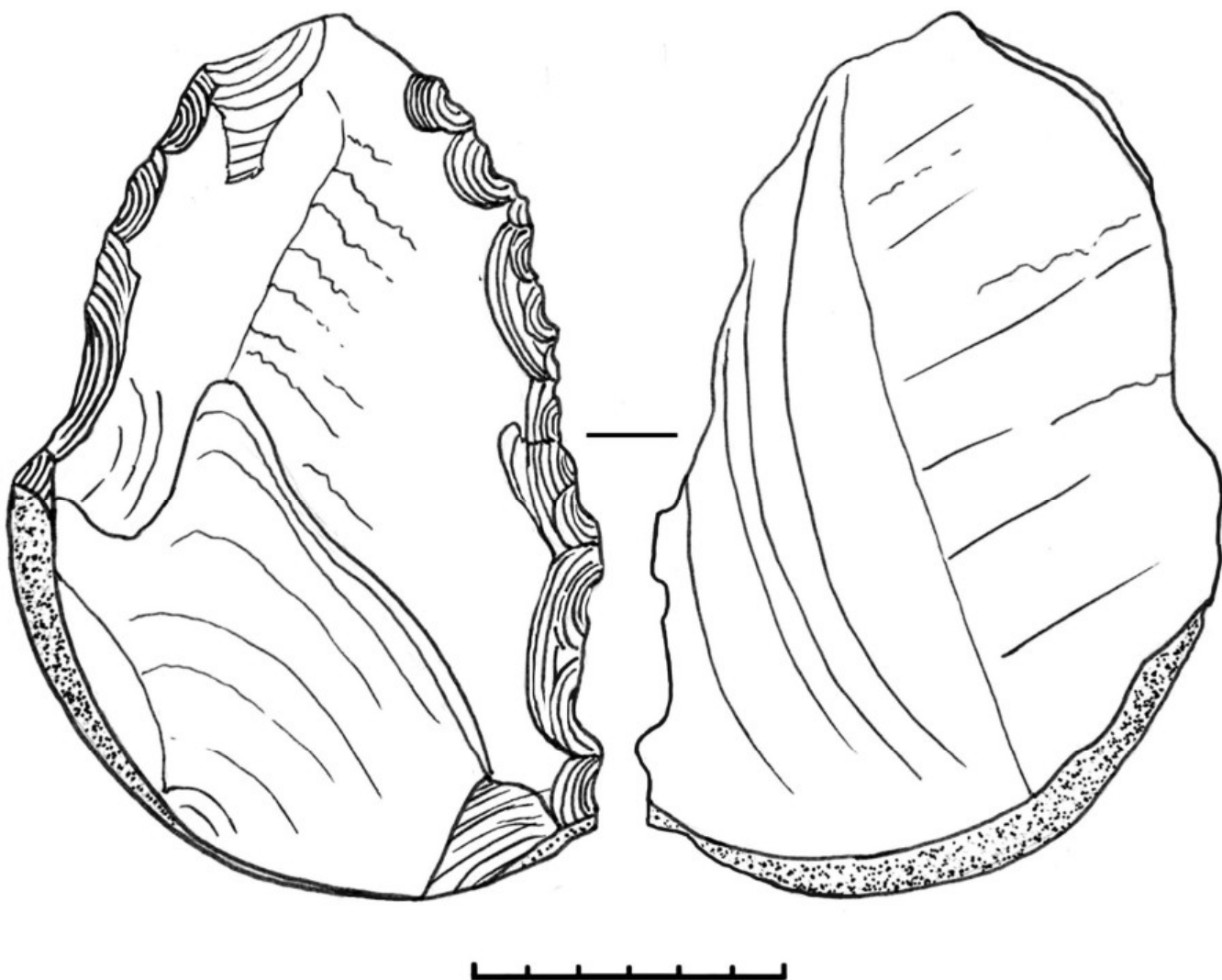

Рис. 39. Яштухское местонахождение. Крупное зубчатое скребло с обушком, оформленным крупной зубчатой ретушью

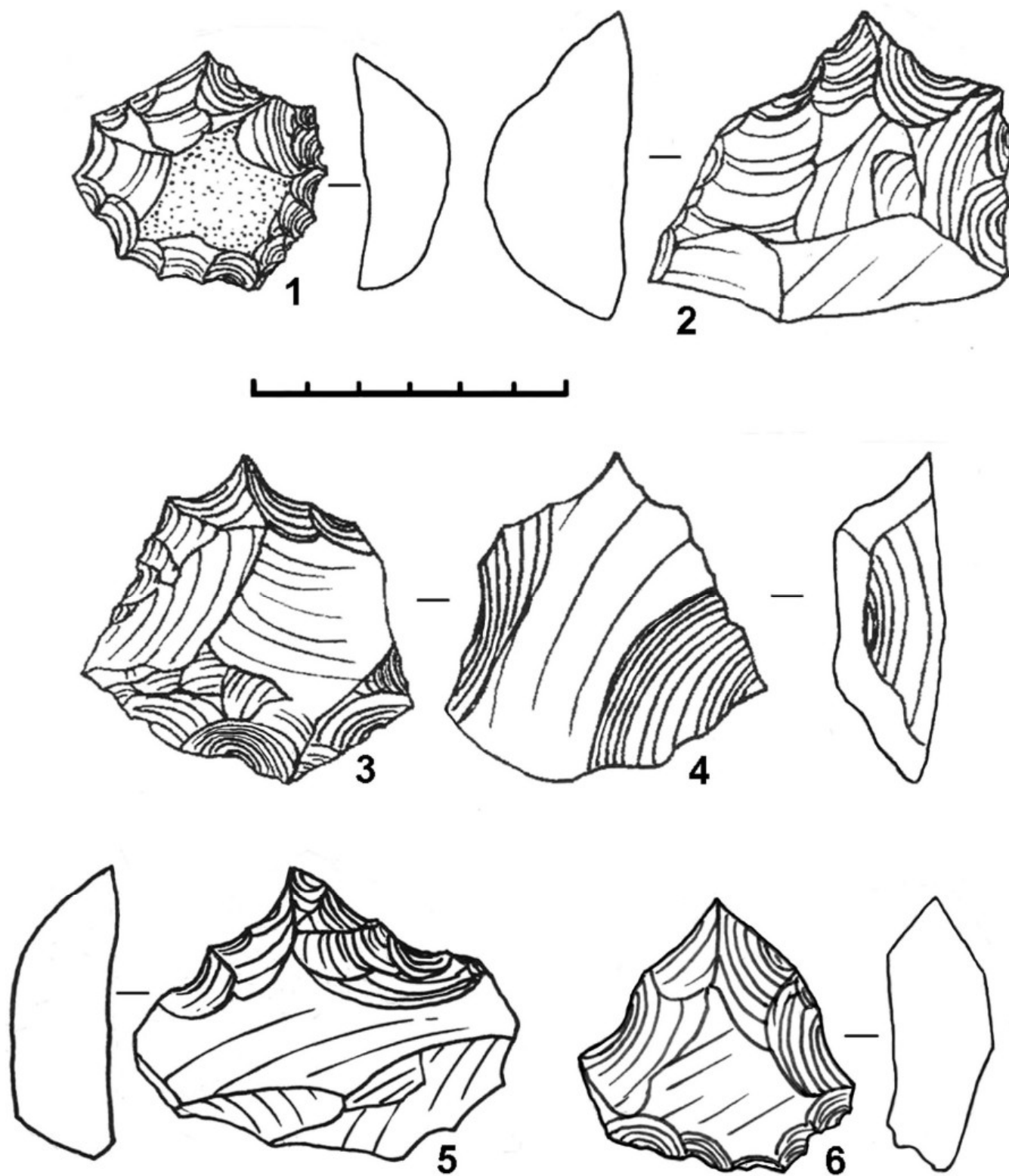

Рис. 40. Яштухское местонахождение. Короткие массивные остря

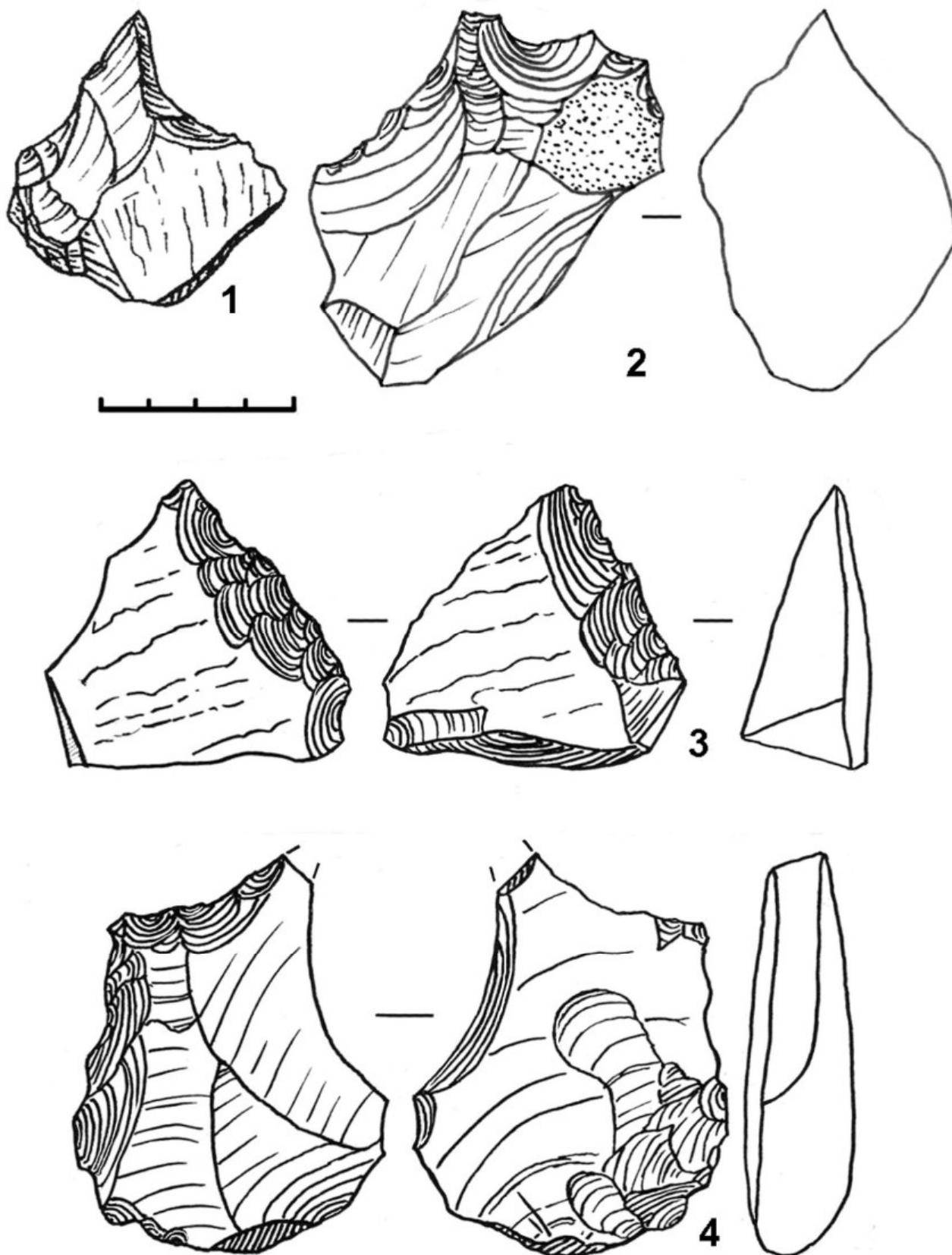

Рис. 41. Яштухское местонахождение. Короткие массивные острия

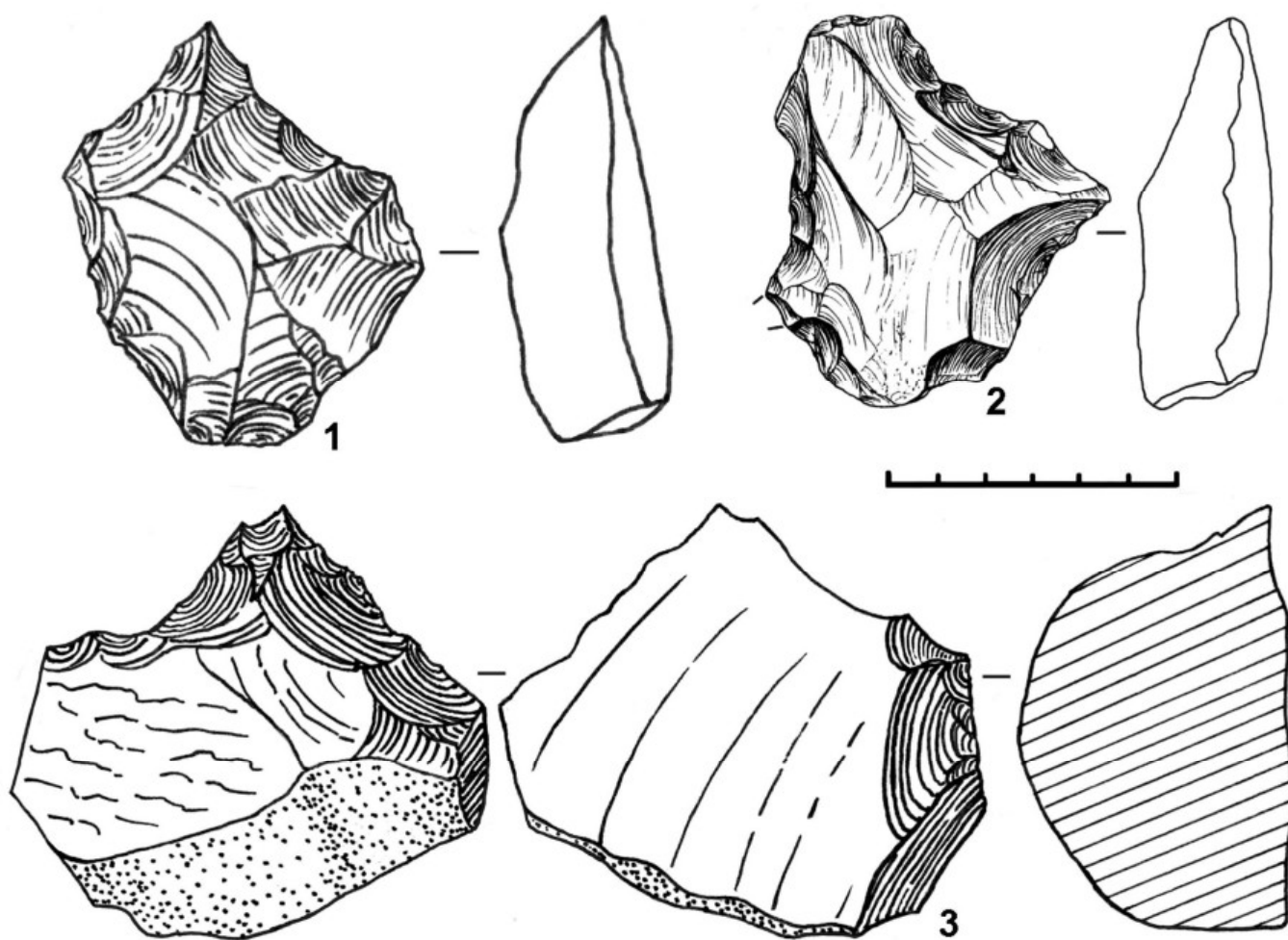

Рис. 42. Яштухское местонахождение. Короткие массивные острия (№ 2 — боковое)

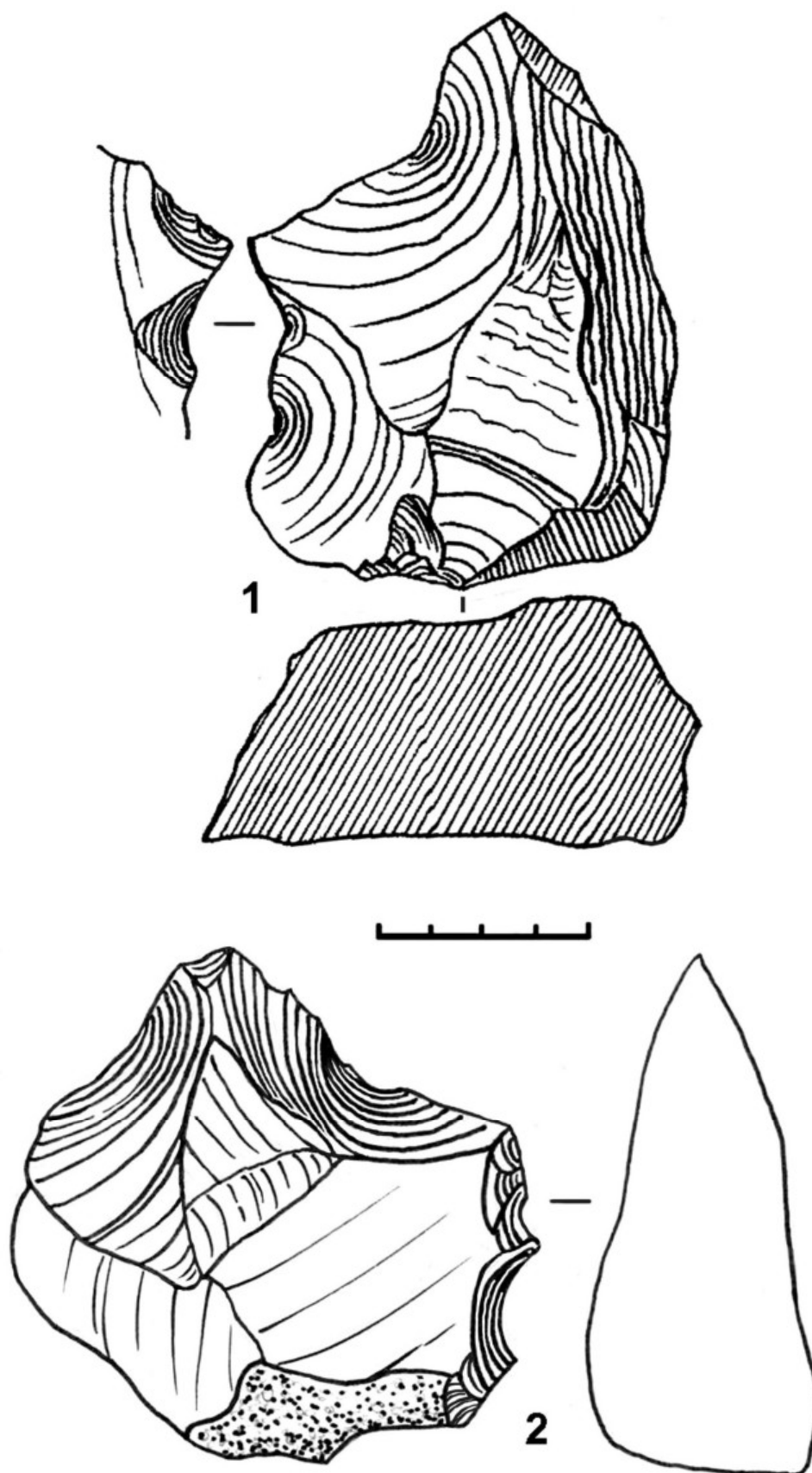

Рис. 43. Яштухское местонахождение. Короткие массивные острия (№ 1 — боковое)

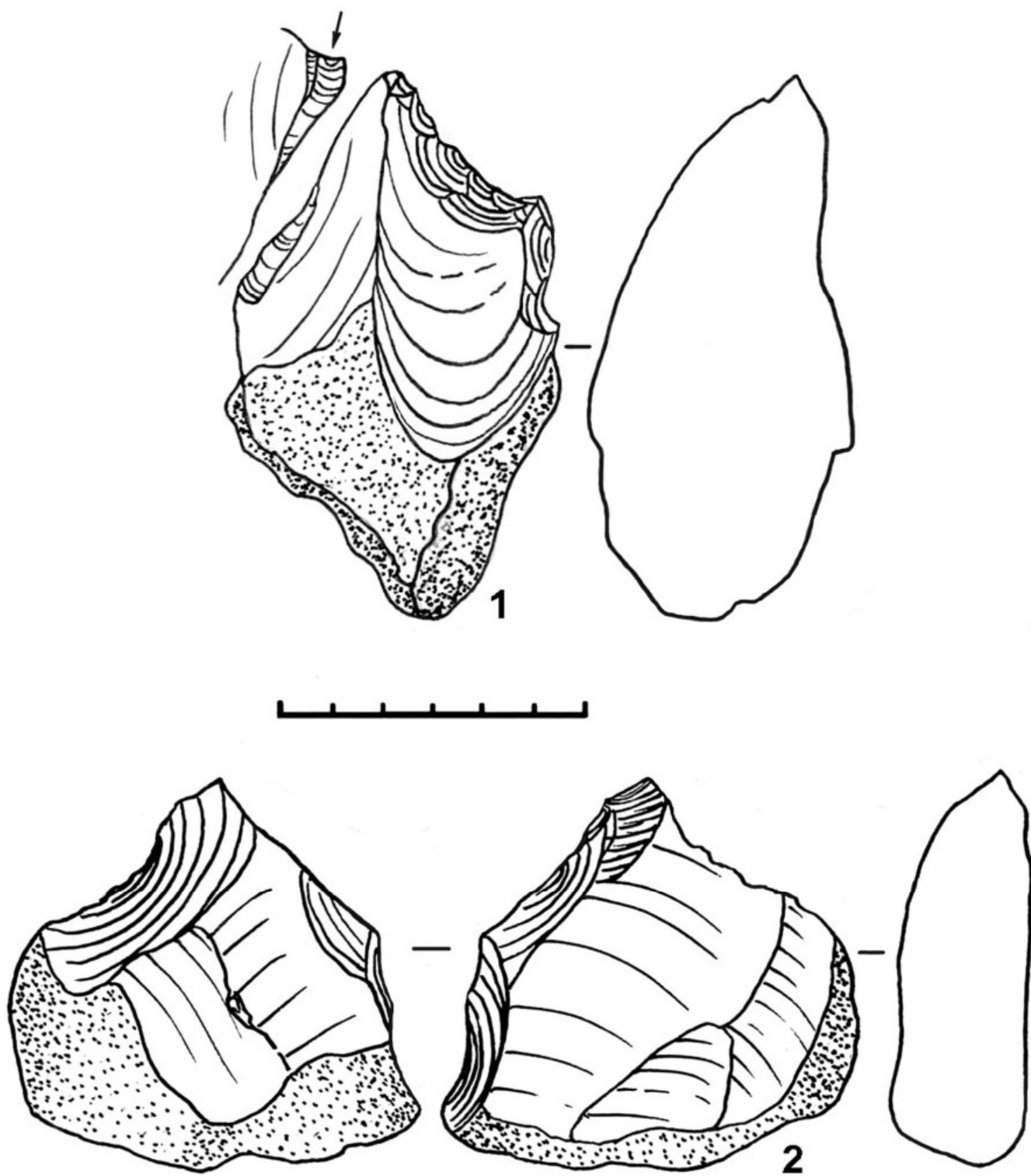

Рис. 44. Яштухское местонахождение. Короткие массивные остря

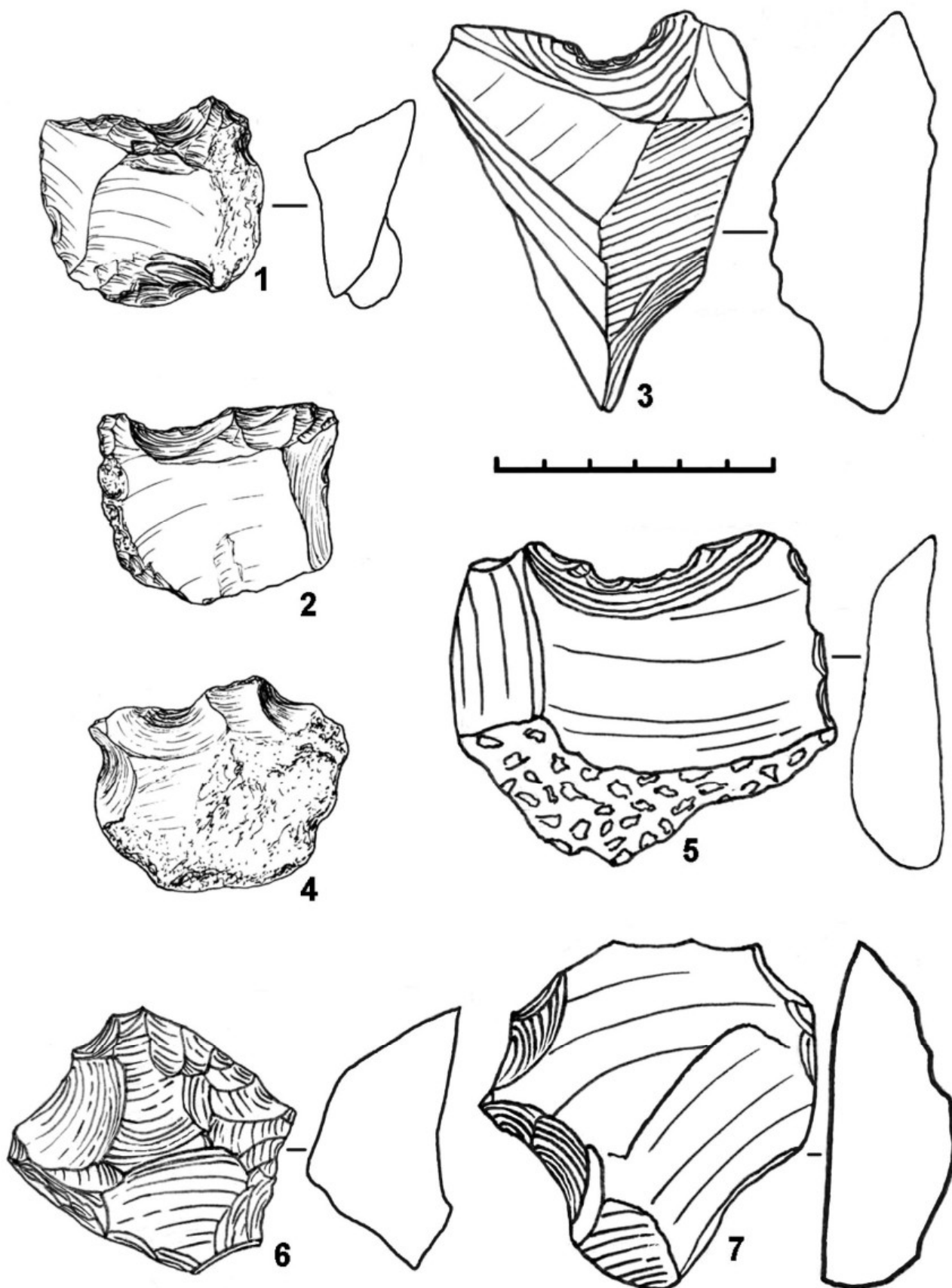

Рис. 45. Яштухское местонахождение:

1—5 — выемчатые орудия; 6, 7 — короткие массивные остря (№ 7 — боковое)

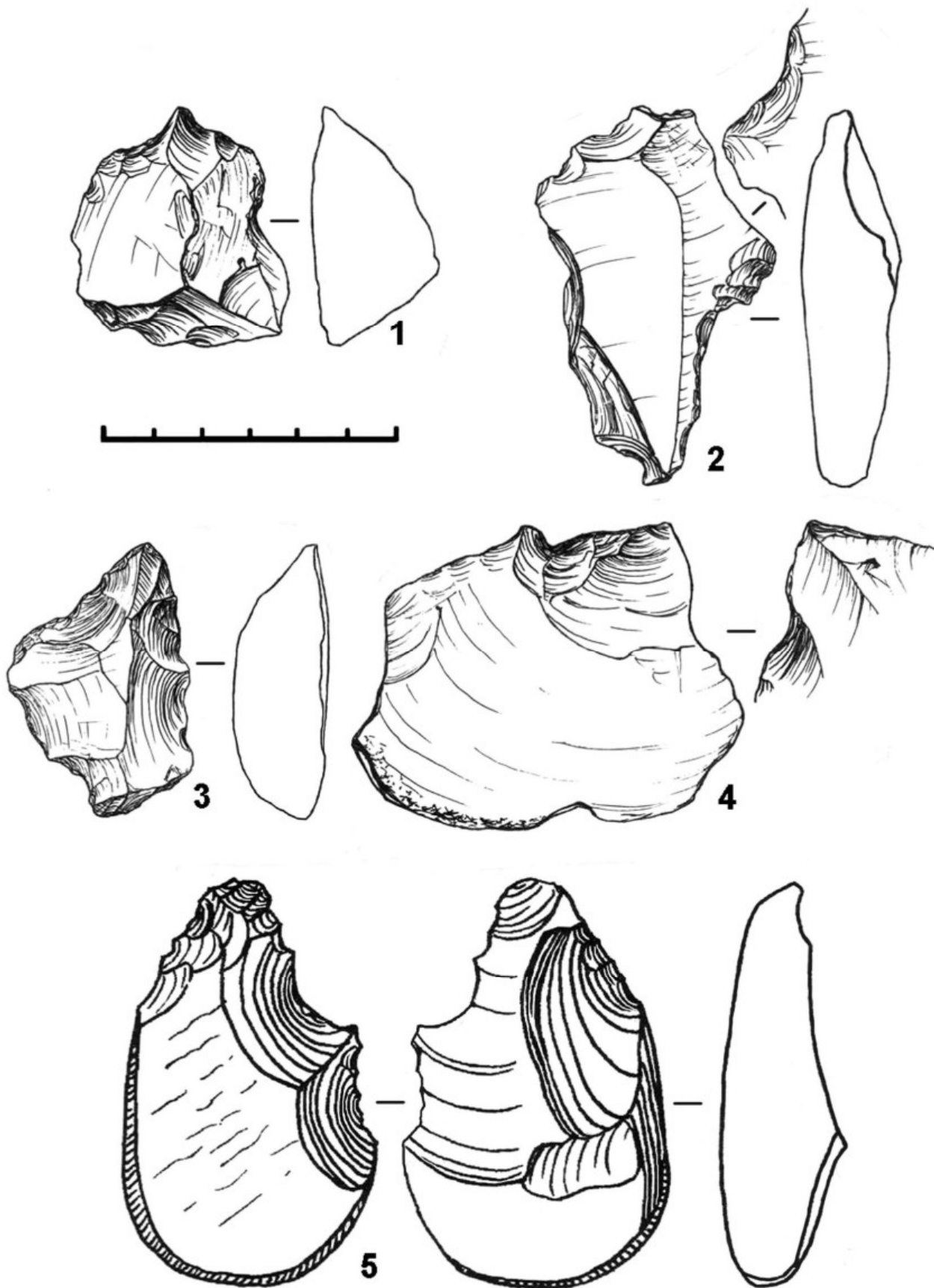

Рис. 46. Яштухское местонахождение:

1, 3, 4 — короткие массивные остря; 2, 5 — комбинированные орудия

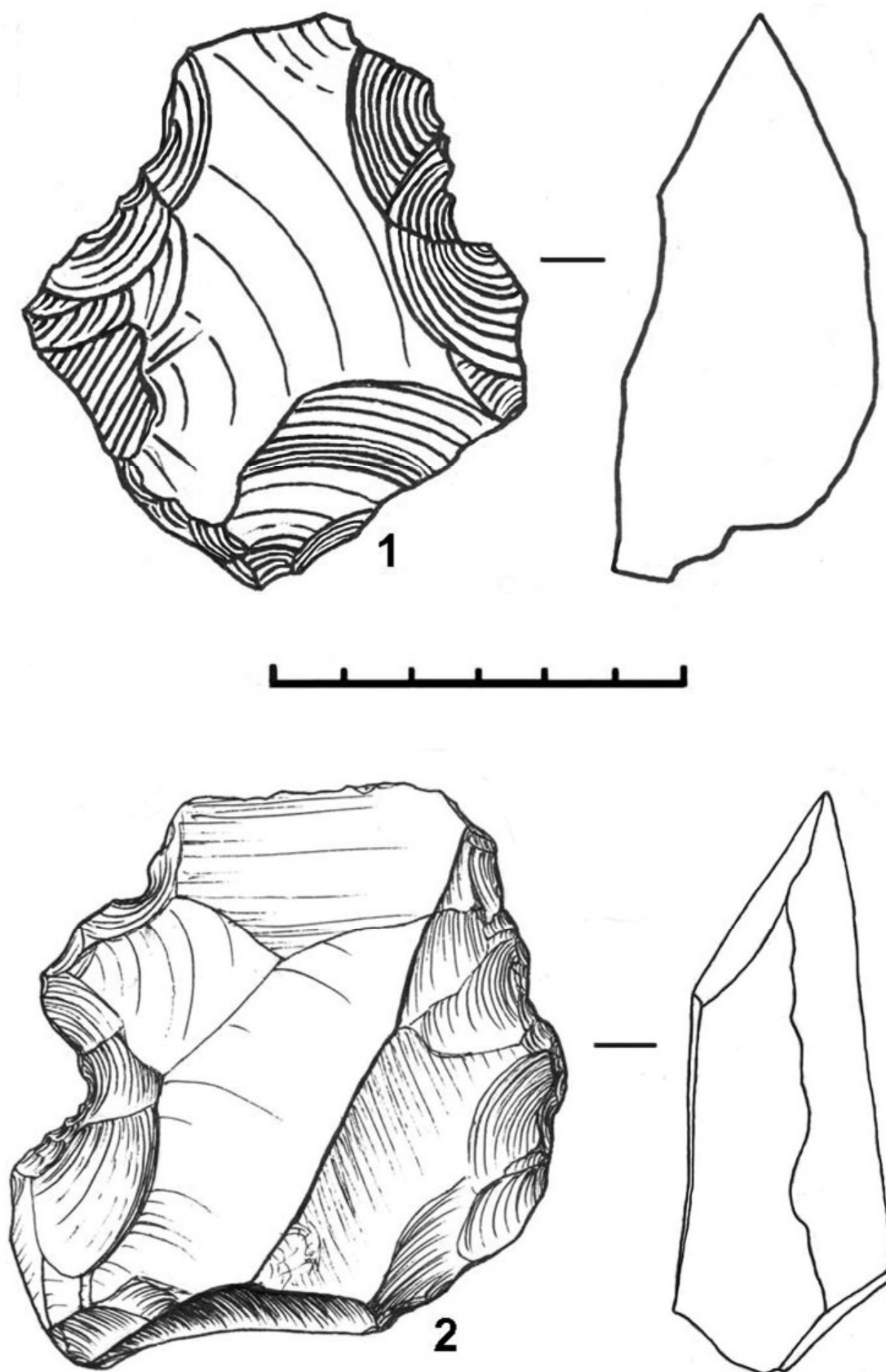

Рис. 47. Яштухское местонахождение. Комбинированные орудия

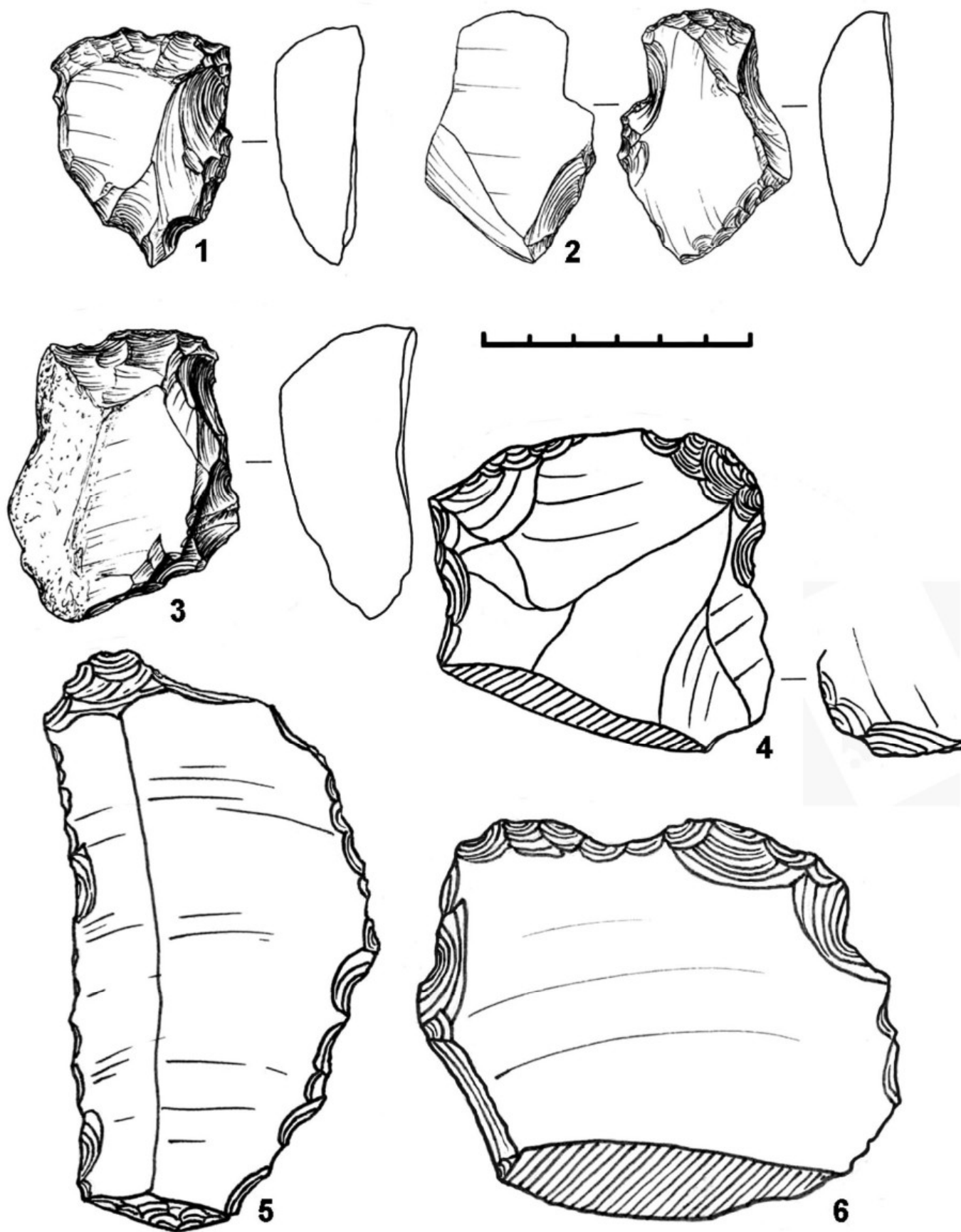

Рис. 48. Яштукское местонахождение. Различные скребковые формы (1, 2, 4–6 — в качестве компонентов комбинированных орудий)

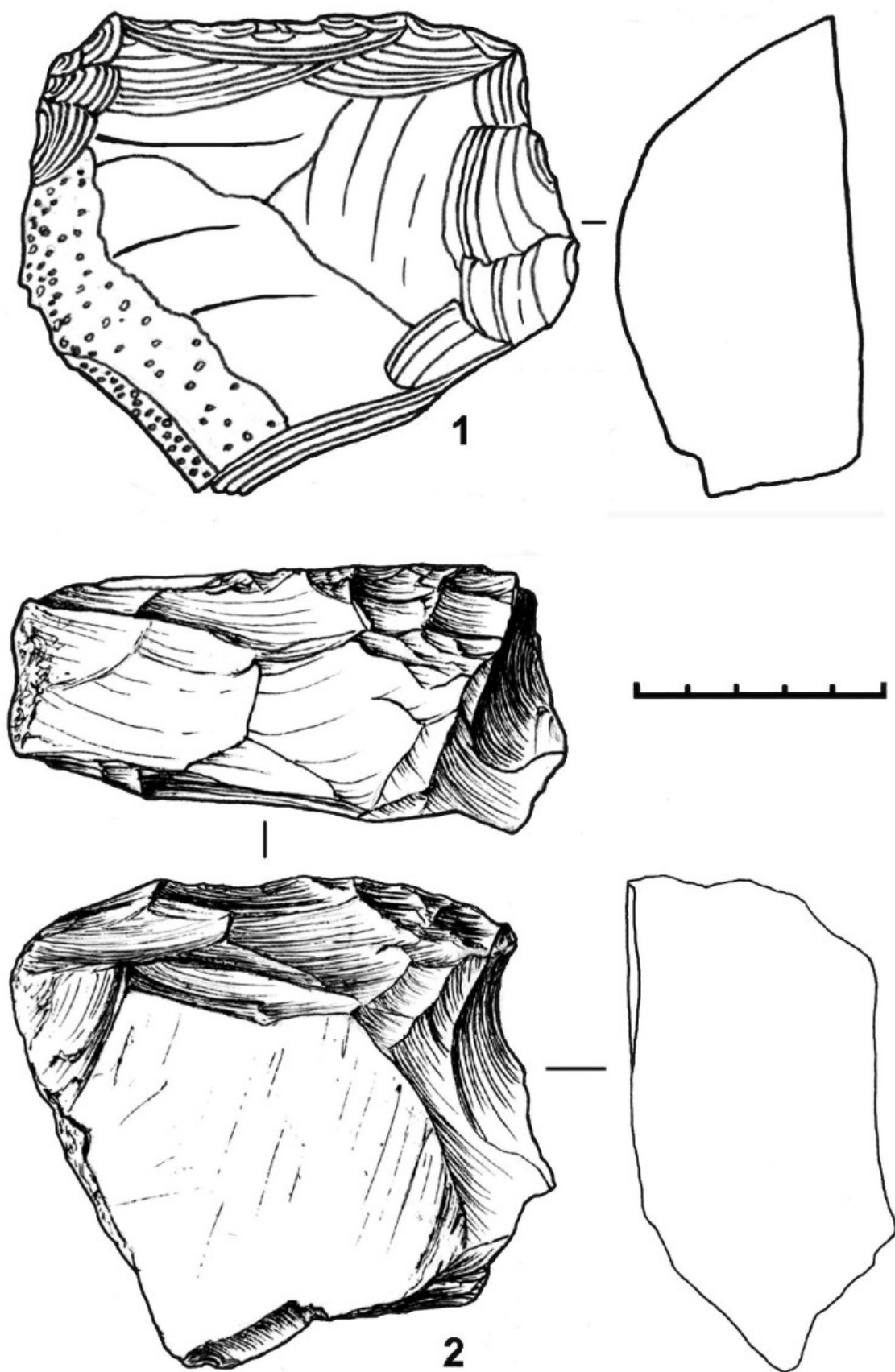

Рис. 49. Яштухское местонахождение. Крупные массивные скрёбла

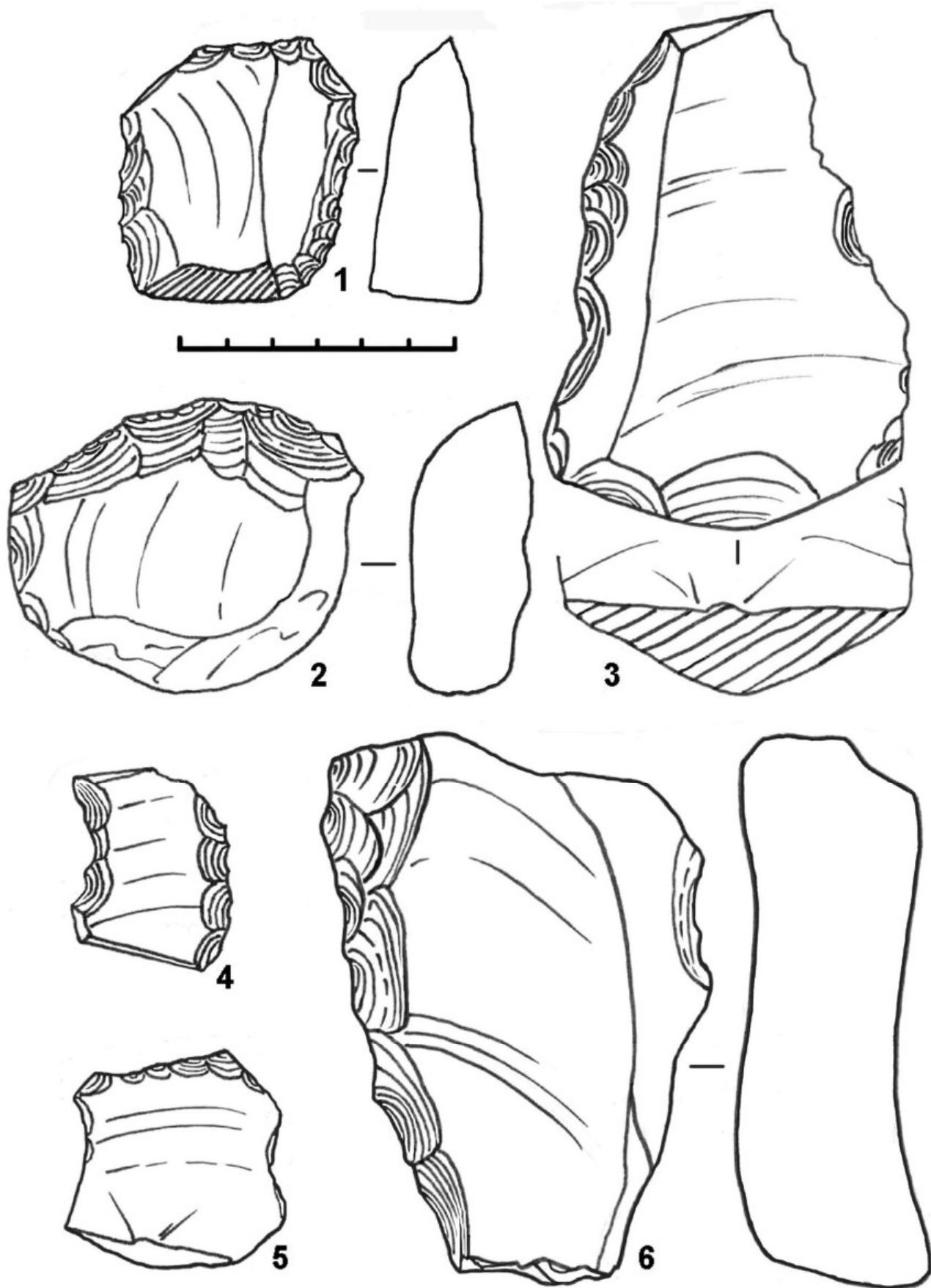

Рис. 50. Яштухское местонахождение. Яштух. Скрёбла

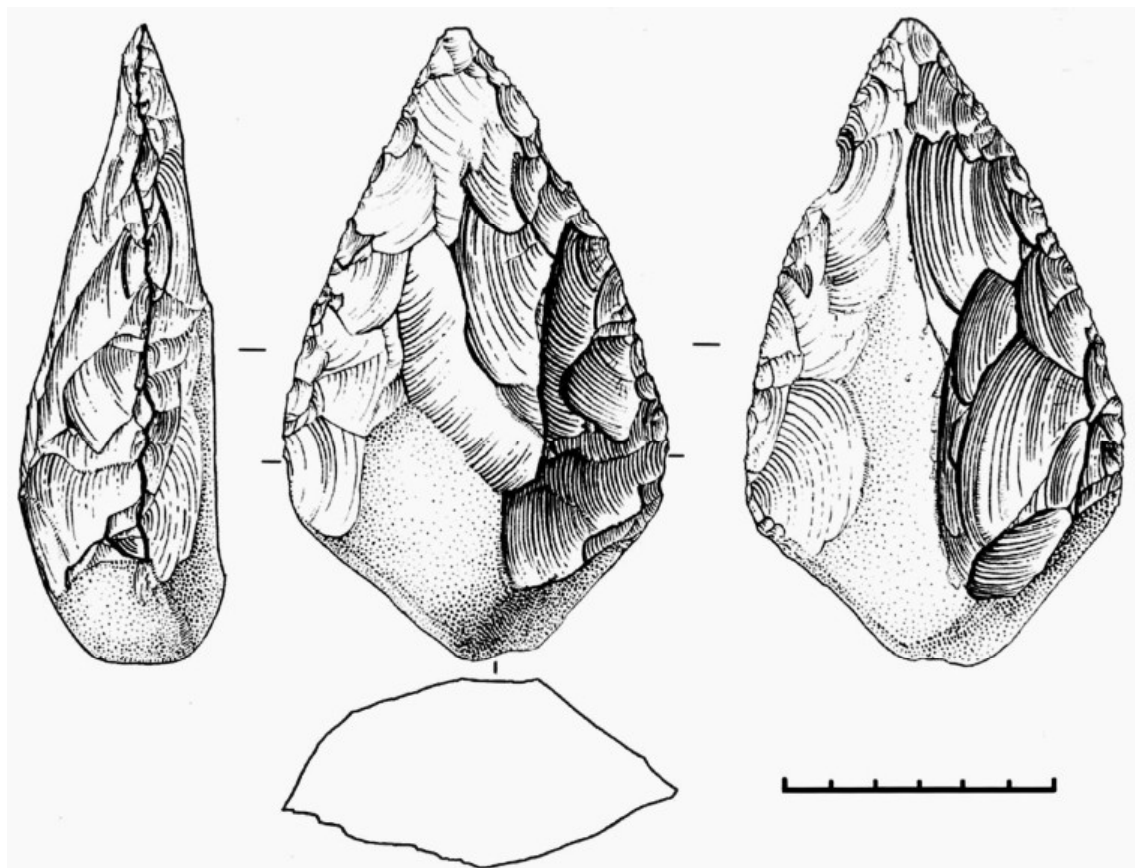

Рис. 51. Стоянка Широкий Мыс близ Туапсе. Ручное рубило (по: [Щелинский, 2007])

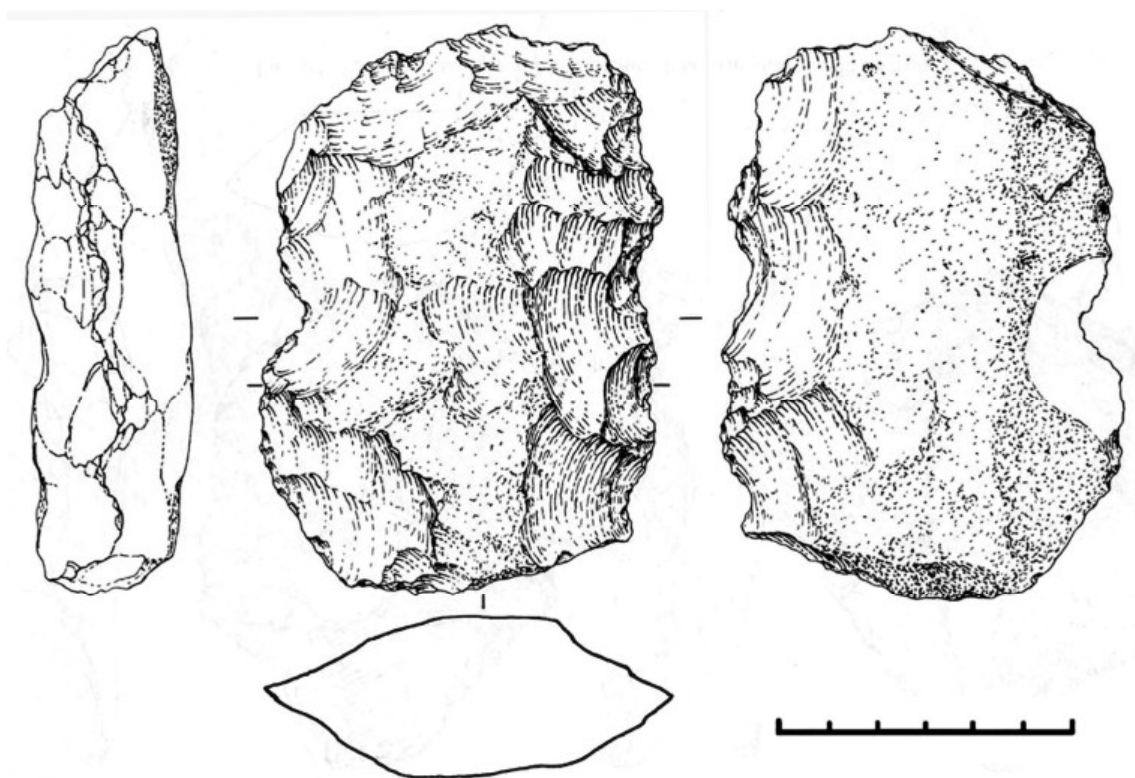

Рис. 52. Адербиевское местонахождение близ Геленджика. Ручное рубило с поперечным дистальным лезвием (по: [Щелинский, 2007])

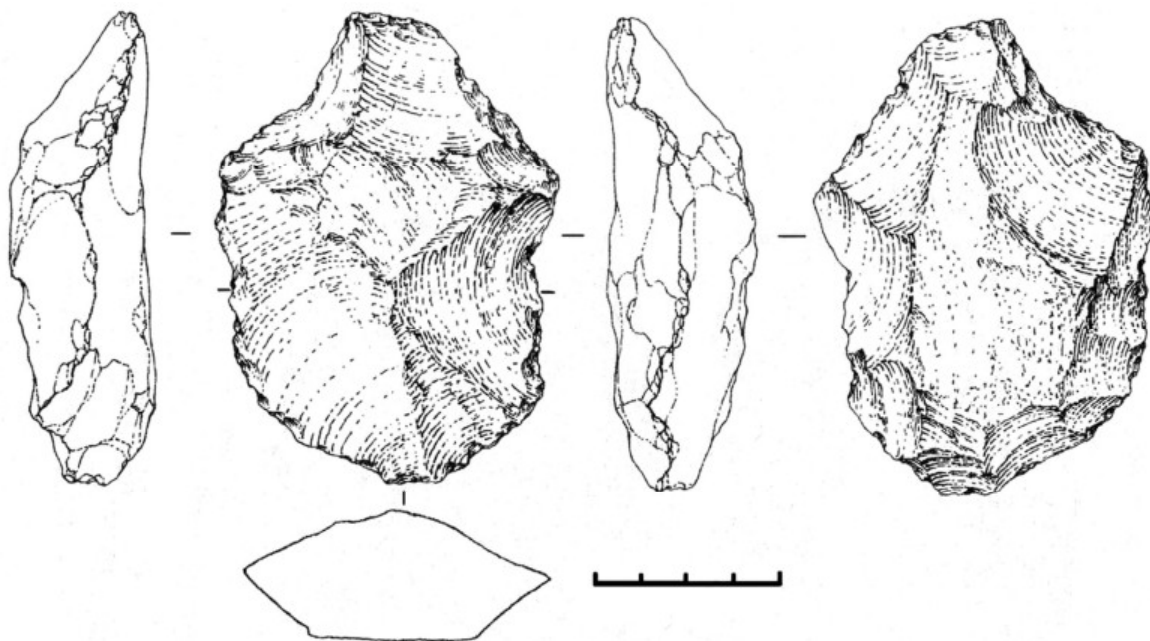

Рис. 53. Адербиевское местонахождение близ Геленджика. Ручное рубило с дистальным концом, зауженным выемками (с «плечиками») (по: [Щелинский, 2007])

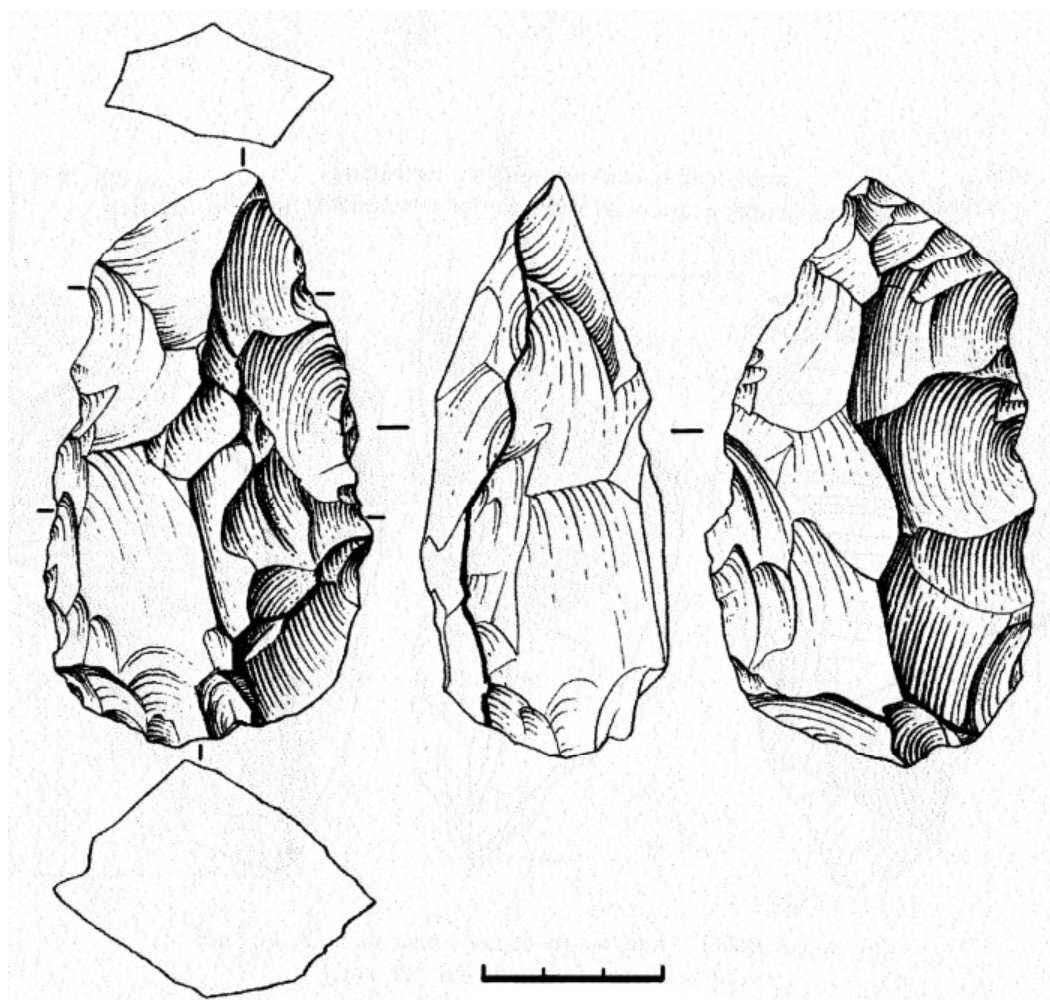

Рис. 54. Адербиевское местонахождение близ Геленджика. Двойковыпуклое рубильце (по: [Щелинский, 2007])

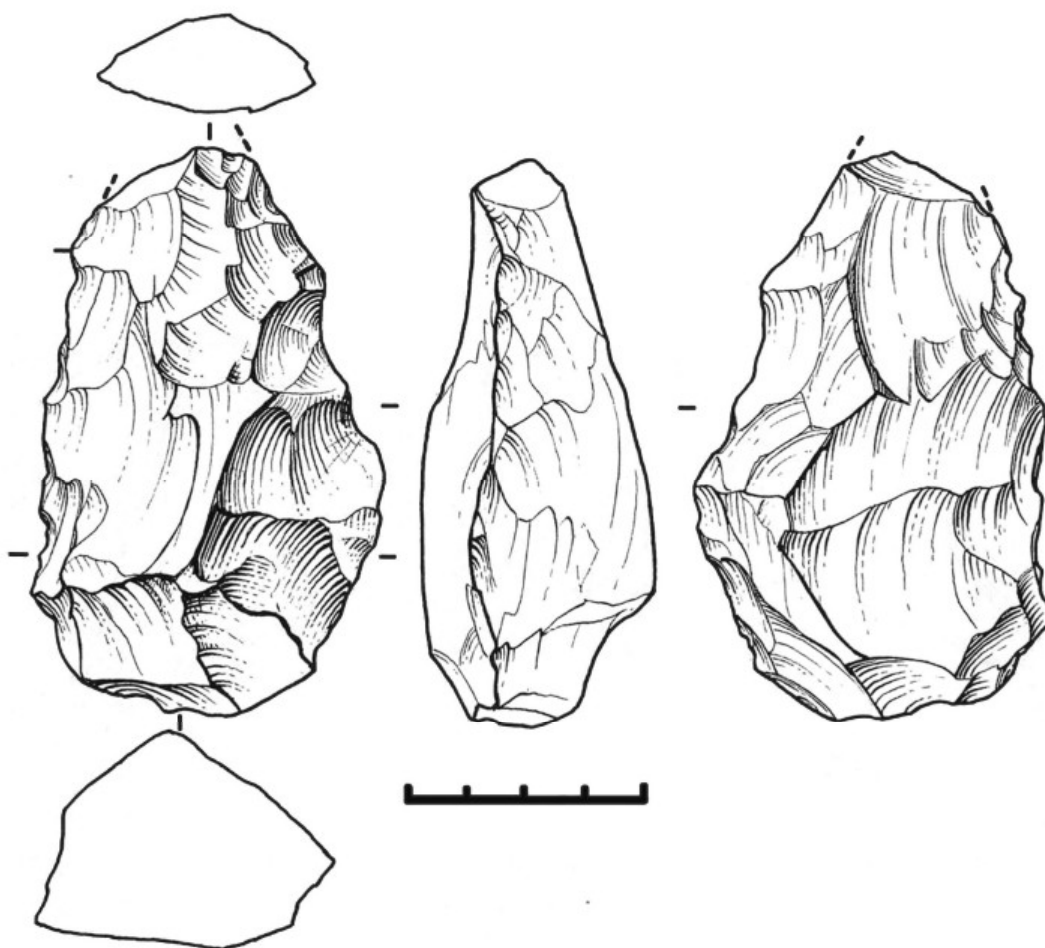

Рис. 55. Адербиевское местонахождение близ Геленджика. Плоско-выпуклое рубильце (по: [Щелинский, 2007])

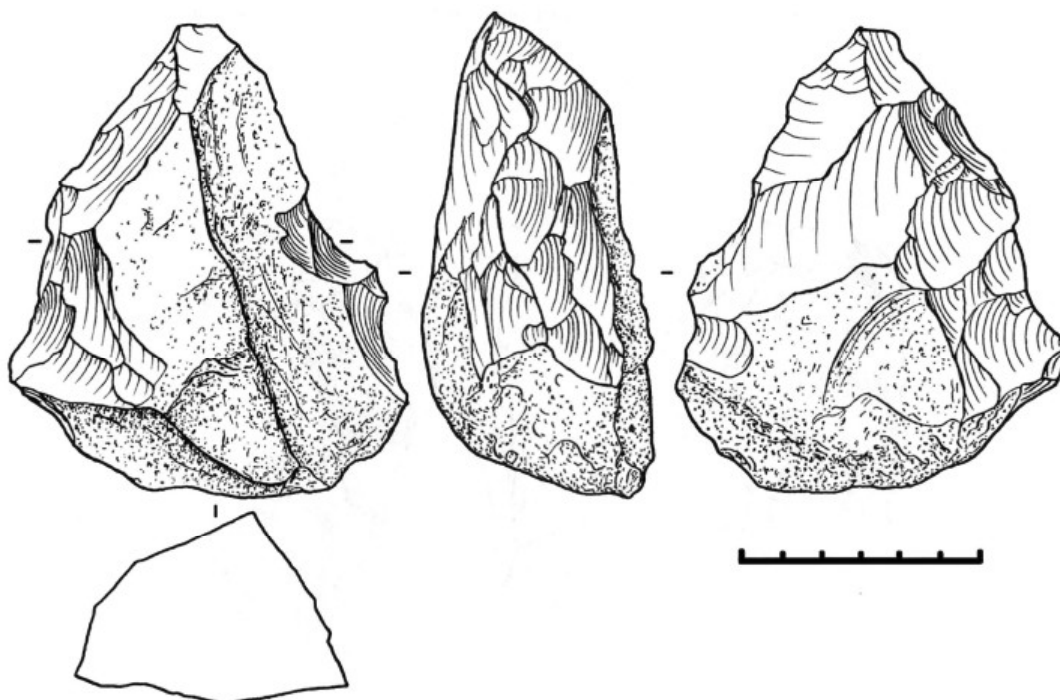

Рис. 56. Адербиевское местонахождение близ Геленджика. Пиковидное орудие (триэдр) (по: [Щелинский, 2007])

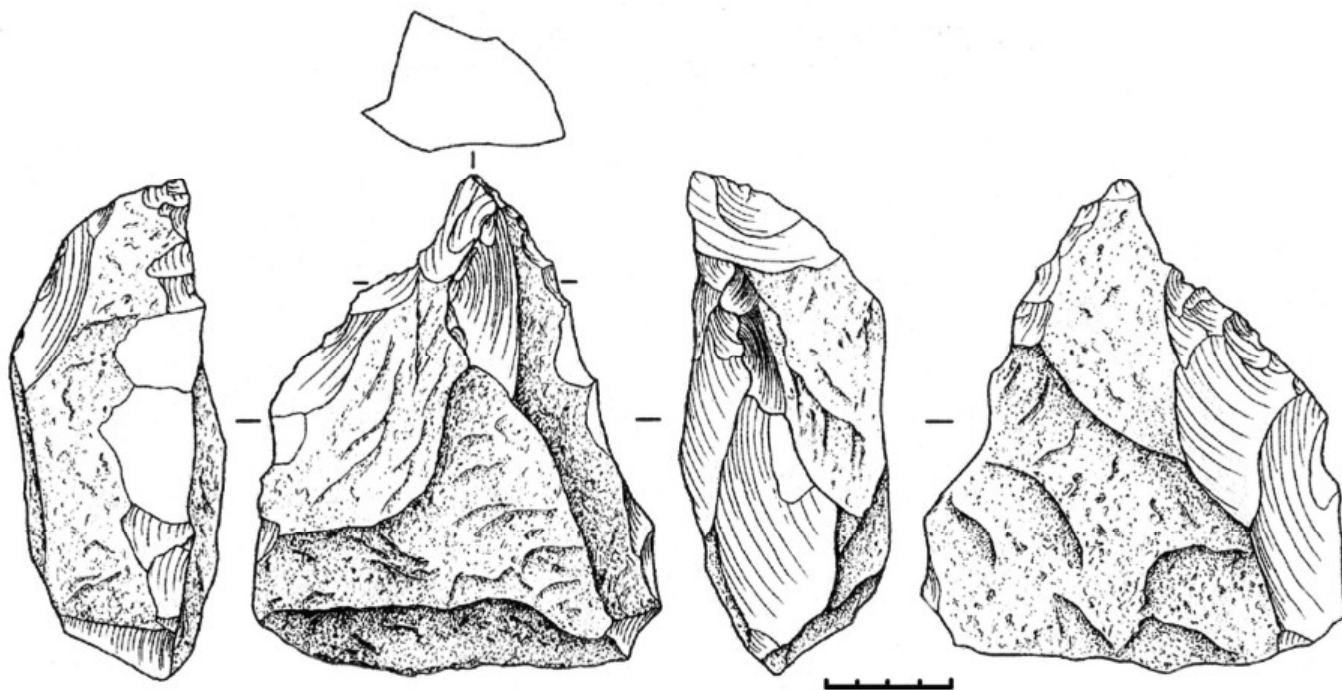

Рис. 57. Адербиевское местонахождение близ Геленджика. Пиковидное орудие (триэдр) (по: [Щелинский, 2007])

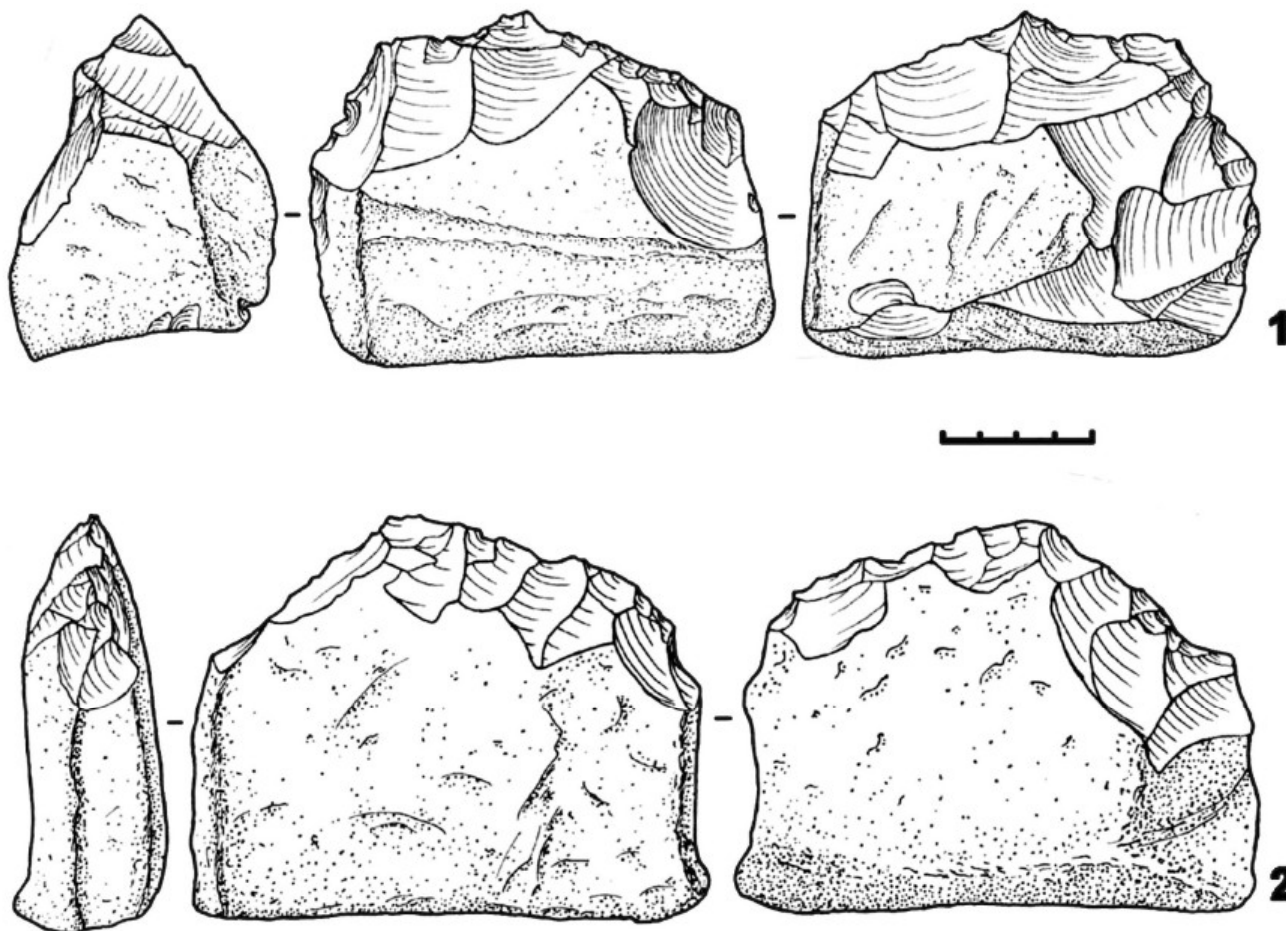

Рис. 58. Адербиевское местонахождение близ Геленджика. Боковые чопинги со слабовыраженным острием (по: [Щелинский, 2007])

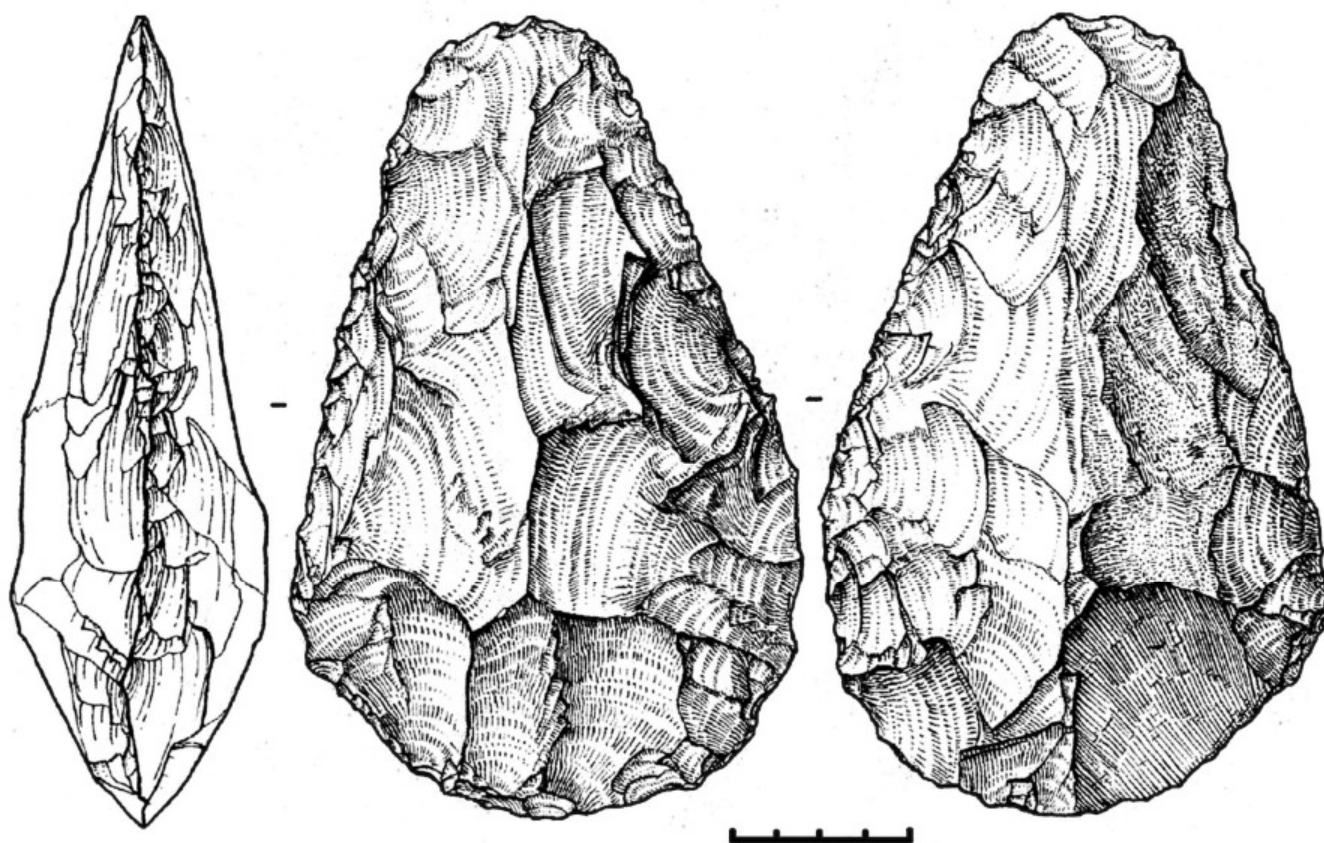

Рис. 59. Местонахождение Кадошский мыс близ Туапсе. Ручное рубило (по: [Щелинский, 2007])

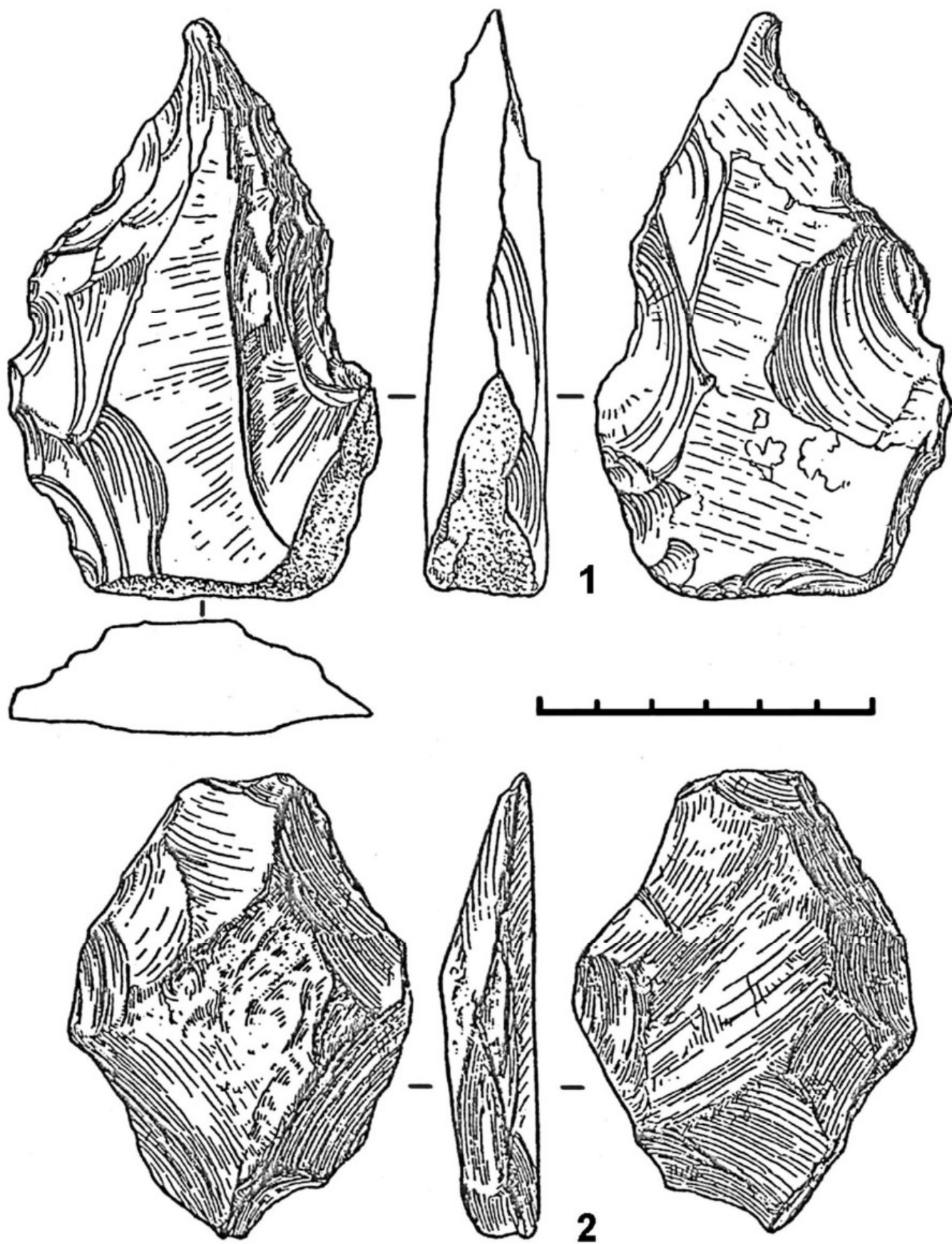

Рис. 60. Ахштырская пещера. Ручные рубила (по: [Векилова, Грищенко, 1972])

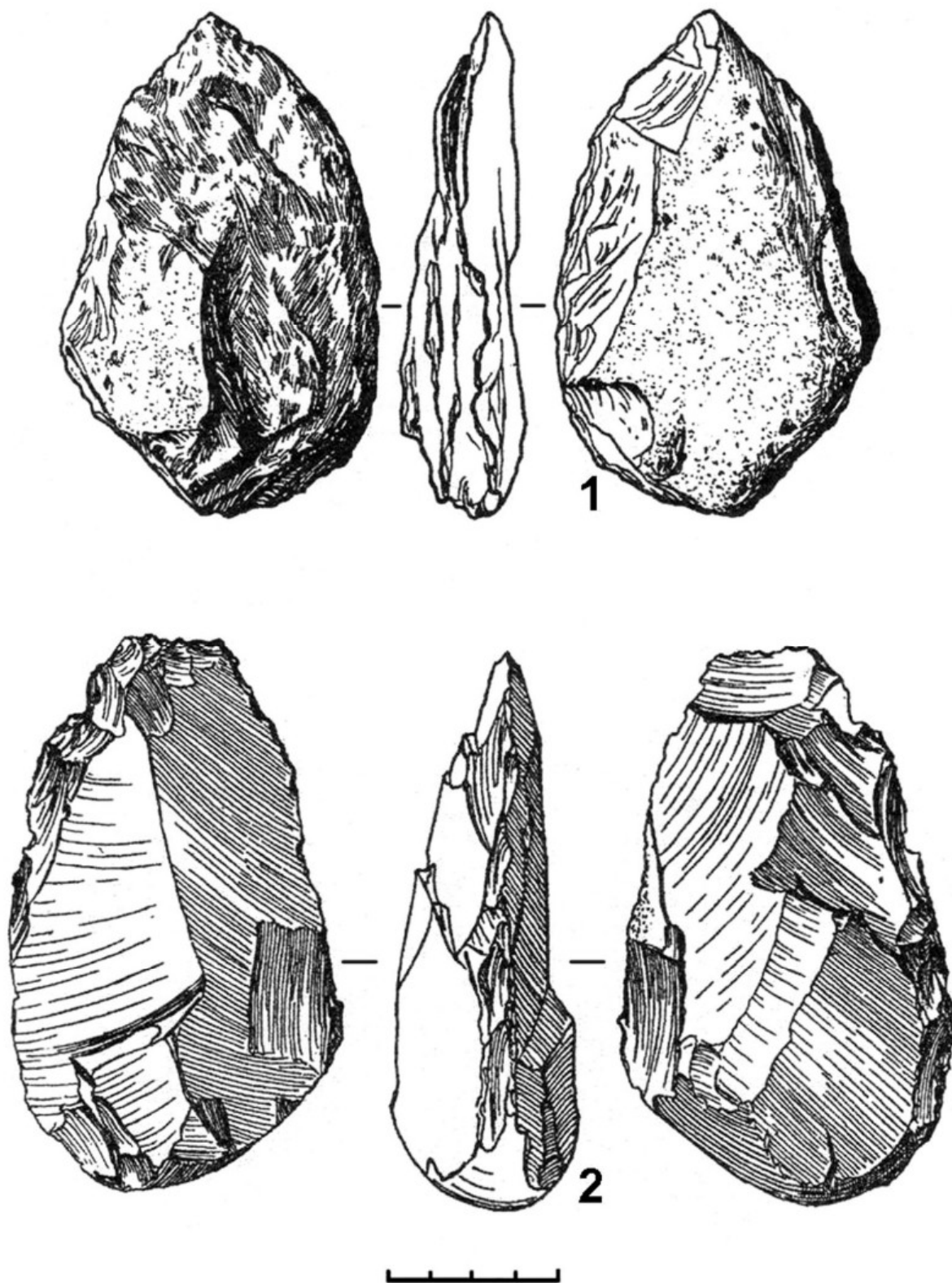

Рис. 61. Ахштырская пещера. Ручные рубила (по: [Замятин, 1961])

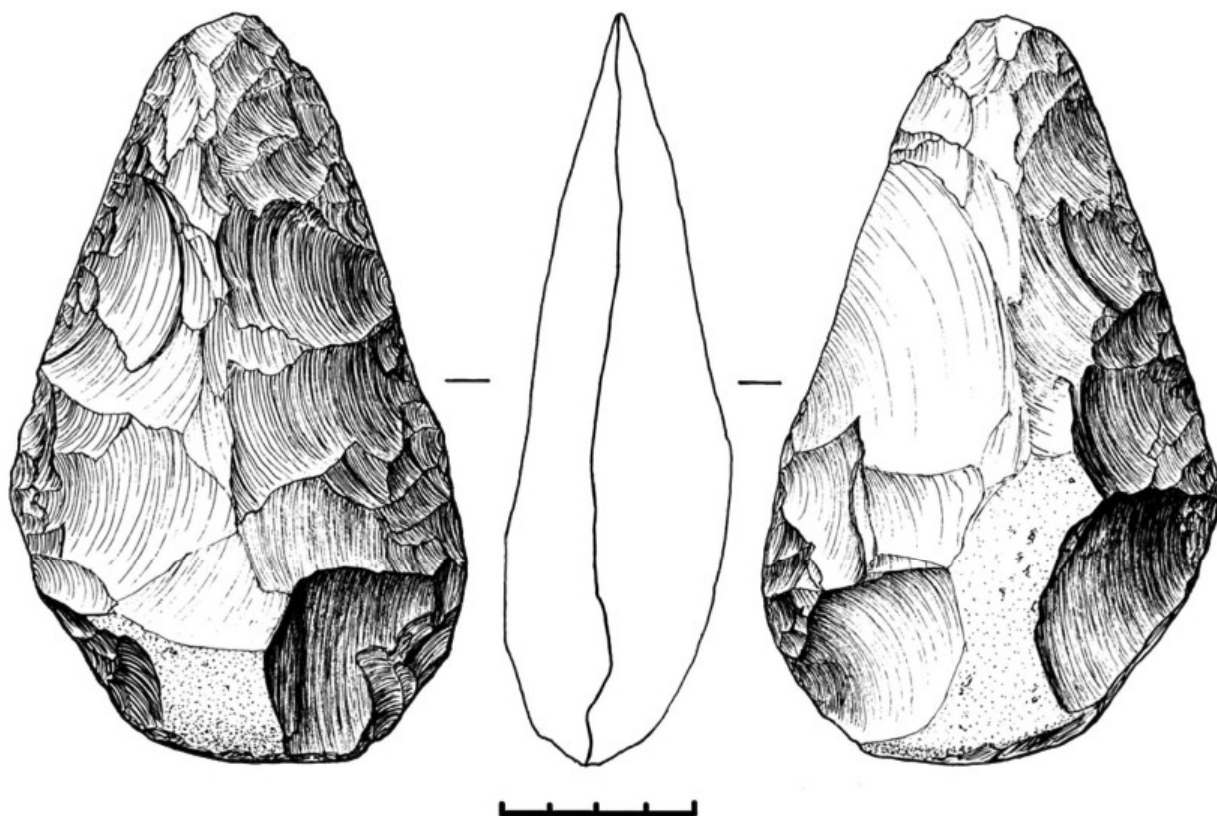

Рис. 62. Кяласур (Келасури). Сердцевидное ручное рубило (находка Г. А. Амичба [Амичба, Габелия, 2001])

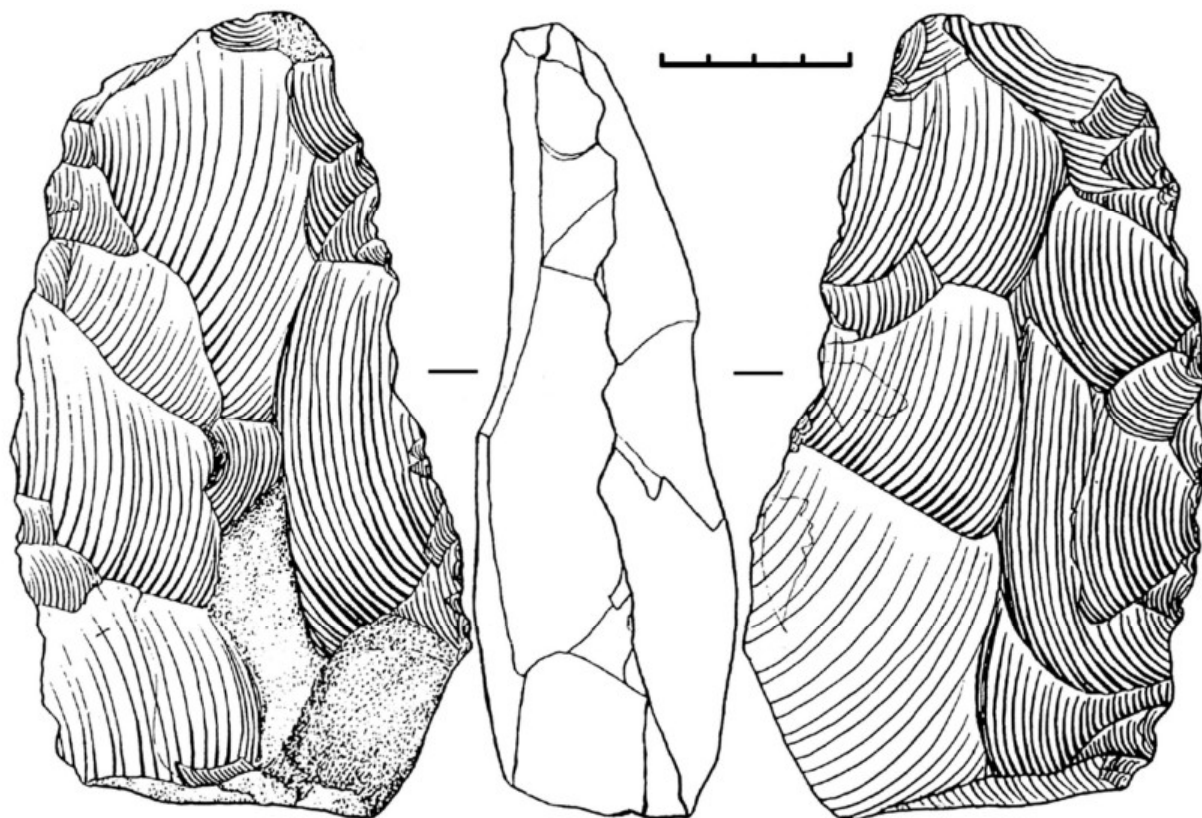

Рис. 63. Речхи (Южная Абхазия). Крупное ручное рубило подпрямоугольных очертаний (по: [Замятнин, 1961])

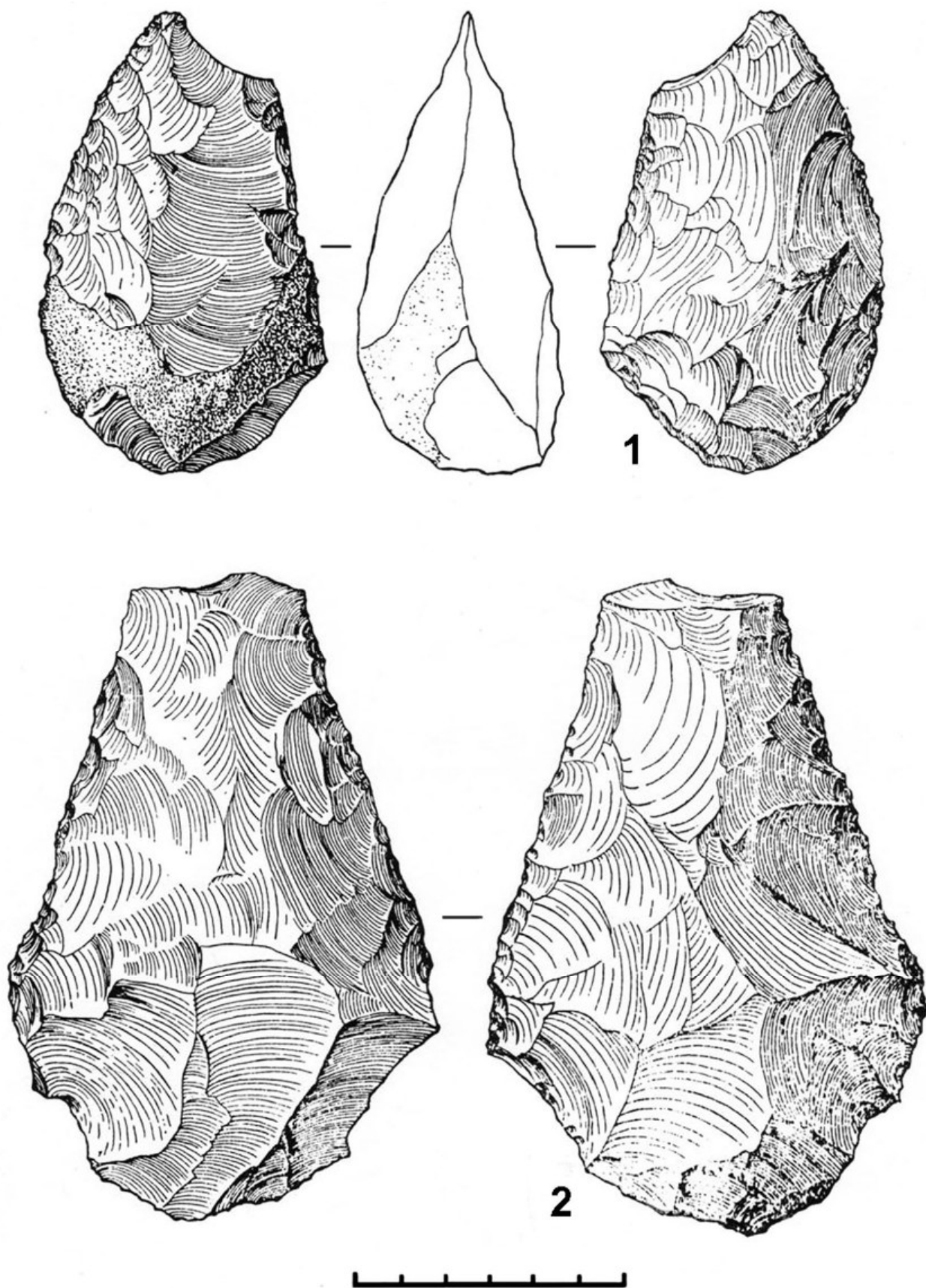

Рис. 64. Ручные рубила из Южной Абхазии:

1 — миндалевидное (Ачигвары); 2 — с древними повреждениями (Гали) (по: [Замятин, 1961])

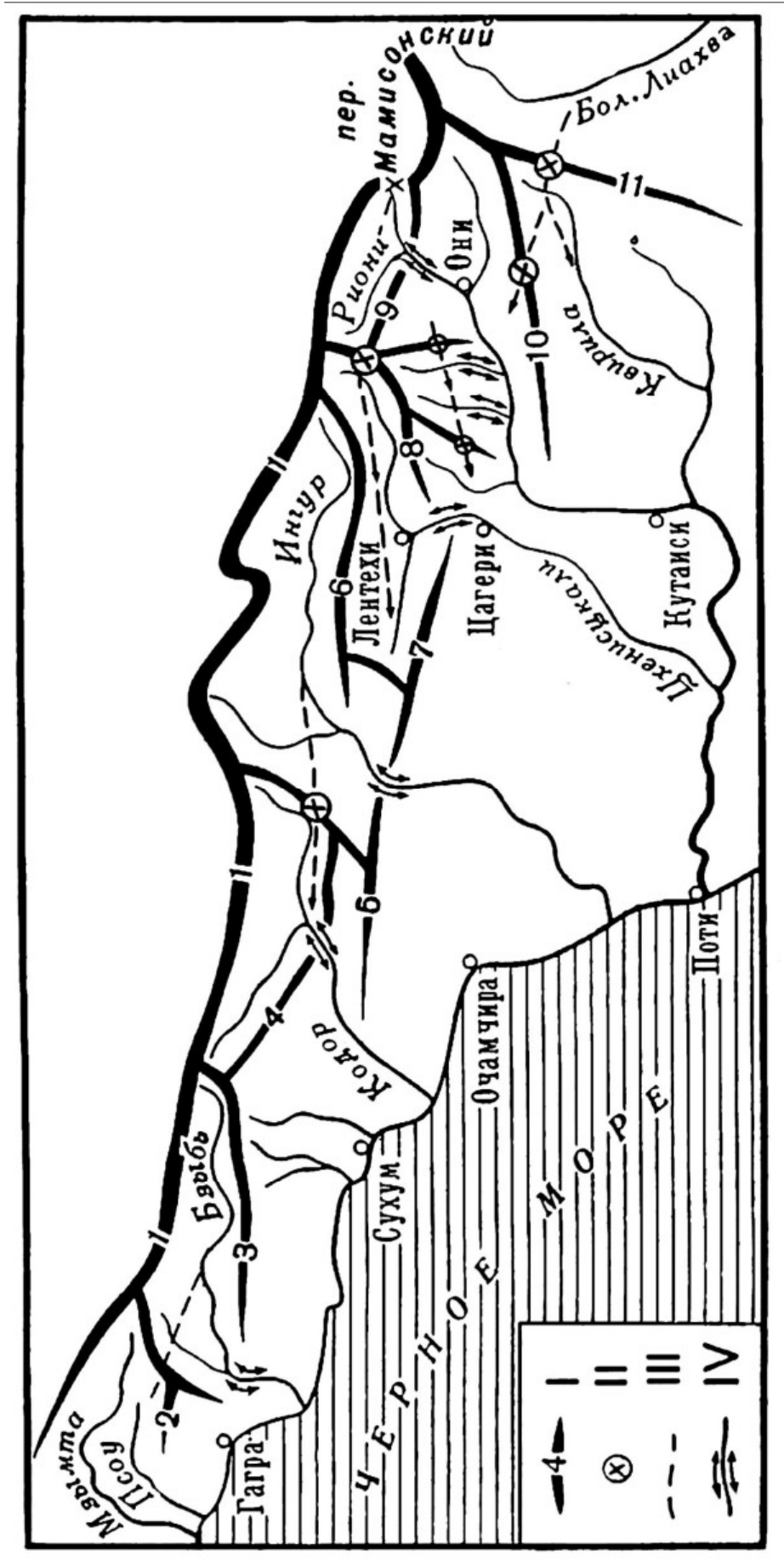

Рис. 65. Палеогеографическая схема южного склона Западного Кавказа:

1 — хребты: 1 — Кавказский; 2 — Гагринский; 3 — Бзыбский; 4 — Абхазский; 5 — Сванетский; 6 — Кодорский; 6 — Сванетский; 7 — Мегрельский; 8 — Лечхумский; 9 — Шода-Кедела; 10 — Ра-
чинский; 11 — Лхенский. II — остатки древних долин; III — предполагаемые направления древних рек; IV — антецедентные участки современных долин (по: [Неманишвили, 1975: 77—
84, рис. 1])

Рис. 66. Рельефная карта Абхазии. Вероятные пути расселения древних людей вдоль речных долин

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов, 2007: *Амирханов Х. А.* Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. М., 2007.
- Амичба, Габелия, 2001: *Амичба Г. А., Габелия А. Н.* Новая находка раннего палеолита в Абхазии // Труды Абхазского гос. ун-та. 2001. Сухум, 2001.
- Астахов, 1971а: *Астахов Н. Е.* Тектонические формы рельефа (морфоструктура) // Геоморфология Грузии. Тбилиси, 1971. С. 384—427.
- Астахов, 1971б: *Астахов Н. Е.* Морские террасы // Геоморфология Грузии. Тбилиси, 1971. С. 459—460.
- Астахов, 1971в: *Астахов Н. Е.* Типы берегов и рельеф подводного берегового склона // Геоморфология Грузии. Тбилиси, 1971. С. 485—495.
- Аутлев, 1963: *Аутлев П. У.* Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. Майкоп, 1963.
- Аутлев, 1988: *Аутлев П. У.* Исследование каменного века Закубанья за годы Советской власти // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988.
- Белая книга Абхазии, 1993: Белая книга Абхазии: Документы, материалы, свидетельства. М., 1993.
- Бердзенишвили, 1979: *Бердзенишвили Н. З.* Нижнепалеолитические памятники предгорной зоны Абхазии // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Т. VIII. Тбилиси, 1979 (на груз. яз. с рус. резюме).
- Бердзенишвили, Гзелишвили, 1961: *Бердзенишвили Н. З., Гзелишвили И. А.* Новые данные о палеолите Абхазии // Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита. М., 1961 (Труды комис. по изуч. четверт. периода. Т. 18).
- Бердзенишвили, Григолия, 1967: *Бердзенишвили Н. З., Григолия Г. К.* Отчет о работе палеолитической экспедиции на Черноморском побережье в 1966 г. // XVI науч. сес. Ин-та археологии и этнографии АН Груз. ССР. Краткие отчеты. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
- Бердзенишвили, Хубутия, 1974: *Бердзенишвили Н. З., Хубутия Г. П.* Пещерная палеолитическая стоянка Окуми I // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми, 1974.
- Береговая, 1960: *Береговая Н. А.* Палеолитические местонахождения СССР. М.; Л., 1960.
- Береговая, 1984: *Береговая Н. А.* Палеолитические местонахождения СССР. Л., 1984.
- Варданянц, 1948: *Варданянц Л. А.* Постплиоценовая история Кавказо-Черноморско-Каспийской области. Ереван, 1948.
- Васильев и др., 2007: *Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б. и др.* Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб., 2007.
- Векилова, Грищенко, 1972: *Векилова Е. А., Грищенко М. Н.* Результаты исследования Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг. // Палеолит и неолит СССР. Т. 7 (МИА. № 185). Л., 1972.
- Великовская, 1956: *Великовская Е. М.* О древних продольных речных долинах Большого Кавказа // Науч. докл. высшей школы. № 4: Геолого-геоморфологические науки. 1956.
- Великовская, 1961: *Великовская Е. М.* К вопросу о происхождении и развитии основных форм рельефа Большого Кавказа // Материалы Всесоюз. совещ. по изуч. четверт. периода. Т. II. М., 1961.
- Воронов, 1994: *Воронов Ю. Н.* Лев Николаевич Соловьев (1894—1972). СПб., 1994.
- Гвоздецкий, 1954: *Гвоздецкий Н. А.* Физическая география Кавказа. М., 1954.
- Гвоздецкий, 1963: *Гвоздецкий Н. А.* Кавказ. Очерк природы. М., 1963.
- Геологический словарь, 1978: Геологический словарь / Под ред. К. Н. Паффенгольца, Л. И. Боровикова и др. М., 1978.
- Григолия, 1979: *Григолия Г.* Памятники нижнего палеолита ущелья Ингури // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1979.
- Грищенко, 1971: *Грищенко М. Н.* Некоторые особенности геологии Ахштырской пещеры // Палеолит и неолит СССР. Т. 6 (МИА. № 173). Л., 1971.
- Громов, 1941: *Громов В. И.* Итоги изучения геологических условий нахождения палеолита на Кавказе и его значение для четвертичной стратиграфии // Бюл. комис. по изуч. четверт. периода. № 6—7. М.; Л., 1941.
- Громов, 1948: *Громов В. И.* Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) // Труды Ин-та геол. наук. Вып. 64. Геол. сер. № 17. М., 1948.
- Гумилевский, Коробков, 1967: *Гумилевский Н. И., Коробков И. И.* Местонахождения памятников каменного века у села Хейвани // КСИА. 1967. Вып. 111.
- Гусейнов, 1985: *Гусейнов М. М.* Древний палеолит Азербайджана. Баку, 1985.
- Девдариани, 1971: *Девдариани Г. С.* Колхидская часть межгорья // Геоморфология Грузии. Тбилиси, 1971.
- Долуханов, 1979: *Долуханов П. М.* Палеогеография и первобытные поселения Кавказа и Средней Азии в плейстоцене и голоцене // Ист.-фил. журнал АН Арм. ССР. Ереван, 1979. № 2.
- Замятнин, 1937: *Замятнин С. Н.* Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937.
- Замятнин, 1961: *Замятнин С. Н.* Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961.
- Зенкович, 1977: *Зенкович В. П.* Черное море // Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа. М., 1977.
- Ефименко, 1953: *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев, 1953.
- Когошвили, 1966: *Когошвили Л. В.* Современное движение земной коры на Кавказе // Глубинное строение Кавказа: Сб. М., 1966.
- Кожевников, 1977: *Кожевников А. В.* Опыт сопоставления морских и континентальных четвертичных отложений в

прибрежных зонах Кавказа и Крыма // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М., 1977.

Коробков, 1963: *Коробков И. И.* О методике определения нуклеусов // СА. 1963. № 4.

Коробков, 1964: *Коробков И. И.* Новая находка ручного рубила на Яштухе // КСИА. 1964. Вып. 101.

Коробков, 1965: *Коробков И. И.* Нуклеусы Яштуха // Палеолит и неолит СССР. Т. 5 (МИА. № 131). М.; Л., 1965.

Коробков, 1965а: *Коробков И. И.* Новые палеолитические находки на Яштухе. По результатам работ 1961 г. // СА. 1965. № 3.

Коробков, 1967: *Коробков И. И.* Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения // СА. 1967. № 4.

Коробков, 1971: *Коробков И. И.* К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем // Палеолит и неолит СССР. Т. 6 (МИА. № 173). М.; Л., 1971.

Коробков, 1982: *Коробков И. И.* Генеральная опись палеолитического инвентаря Яштуха // Фонды Абхазского Гос. музея. Сухум, 1982 (неопубл.).

Коробков, 1995: *Коробков И. И.* Яштухская палеолитическая стоянка (вопросы геологии и условий залегания палеолитических индустрий): Доклад по плановой теме на заседании Ученого совета ИИМК 20 апреля 1992 г. (тезисы) // АВ. 1995. № 4 (В тезисах имеют место редакционные купюры, затрудняющие понимание взглядов автора. — Л. В., Б. Е.).

Коробков, Мансуров, 1971: *Коробков И. И., Мансуров М.* К вопросу о типологии тейжско-зубчатых индустрий // Палеолит и неолит СССР. Т. 7 (МИА. № 185). М.; Л., 1971.

Левинсон-Лессинг, Струве, 1963: *Левинсон-Лессинг Ф. Ю., Струве Э. М.* Петрографический словарь. М., 1963.

Лиленберг, Муратов, Ширинов, 1977: *Лиленберг Д. А., Муратов В. М., Ширинов Н. Ш.* Морские террасы // Общая характеристика и история рельефа Кавказа. М., 1977.

Любин, 1970: *Любин В. П.* Нижний палеолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970.

Любин, 1989: *Любин В. П.* Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии (сер. «Палеолит мира»). Л., 1989.

Любин, 1998: *Любин В. П.* Ашельская эпоха на Кавказе. СПб., 1998.

Любин, Беляева, 2004а: *Любин В. П., Беляева Е. В.* Стоянка Homo Erectus в пещере Кударо I. Центральный Кавказ. СПб., 2004.

Любин, Беляева, 2004б: *Любин В. П., Беляева Е. В.* Открытие следов нижнего палеолита на островных горах Пятигорья (Ставропольский край) // Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А. А. Формозова: Сб. ст. М., 2004.

Любин, Беляева, 2004в: *Любин В. П., Беляева Е. В.* Нуклеидные скребки раннего палеолита // Археология и палеоэкология Евразии. Новосибирск, 2004.

Любин, Беляева, 2005: *Любин В. П., Беляева Е. В.* Роль сырьевой базы в вариативности ашельских и мустьерских индустрий Кавказа // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий. Ростов-на-Дону, 2005.

Любин, Беляева, 2006: *Любин В. П., Беляева Е. В.* Древнекаменный век Абхазии: итоги и перспективы исследований // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2006.

Любин, Беляева, 2008: *Любин В. П., Беляева Е. В.* Новые данные о раннем палеолите Армении // Ранний палеолит Ев-

разии: новые открытия: Материалы междунар. конф. Краснодар-Темрюк, 1—6 сент. 2008 г. Ростов-на-Дону, 2008.

Любин, Беляева, 2009: *Любин В. П., Беляева Е. В.* Сырьевая база каменных индустрий Кавказа в раннем и среднем палеолите // С. Н. Бибииков и первобытная археология. СПб., 2009.

Любин, Беляева, Саблин, 2010: *Любин В. П., Беляева Е. В., Саблин М. В.* Открытие раннепалеолитической стоянки в районе Нурнусского палеоозера (Центральная Армения) // Исследования первобытной археологии Евразии: Сб. ст. к 60-летию чл.-кор. РАН проф. Х. А. Амирханова. Махачкала, 2010.

Любин, Щелинский, 1972: *Любин В. П., Щелинский В. Е.* Новые данные о нижнем палеолите Сочинско-Абхазского Причерноморья // Бюл. комис. по изуч. четверт. периода. № 38. М., 1972.

Маруашвили, 1971: *Маруашвили Л. И.* Центральный Кавказ // Геоморфология Грузии. Тбилиси, 1971.

Неманишвили, 1975: *Неманишвили С. Н.* Развитие гидрографической сети южного склона Большого Кавказа // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1975. № 2.

Николаев, 1941: *Николаев Н. И.* О четвертичных тектонических движениях и возрасте рельефа Центрального Кавказа и Предкавказья // Докл. АН СССР. Т. 30, № 1. М., 1941.

Оллиер, 1987: *Оллиер К.* Выветривание. М., 1987.

Островский, 1968: *Островский А. Б.* О морских террасах Черноморского побережья Кавказа между Анапой и устьем р. Шахе // Докл. АН СССР. 1968. Т. 181, № 4.

Островский, Щелинский, 1969: *Островский А. Б., Щелинский В. Е.* Новые данные об «узунларских» слоях Черноморского побережья Кавказа // Бюл. МОИП, отд. геол. М., 1969. Т. 34 (2).

Островский и др., 1977: *Островский А. Б., Измаилов Я. А., Щеглов А. П. и др.* Новые данные о стратиграфии и геохронологии плейстоценовых морских террас Черноморского побережья Кавказа и Керченско-Таманской области // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М., 1977.

Рейнгард, 1925: *Рейнгард А. Л.* Гляциально-морфологические наблюдения в бассейнах Кубани и Кодора на Кавказе летом 1924 г. // Изв. гос. рус. геогр. о-ва. 1925. Т. LVIII, вып. 1.

Рыка, Малишевская, 1989: *Рыка В., Малишевская А.* Петрографический словарь. М., 1989.

Соловьев Б. Л., 1967: *Соловьев Б. Л.* Четвертичные оледенения бассейна реки Кодора на Западном Кавказе // Бюл. комис. по изуч. четверт. периода. № 34. М., 1967.

Соловьев Л. Н., 1940: *Соловьев Л. Н.* К вопросу о геологической датировке Абхазского палеолита // Бюл. комис. по изуч. четверт. периода. М.; Л., 1940.

Соловьев Л. Н., 1961: *Соловьев Л. Н.* Об итогах археологических раскопок в гроте Хупьнипшахва в 1960 г. // Труды Абхаз. ин-та яз., лит. и ист. Т. 32. Сухуми, 1961.

Соловьев Л. Н., 1971: *Соловьев Л. Н.* Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии. Сухуми, 1971.

Соловьев Л. Н., 1974: *Соловьев Л. Н.* Новые находки шелльских орудий // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми, 1974.

Соловьев Л. Н., 1978: *Соловьев Л. Н.* Верхнепалеолитическая стоянка грота Кёп-Богаз // Пещеры Грузии. № 7. Тбилиси, 1978.

Соловьев Л. Н., 1987: *Соловьев Л. Н.* Материалы палеолитических стоянок открытого типа. Новые находки нижне-

палеолитических орудий на Западном Яштухе // Памятники каменного века Абхазии. Тбилиси, 1987.

Хварцкия, 1992: *Хварцкия М. Х.* Мустьерская пещерная стоянка в Абхазии // СА. 1992. № 3.

Хварцкия, Полякова, Очередной, 2005: *Хварцкия М. Х., Полякова Н. Е., Очередной А. К.* Мачагуа — памятник среднего каменного века в Абхазии. СПб., 2005.

Церетели, Мгеладзе, 1982: *Церетели Л. Д., Мгеладзе Н. Р.* Раскопки пещеры Апианча // Полевые археологические исследования в 1979 г. Тбилиси, 1982.

Церетели, Клопотковская, Майсурадзе, 1982: *Церетели Л. Д., Клопотковская Н. Б., Майсурадзе Г. М.* Многослойный памятник Апианча (Абхазия) // Четвертичная система Грузии. Тбилиси, 1982.

Шанцер, 1940: *Шанцер Е. В.* Условия залегания и геологическая датировка абхазского палеолита // Бюл. комис. по изуч. четверт. периода. № 6—7. М.; Л., 1940.

Щелинский, 2007: *Щелинский В. Е.* Палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа (памятники открытого типа). СПб., 2007.

Щелинский, 2010: *Щелинский В. Е.* Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности. Памяти А. А. Формозова. М., 2010.

Щелинский, Островский, 1970: *Щелинский В. Е., Островский А. Б.* Об опыте стратифицирования новых археологических памятников Черноморского побережья Кавказа // Материалы к симпозиуму «Периодизация и геохронология плейстоцена». Л., 1970.

Bordes, 1961: *Bordes F.* Typologie du Paleolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961.

Breizillon, 1971: *Breizillon M.* La denomination des objets de Pierre taillée. Paris, 1971.

Heinzelin de Braucourt J. de, 1962: *Heinzelin de Braucourt J. de.* Manuel de typologie des industries lithiques. Bruxelles, 1962.

Chavaillon, 1988: *Chavaillon J.* Chopper/chopping-tool (tranchoirs) // Dictionnaire de la prehistoire (ed. F. Leroi-Gourhan). Presses Universitaires de France. Paris, 1988.

Debenath, Dibble, 1994: *Debenath A., Dibble H. L.* Handbook of Paleolithic typology. Vol. I: Lower and Middle Paleolithic of Europe. University of Pennsylvania. Philadelphia, 1994.

Lordkipanidze et al., 2007: *Lordkipanidze D., Jashashvili T., Vekua A. et al.* Postcranial evidence from early Homo from Dmanisi, Georgia / Nature. Vol. 449 / 20 September 2007.

Lumley et al., 2005: *Lumley H., de Nioradze M., Barsky D. et al.* Les industries lithiques preoldowayennes au debut du Pleistocene inferieur du site Dmanissi en Georgie // L'Anthropologie. Vol. 109, no 1. Paris, 2005.

Pradel, 1956: *Pradel L.* Mousterien typique et Mousterien de tradition acheuleenne // C.P.F. 15 session. Poitiers-Angouleme, 1956.

Presnyakov et al.: *Presnyakov S. L., Belyaeva E. V., Lyubin V. P. et al.* Age of the earliest Paleolithic sites in the northern part of the Armenian Highland by SHRIMP-II U-Pb dating of zircons from volcanic ashes // Gondwana Research. В печати.

Shchelinsky et al., 2010: *Shchelinsky V. E., Dodonov A. E., Baigusheva V. S. et al.* Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (South Azov Sea region, Russia): Bogatyri / Sinyaya Balka and Rodniki // Quaternary international 223—224. 2010.

Texier, 1985—1986: *Texier J.-P.* Le site aterien du Chapeyron-Rouge 1 (Maroc) et son contexte géologique // Bulletin d'archéologie Marocaine. 1985—1986. XVI.

Tixier, 1963: *Tixier J.* Typologie de l'Epipaleolithique du Maghreb // Memoires du Centre de Recherches anthropologiques, prehistoriques et ethnographiques. 2. Alger, Paris, 1963.

Список сокращений

- АВ — Археологические вести. СПб.
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 МОИП — Московское общество испытателей природы.
 СА — Советская археология. М.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	6
1. География и палеогеография Яштухского местонахождения.	7
2. История исследований Яштухского местонахождения.	9
3. Вопросы геологической изученности и датировок Яштухского местонахождения.	11
4. Полевые работы на Яштухском местонахождении	16
Работы С. Н. Замятина	16
Работы Л. Н. Соловьева	17
Работы Н. З. Бердзенишвили	18
Работы И. И. Коробкова	18
5. Обзор данных о домустьерской (ашельской) каменной индустрии Яштухского местонахождения	21
Сырье	22
Техника расщепления.	23
Типологическая характеристика	25
6. Авторский подход к характеристике ашельских материалов Яштухского местонахождения	30
Основные особенности вторичной обработки	30
Морфолого-типологическая характеристика	31
7. Место Яштухского местонахождения в раннем палеолите Черноморского побережья Кавказа	39
Заключение	44
Приложение 1. Некоторые типологические особенности ашельских индустрий Яштухского местонахождения (Абхазия). Тезисы доклада И. И. Коробкова на заседании сектора палеолита ЛОИА АН СССР 28 марта 1983 года	47
Приложение 2. Истоки ашеля Черноморского побережья Кавказа. Тезисы доклада И. И. Коробкова на заседании сектора палеолита ЛОИА в 1989 году	51
Приложение 3. Яштухская палеолитическая стоянка (вопросы геологии и условий залегания палеолитических индустрий). Тезисы отчетного доклада по плановой теме И. И. Коробкова 20 апреля 1992 года	53
Иллюстрации	56
Литература	116
Список сокращений	118

В. П. Любин, Е. В. Беляева

СТРАНИЦЫ РАННЕЙ ПРЕИСТОРИИ АБХАЗИИ

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»
✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 01.09.2011
Гарнитура основного текста типа «Times»
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 60×90¹/₈. Объем 18 уч.-изд. л.
Тираж 300 экз. Заказ №

PRINTES IN RUSSIA

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12